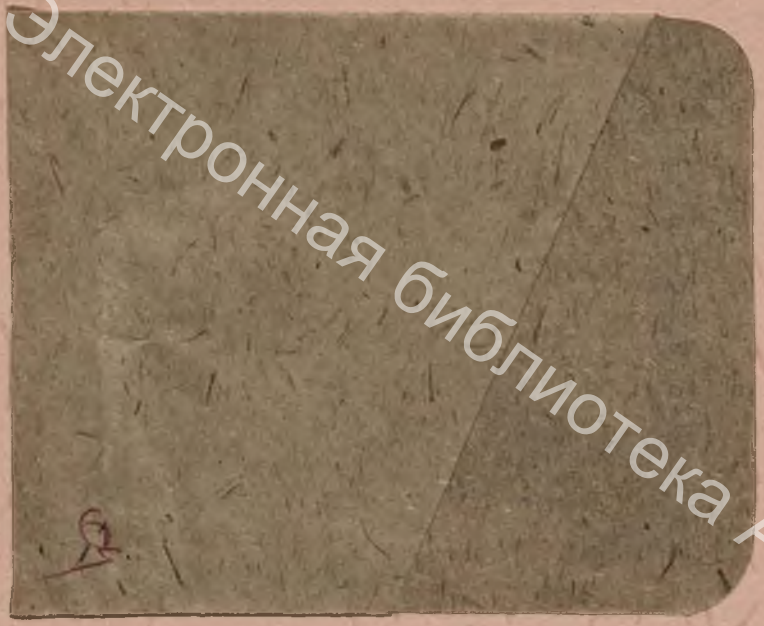
1

1968

АЛТАЙ

Электронная библиотека АКУНБ; elib.altlib.ru



Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Год издания XXI № 1 (44) 1968

М 677856

В НОМЕРЕ:

* КРАСНАЯ ЛИНИЯ ЖИЗНИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА-БАЛТИЙЦА
* КТО ТАКОЙ ДАДЫКИН? — РАССКАЗ АЛЕКСАНДРА БАЗДЫРЕВА
* СТИХИ НИКОЛАЯ ЧЕРКАСОВА, ВИКТОРА СЛЕПЕНЧУКА
* ВАСИЛИЙ ШУКШИН — НАШ ЗЕМЛЯК
* НОВОЕ В НОВООБИНКЕ. ОЧЕРК О МОЛОДОМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕ КОЛХОЗА
* ИЗ ПРОШЛОГО: ДЕКАБРИСТЫ НА АЛТАЕ

Фонд краеведения

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

РС

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
А. Баздырев, Н. Дворцов, И. Казанцев, Л. Квин (редактор),
В. Сидоров, М. Одалевич.

Оформление художника **В. Еврасова.**
На обложке: новый памятник В. И. Ленину на площади Советов в Барнауле. Цветное фото **Н. Калинина.**

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

М. О. Пантюхов в конце двадцатых годов.

Михаил ПАНТЮХОВ

КРАСНАЯ ЛИНИЯ

ИЗ КНИГИ ЖИЗНИ

Старый коммунист, моряк-балтиец Михаил Осипович Пантюхов (1896—1966) прожил богатую, интересную, насыщенную событиями жизнь. Сын садовника-подмастерья царскосельского парка, он еще в детстве осознал всю вопиющую несправедливость царского строя с его роскошью и вечной праздностью на одном полюсе, с нищетой, бесправием и рабским трудом — на другом. И когда народ поднялся против тяжкого ига, Пантюхов сразу же, не задумываясь, стал на сторону революции, участвовал в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде в 1917 году.

В годы гражданской войны Пантюхов командует отрядом моряков, а затем, лишившись ноги, выполняет ответственные поручения партии на самых различных участках строительства новой жизни.

Последнее десятилетие Михаил Осипович, персональный пенсионер, живя и работая в Барнауле, писал книгу о своей жизни, о своем пути в революции, о своей «красной линии».

МАТРОС С «ВАРЯГА»

Однажды в Царском Селе появился матрос без ноги, на деревяшке. На бескозырке было написано: «Варяг». На груди матроса поблескивал Георгиевский крест. Что такое крейсер «Варяг», мы, мальчишки, хорошо

Электронная библиотека АКИПР, elib.altlib.ru

знали, распевали популярную тогда песню о геройской гибели «Варяга». А тут перед глазами живой матрос с прославленного корабля.

Прохожие оглядывались на моряка, некоторые снимали шапки. За матросом неслась целая толпа мальчишек. Один за другим мы забегали вперед и громко читали надпись на ленточке бескозырки.

От моряка крепко пахло какими-то лекарствами, из чего мы сделали вывод, что он лишь недавно вышел из госпиталя. Наше назойливое любопытство очень мало беспокоило матроса, он весело улыбался нам и охотно отвечал на все вопросы.

— А ну, скажите-ка, пострелята, где здесь у вас можно подзаправиться...

В это время мы проходили около «Северной» гостиницы. На кухне «Северной» мне были все знакомы. Там и официант дядя Андрей, и старший повар дядя Яша — оба приятели моего отца; кроме того, мать брала стирку в кухне и буфете «Северной».

— Дяденька! Пойдемте в «Северную»! — позвал я и бодро направился к воротам.

Мне и в голову не пришло повести гостя через обычный вход в ресторан, так как детям вход туда воспрещен. Зато на кухне я свой человек.

Повара, официанты встретили моряка, как дорогого гостя, накормили и напоили должным образом. Из всей оравы мальчишек только я присутствовал на торжественном пиршестве, а вся остальная ватага с завистью и нетерпением ожидала во дворе.

Выйдя из кухни, моряк с «Варяга» опять попал в окружение детворы. Дело было под вечер.

— Ну, а теперь, кто скажет, где можно переночевать?

— Идемте к нам!.. К нам!.. К нам! — раздалось со всех сторон.

— Дяденька, а к нам ближе всех, вот наш дом, через дорогу, — предложил Митя, сын маляра.

— Ну, давай к вам, если не прогонят.

Маляр очень обрадовался гостю, и они вошли с ним в дом. Мальчишки со двора ходили гоголем:

— Наш дяденька «Варяг»!

На другой день было воскресенье. По заведенному в нашей семье обычаю дети отправлялись утром к обедне в Знаменскую дворцовую церковь, расположенную по соседству с Екатерининским дворцом в Пушкинском садике.

Сборы в церковь всегда были довольно хлопотливым делом. Мать тщательно умывала, причесывала нас. Из сундуков появлялись на свет божий праздничные костюмы, платья, банты, обувь. Окончив сборы, мать давала последние наставления, как вести себя в церкви, какому

Электронная библиотека АКИТ, elibrary.ru

святому поставить свечку — на нее вручался мне, как старшему, неизменный пятак.

Войдя в церковь, я направился к столу, где продавались свечи, принимали поминания и заявки на просвиру. Лукавый назойливо нашептывал на ухо совет — зажилить пятак, тем более, что бог сейчас, вероятно, очень занят обеденными хлопотами и не заметит обмана. Но сестренка Женя следила за мной строгими глазами...

Взял свечку и пошел ставить... И вдруг остолбенел от неожиданности. У одной из колонн стоял вчерашний матрос с «Варяга» и истово молился, не обращая внимания на окружающих.

Вскоре после начала обедни в церкви началось движение. Я знал, что народ выходит смотреть царский проезд. По воскресеньям Николай II отправлялся из Александровского дворца в церковь, и, как всегда, толпа выстраивалась на тротуаре в ожидании царя.

Матрос с «Варяга» тоже вышел и стал в толпе, теснившейся на тротуаре. На дороге суетились дворцовые городовые, офицеры. Важный пристав наводил порядок на тротуаре.

— Господа, осадите! Отступите дальше от дороги...

Но вот наконец городовые выстроились цепочкой вдоль тротуара, лицом к публике, все головы повернулись по направлению к Александровскому дворцу.

— Едет! Едет!

Со стороны Александровского бешено промчалось несколько казаков конвоя в красных парадных черкесках, за ними появился открытый экипаж царя. На козлах восседал толстый кучер, грудь вся украшена крестами и медалями. Рядом с ним — бородатый казак-конвоец, тоже в крестах. В открытом экипаже сидел Николай II и две его дочери.

Когда экипаж поравнялся с толпой, головы обнажились, раздалось «ура». Николай взял под козырек. И в этот момент я услышал пронзительный крик, перекрывший шум толпы:

— Ваше величество!

Матрос с «Варяга», стоявший впереди нас на краю тротуара, крикнув, бросился вперед, подняв над головой белый конверт. Николай повернул голову, но в этот момент двое каких-то типов в котелках с молниеносной быстротой дернули матроса назад, причем один из них с силой пнул его деревяшку. Матрос упал, и типы навалились на него.

Экипаж царя был уже далеко. Толпа заволновалась. Все хлынули к месту происшествия, где шпики возились с матросом, который оказался очень сильным человеком и щедро раздавал затрещины. На тротуаре валялись сшибленные с голов котелки.

— Разойдись!

Электронная библиотека АКУНИН.elib.alib.ru

Дворцовые городовые быстро оттеснили толпу за решетку сквера, поспешили на помощь шпикам.

Матросу скрутили руки и потянули по дорожке через сквер, мимо памятника Пушкину. Чугунный Пушкин, сидя на садовой скамье, с грустью взирал на эту дикую сцену. Матроса волоком тащили по дорожке, и его деревянная нога чертила по песку кривую линию. У выхода из сквера уже дожидалась карета дворцового ведомства, в нее втиснули отбивавшегося героя войны.

— Гады! Гады! Подлецы! — кричал он хриплым сдавленным голосом.

Карета умчалась, а мы плакали навзрыд, повторяя:

— Наш дяденька, наш дяденька «Варяг»...

Больше матроса с «Варяга» мы не видели в Царском Селе.

Где-то он?..

ОХ, И ТРУДЕН ПУТЬ В МОРЯКИ!

Весной, в пасхальные дни, я неожиданно встретил на улице мальчика, с которым учился в приютской школе. Мальчика звали Арсением Кудрявцевым. Его мать была нищенкой и всегда стояла с протянутой рукой у собора. Арсений очень любил свою мать, но стыдился ее нищенства.

На сей раз Арсений был одет в морскую форму. На ленточке бескозырки выведено: «Фельдшерская школа».

Я был буквально ошеломлен.

— Где же эта школа?

— В Кронштадте.

— А попасть трудно?

— Как тебе сказать! Подашь заявление, а осенью будешь держать экзамены по арифметике, русскому и закону божьему. Правда, желающих много, а вакансий мало. Попробуй, может, выдержишь.

С того дня все мои мысли были заняты Кронштадтской фельдшерской школой. Я упросил отца подать заявление. Через некоторое время пришло извещение о допущении меня к экзаменам, которые должны были состояться 15 августа в Кронштадте.

Мать моя многие годы стирала белье у лесопромышленника Борошнева. Гувернантка Борошневых, старая дева Мария Степановна, охотно взялась приготовить меня к экзаменам. Я забросил все игры и свободное от работы в саду время отдавал учебе. Выучил наизусть чуть ли не половину учебников и был уверен, что экзамены выдержу.

Провожали меня в Кронштадт мать и сестра. Мать плакала, то и де-

Электронный архив библиотеки АКУНБ elibalib.ru

ло крестила меня на дорогу, просила быть умником, зря не тратить денег.

Выйдя на пристани, я не знал, куда двинуться. Увидел группу мальчиков, также, видимо, приехавших в Кронштадт. От них я узнал, что одни хотят поступить в фельдшерскую школу, другие — в школу юнг. Мы пошли в морской госпиталь, где помещалась школа. На парадной двери висело объявление, что экзамены начнутся через два дня.

Я пошел бродить по городу в поисках ночлега. Кто-то посоветовал пойти в ночлежку странно-приемного дома Иоанна Кронштадтского, но сказалось, что туда пускают только с восьми часов вечера. Нечего делать, пришлось как-то убивать время.

Шатаясь по городу, я забрел в Петровский садик. В порту у стенок стояли большие военные корабли — я видел их первый раз в жизни. Немного подальше — коммерческие суда, финские лайбы. В порту снуют, распуская гривы черного дыма, буксиры и паровые катера, трещат моторные лодки. Со стороны портовых мастерских доносится лязг железа, ухающий стук парового молота, визг пилы.

На гранитных стенках сидели мальчишки с удочками, вылавливая костистых бычков и разную рыбную мелочь. Во мне заговорила страсть рыболова. Помчался в город, купил леску, крючки. Подсел возле босоногого мальчишки, лет 12—13 на вид. Мальчишка оглядел меня неприветливо. Через минуту мы готовы были пустить в ход кулаки, но в это время у мальчишки клюнуло и потянуло под воду поплавок. Драться стало недосуг.

Мальчишка вытащил крупного окуня, который нас сразу примирил. Оказалось, мальчик тоже поступает в фельдшерскую школу, зовут его Мстислав Федоров. Отец Мстислава был боцманом на каком-то военном корабле и умер несколько лет назад, мать — прачка, стирает поденно.

— Боюсь только, не выдержу, — поделился он со мной своими опасениями. — К экзаменам не готовился, а начальную школу кончил прошлый год и все забыл, что знал... А ты?

— Не знаю. Я готовился, но у меня нет никаких рекомендаций, а школа принимает в первую очередь детей флотских и сирот.

— У меня есть письмо от командира, с которым отец плавал, но все равно чувствую, что дело не выйдет...

Впервые у меня мелькнула мысль о том, что буду делать, если не примут в школу. Одно ясно было: домой с таким позором возвращаться нельзя.

— А что, Мстислав, если провалимся в фельдшерскую, ведь можно в школу юнг?

— Ну, нет, туда я не пойду! Учись, учись и выйдешь матросом пер-

Электронная библиотека АКУ lib.alib.ru

вой статьи. А потом, там одними строевыми учениями в гроб загонят. Вот если на иностранного купца юнгой попасть — это другое дело...

Я отдал свой улов Мстиславу, угостил его мороженым, и наша дружба была скреплена. Условились на другой день встретиться в Петровском садике.

К восьми часам вечера я был в ночлежке. Около дверей собралась целая толпа оборванных мужчин и женщин, нищих, калек. Многие были пьяны.

Когда открыли дверь, толпа с воплями и руганью ринулась в ночлежку. У дверей, ведущих к лестнице, стоял здоровый бородатый мужик в фартуке и принимал деньги. За ночлег брали одну копейку. С некоторыми жаждущими получить ночлег сторож вступал в перебранку.

— Эй, ты, рыжий, поворачивай оглобли. Не пущу! Прошлый раз пьяный набушевал, теперь околоточный сказал, чтоб твоего духу здесь не было.

— А при чем я здесь, если меня затронули?

— Вали, вали дальше... А ты куда? Где копейка?.. Завтра отдашь? Ну, завтра и приходи... Ты, кулема, опять приполз, опять ночью по нарам шарить будешь?

— Да рази я что украл...

— А били за что ночью?

— Зря били, видит бог, зря!

Несколько человек так и не попали в ночлежку.

— А ты чей, мальчик?

— Я приехал на экзамены, а ночевать негде.

— Зря ты сюда, обидят босяки.

— Да ничего, дяденька, как-нибудь.

Я долго упрашивал сторожа, хотя, признаться, мне было страшно в этом грязном вонючем доме.

— Ну, ладно. Давай копейку. Вон там по правой руке у стены старичок сидит. Капитаном зовут. Скажи, я послал. Он тебя устроит.

Я вошел в большую комнату с высоким потолком. Посередине комнаты и вдоль стен стояли нары. Каждое место отделено от другого низеньким барьерчиком. Ни подушек, ни матрацев. В углу большая икона Спаса Нерукотворного с лампадой.

В комнате было человек шестьдесят народу. Шум, крик, матерщина густо висели в сизом от табачного дыма воздухе. Я нашел на нарах около стены старика, который копался в сундучке.

— Дедушка, ты, что ли, капитан будешь?

Старик поднял голову, из-за очков глянули добрые умные глаза.

— Я капитан, салажонок. А ты как сюда угодил? По одеже вижу — не здешний. От родителей, поди, убежал?

Электронная библиотека АКУ elibaltlib.ru

— Нет, что вы! Я приехал на экзамены в фельдшерскую школу, а в городе знакомых нет и денег мало.

— Ну, много ли, мало ли, ты о деньгах здесь помалкивай. Ночлежка не банк. Так что ты от меня хочешь?

— Меня к вам сторож послал, чтобы вы место дали.

— Место? Ну, вот тут у меня в головах ложись. Плохо будет, жестко. Я вот тебе под голову кофту свою дам, смотри, чтобы не сперли.

Подошел какой-то оборванец в рваной полосатке, в опорках на босу ногу.

— Господину капитану почет и уважение! Что, никак внук приехал из Голландии?

— И точно внук...

— Поди привез тюльпаньих луковиц и голландского сыру?

— Ладно, не трогай мальца. Шагай себе на бак!

Босяк откозырял и отошел.

Подходили и другие. Чувствовалось, что старик имеет здесь немалый вес. Все обращались к нему с некоторой долей почтительности. Видно, он жил здесь постоянно. На его нарах лежал грязный старый матрац, покрытый засаленным одеялом из лоскутков. В головах — серенькая подушка. Под нарами стоял небольшой деревянный чемодан. У самых нар на столбе висела десятилинейная лампа, хотя в остальной части ночлежки царил полумрак: три-четыре керосиновых лампы, расставленные в разных углах, давали очень мало света.

Я устроился на нарах и с любопытством наблюдал за всем происходящим в ночлежке. Под охраной капитана я чувствовал себя спокойно. Он встал, направился к лампаде, поправил фитиль. Вернувшись, сел около меня, закурил трубку и, помолчав, спросил:

— Как зовут, мальчуган?

— Мишей. А вас?

— Гм, как тебе, братец, сказать? Люди зовут капитаном, ты можешь звать дедушкой, если тебе нравится, а по бывшему паспорту — Владимир Николаевич.

— А почему вас зовут капитаном?

— Наверное, потому, что я и есть капитан, хотя бы вот этого сумасшедшего корабля.

— Вы здесь давно живете?

— Давненько. Ты меня не спрашивай, а лучше о себе расскажи.

Как-то легко и тепло было с этим человеком. Чувствовалась в нем добрая, ласковая душа. Многого я не мог понять, но чувствовал, что старик чужд этому крикливому, наглому сброду, что, несмотря на его лохмотья, он не из простых...

Мы долго беседовали.

Электронная библиотека АГУНБ, elibaltlib.ru

— Ну, пойдем, Мишук, в нашу столовку ужинать.

Мы спустились на нижний этаж, где помещалась столовая ночлежки. В столовой было шумно. У окна в кухню стояли в очередь ночлежники с мисками. Ужин состоял из щей и гречневой каши с маслом. К ужину давали большой ломоть хлеба. Весь ужин стоил одну копейку. Столовая содержалась за счет какого-то благотворительного учреждения.

После ужина мы опять, усевшись на нарах, беседовали с капитаном. Я узнал, что он много лет провел во флоте, поскитался по свету.

Во время беседы к нам подошел старичок-ночлежник.

— Ты бы, Владимир Миколаевич, машину завел, больно уж скучно.

— Что ж, можно и машину послушать.

Капитан полез в сундучок, достал со дна какую-то машину, вставил странную трубку. Машина заиграла бодрый мотив.

Я раскрыл рот от удивления.

— Что это за штука, дедушка?

— Фонограф. Вот будь у меня новые валики, я бы мог что угодно спеть или рассказать, а машина записала бы и повторила.

Заснули мы поздно, когда спали уже все ночлежники. Только где-то в углу, около свечного огарка, шла азартная игра в карты и слышался злобный шепот переругивающихся игроков.

Проснулся я рано утром от шума. Вчерашний сторож будил ночлежников, бесцеремонно стягивая спящих за ноги с нар.

— А ну, вытряхивайся! Разоспался как у тещи в гостях.

— Рано еще, дай поспать.

— Вставай, чего разговариваешь!.. Капитан, дай-ка тому шваброй по башке. Три раз будил.

Очень хотелось спать, но сторож подошел и ко мне.

— Эй, вставай, кофей готов...

— Ты, Андрей, не тронь мальчишку, пусть поспит еще, я его потом разбужу, — вступился капитан. — Хороший мальчишка, учиться приехал.

— Ну, пущай спит, — не стал спорить сторож.

Вторично я проснулся поздно утром. В ночлежке шла уборка. Воняло карболкой. Капитан мокрой тряпкой протирал нары.

— Как спалось на новом месте?

— Хорошо, дедушка.

— Иди умойся, вот мыло. А потом пойдем в трактир, чаю попьем.

Недалеко от ночлежки был дешевый трактир «Якорь», где мы напились чаю, взяв к нему ситного и колбасных обрезков «собачья радость».

Я побежал в Петровский парк на свидание с Мстиславом. Мне определенно везло. Только приехал в чужой город, и сразу же двое друзей нашлось. Да еще каких друзей!

Мне недолго пришлось ждать Мстислава. Мы пошли бродить по

Электронная библиотека АКУНБ elib.altlib.ru

порту, осматривая корабли, стоявшие у стенки. Мстислав в порту был как дома, знал чуть ли не каждый ялик.

— Это вот броненосец «Александр III» — старая галоша. Он уже забыл, когда последний раз уходил из гавани. Поп у них на корабле забавный. Смерть любит умные проповеди говорить. Замучил матросов. В воскресенье матросы со всех кораблей на берегу давно, а у этих еще обедня идет. Все смеются: «Александр III» — плавучий монастырь»... А это вот «Память Азова», здесь в пятом году матросы бунтовали. Офицеров побили, шкур за борт покидали. А вот стоит «Диана». Ничего кораблюха. Крейсера есть еще такие же: «Аврора», «Паллада». А вот там, видишь, миноносец «Стремительный»...

Я никогда раньше не видел ни моря, ни кораблей, и потому мне все здесь было интересно.

Экзамены должны были состояться послезавтра. Времени еще много. Я начал экзаменовать Мстислава, но скоро убедился, что мой приятель подготовлен очень плохо.

— Эх, провалюсь, как пить дать. Что тогда будем делать? Знаешь что, Мишка, плюнем на все это дело и махнем на иностранца юнгами. В Америку уплывем.

— А можно?

— Конечно, можно. Пошли в английское консульство.

В консульстве нас принял какой-то господин. Сказали, что мы сироты и ищем работу. Он дал нам свою визитную карточку и направил к капитану английского торгового судна, стоявшего в порту на ремонте.

Капитаном оказался необыкновенно толстый дядька с короткой трубкой. Мы отдали ему визитную карточку. Капитан сам нас не понимал и крикнул стюарда, который с горем пополам объяснялся по-русски. Выслушав просьбу, капитан согласился принять нас. Судно уходило дней через десять, и мы должны были прийти перед отправлением. Об условиях не договорились, мы готовы были на все.

— Олл райт, бойз! — сказал на прощание капитан, похлопав Мстислава по плечу.

Мы, обрадованные, как на крыльях, бросились в город.

— Вот что, Миша, давай поклянемся, что не оставим друг друга. Экзамены держать будем, но останемся и будем учиться только тогда, если обоих примут в школу. А если один из нас провалится, то уедем с англичанином. Согласен? Дай руку и скажи: «Клянусь!».

— Клянусь!

В этот миг я был готов на все ради новоприобретенного друга.

Вечером пришел в ночлежку. Капитан обрадовался мне:

— Я тебя давно поджидаю!

Я рассказал капитану о Мстиславе, о нашей клятве, об англичанине.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.akunb.ru

Старик задумался.

— Трудное, сынок, дело. Можете попасть на такую каторгу, что жизни рады не будете. У них на судне порядки строгие. Опять же что за корабль. Богатая компания — лучше порядки, а то есть такие: он капитан, он же и хозяин. Этот из матросов жилы вытянет, гнилыми сухарями да солониной задушит. Сходим потом в порт, я посмотрю, что за посуда. А товарищество — это хорошо... Эх, если бы я помоложе, к вам в компанию вошел. Взяли бы?

— Какой разговор!..

Капитан в этот вечер долго рассказывал о дальних странах, о Куке, о Миклухо-Маклае, о Беринге. Я слушал, словно зачарованный, и не помню, как уснул.

В день экзаменов в саду Морского госпиталя собралось больше четырехсот мальчиков, приехавших со всех углов России, даже из далекой Сибири. Тут были мальчики в гимназической форме с выломанными из фуражки гербами, реалисты, ученики духовных училищ, одетые прилично, по-городскому, и деревенские ребята в домашних рубахах, с котомками за плечами. Некоторые приехали с родителями. И взрослые и ребята заметно волновались, расспрашивая друг друга о порядках.

Медкомиссия меня пропустила без всяких разговоров: я был крепко сбитый, здоровый мальчуган.

Начались экзамены.

После нашей клятвы я был почти спокоен, так как на плохой конец у меня был выход из положения. Конечно, жаль было уехать, оторваться от семьи, но ведь через несколько лет я вернусь домой.

Экзамен по закону божьему я выдержал на пять. Экзаменовал глубокий старик, священник церкви Морского госпиталя. Он одобрительно тряс длинной, седой бородой:

— Так, так, хорошо...

По русскому языку я хорошо отвечал по устному и прекрасно написал диктант. Пятерки были обеспечены. Арифметика меня немного подвела. Письменную задачу я решил, но по устному запутался. По моим расчетам, арифметику я сдал на четверку.

Мотовилов держал экзамен позднее. Встретив меня, он безнадежно махнул рукой:

— Ну, кажется, едем в Америку... Дай бог, если русский и арифметику на три вытяну.

Многие ребята были хорошо подготовлены. Отвечали бойко, задачи решали быстро. Но конкурс большой. Принять должны были человек шестьдесят, так что даже одна четверка могла подвести.

Утром я пошел в Морской госпиталь. У дверей школы стояла большая толпа мальчишек и взрослых, читая приклеенное на дверях объявле-

Электронная библиотека АИРБ, elibaib.ru

ние о принятых. Слышались радостные восклицания, поздравления, тут же раздавались возгласы возмущения. Некоторые мальчики плакали.

Я протиснулся вперед. Меня в списке принятых не было. Зато почти в конце стояло: «Мстислав Федоров».

У ворот я встретил его самого, довольного, сияющего.

— Я принят, слава богу. Не ожидал никак. Но тебя как будто нет в списке? — спросил он.

— Нет. Значит, идем на англичанина?

— Зачем?

— Как зачем? А клятва?

— Я, знаешь ли, раздумал. Ну, как я брошу мою бедную мать? Она меня так любит, и я у нее один. Ты поезжай, ей-богу, будет хорошо, а я не могу...

Я стоял растерянный, уничтоженный, обманутый в своих лучших чувствах. Мир показался мне злым и холодным. Куда я пойду теперь? Домой возвращаться нельзя. Стыд, попреки отца, молчаливые слезы матери, презрительное сочувствие родных и знакомых. Уехать в Америку? Но кому я там нужен? Остаться с капитаном? Но у меня всего девяносто копеек...

Я долго ходил по городу без всякой цели. Вечером пришел в ночлежку. Капитан встретил меня вопросом.

— Ну, что?

Я молча сел на нары, закрыл лицо руками. Ласковая, шершавая рука коснулась моей головы.

— Не горюй, милый ты мой.

Я уткнул лицо в колени старика и заплакал навзрыд. В этих слезах было первое большое горе, одиночество, страх и горечь обиды.

Старик утешал, как мог. Говорил даже, что завтра пойдет куда-то хлопотать и выхлопочет, наверное, так как «он» не посмеет отказать в единственной просьбе...

Я забылся тяжелым сном. Проснулся рано. Ночлежка еще спала. Долго лежал с открытыми глазами, вглядываясь в темноту.

Что делать? Никому я не нужен. Семье в тягость, друг обманул. Вот этот милый старик, но ведь он сам страшно одинок и несчастен.

Вдруг вспомнились мне скупые жестокие строки газет: «С целью самоубийства выпила сулему...», «Повесился...», «Бросился в реку...», «Отравилась уксусной эссенцией...» В те годы хроника происшествий часто отмечала подобные случаи.

Чем я больше думал об этом, тем назойливее становилась мысль: не жить, отравиться, всем назло, всем назло!

Время тянулось мучительно долго. Наконец в окнах забрезжил робкий рассвет.

Электронная библиотека АГУНБ elib.altlib.ru

Ночлежка проснулась. Проснулся и капитан. Началась обычная утренняя суматоха с криками и руганью.

— Ну, успокоился? Я ж говорил, глупенький, что утро вечера мудренее. Придумаем что-нибудь.

Я старался скрыть от старика свое волнение.

— Владимир Николаевич! Я сбегаю в лавку за ситным, а вы пока чайку достаньте.

Схватил кепку и направился к двери. Вдруг меня остановила мысль: как же я так ухожу, не попрощавшись с человеком, согревшим мое сердце? Бросился назад. Старик что-то укладывал в свой сундучок. Я порывисто обнял его и поцеловал колючую щетину.

— Ты что? — недоуменно спросил старик, но я уже бежал к двери, протискиваясь сквозь толпу сонных, недовольных ночлежников.

Против ночлежки была мелочная лавка. Я снял кепку и спрятал в карман, чтобы подумали, что мальчишку послали из дому. Лавочка только что открылась.

— Тебе чего?

— Мама послала, дайте фунт соли и уксусной эссенции, — сказал я как можно спокойнее.

Приказчик снял с полки треугольный шероховатый флакон и стал медленно крутить фунтик из бумаги для соли. Я беспокойно поглядывал на дверь. Мне казалось, что вот-вот войдет капитан и тогда весь план рухнет... Заплатил за покупку и бросился к двери. Недалеко от лавки на тротуаре стояла нищенка. Я сунул ей кулек с солью и побежал в сторону Морского госпиталя.

В густом тенистом саду госпиталя было безлюдно. Где-то вдалеке мелькали белые халаты санитаров и сестер. Я остановился, запыхавшись, на широком тротуаре около дверей фельдшерской школы. Еще раз прочитал список принятых...

Около водосточной трубы отбил о гранитный цоколь горлышко бутылки и вылил содержимое в рот.

Глотку обожгло огнем. Отвратительный резкий запах эссенции перехватил дыхание. Качнулась на меня высокая кирпичная стена, тротуар стал дыбом. Я задохнулся и потерял сознание...

Как сквозь сон услышал взволнованные голоса. Открыв глаза, увидел: около меня суетятся два врача и сестра милосердия, вливая сквозь стиснутые губы густую, белую, как молоко, жженую магнезию.

— Роторасширитель! — скомандовал доктор.

Жидкость потекла за ворот, в нос.

— Пей! Пей, глупыш! Тоже самоубийца...

Страшная боль разрывала грудь и желудок. А обожженный рот

Электронный архив писателя Акутагавы elib.altlib.ru

был сух. При каждом вдохе в легкие втягивало пронзительную струю отравленного воздуха.

Меня бережно уложили в чистую, прохладную постель. Сестра с двумя медалями на груди взглянула на меня.

— Боже мой! Ведь ребенок и так решиться. Милый мой, бедный мой...

Поздно вечером вместе с палатным ординатором вошел высокий господин, гладко выбритый, в пенсне — доктор Николаевский. Он был в халате. Фельдшер, сестра, санитары вытянулись во фронт.

— Вот я о нем говорил, ваше превосходительство....

Высокий подошел и сел около меня. Посмотрел пульс.

— Состояние?

— Довольно тяжелое.

— Ты это нарочно сделал, мальчик?

Я закрыл глаза. Мягкая рука легла мне на голову.

— Глупенький ты. Родители есть?

Я молчал — решил не называть себя, ничего не говорить о родных. Поднял глаза. Сквозь стекла пенсне на меня смотрели добрые, серые, понимающие глаза.

— Мария Андреевна! — обратился доктор к сестре. — Я надеюсь на вас. Надо выручить мальчишку из беды. Полный покой. Аккуратно магнезию.

— Слушаю, ваше превосходительство...

— Ну, поправляйся, малыш, а потом поговорим. Я тебя буду часто навещать. Ладно?..

Он успокоил меня, обласкал и ушел лишь тогда, когда я стал засыпать. Я слегка задремал, прислушиваясь к своим мыслям. Все сильнее, все ярче разгорался огонек любви к жизни. Я не хотел умирать. Разве я уж так одинок? Разве не любят меня медсестры, фельдшер, доктор Николаевский? Разве не любит меня мать, сестры, даже отец?.. Да, наконец, этот милый, ласковый старик-капитан... Где он, что подумал он о моем исчезновении?..

Кто-то шепчет у меня над головой:

— Заснул...

Я открыл глаза. Надо мной склонилась сестра Мария Андреевна.

— Миша!

Я вздрогнул. Откуда она узнала мое имя?

— А к тебе, Миша, гость пришел, посмотри.

Я повернул голову. Около кровати стоял растерянный, улыбающийся, взволнованный капитан.

— Мишук! Глупенький! Да как же это так...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

— Садитесь, дедушка, поговорите с ним недолго. Только не волнуйте его, — сказала Мария Андреевна.

Капитан сел на табуретку.

Лицо старика было грустно, и на седой щетине под глазами сверкали слезы. Он взял мою руку в свою большую жесткую ладонь...

— А я тебя искал по всему городу. Подумал, что уехал с англичанином, но он еще не выходил из ремонта. Думал, может быть, уехал домой в Царское. А вчера случайно прочитал в «Кронштадтском вестнике». Так меня и резануло по сердцу. Пришел в приемный покой, назвался дедушкой...

— Дедушка, пусть не узнают дома, — шепотом попросил я.

— Ладно, ладно, будь спокоен, поправляйся. Может, тебе что нужно покушать?

— Нет. Вот если фонограф...

— Не разрешат, поди... Спрошу у доктора.

Подошла Мария Андреевна.

— Ну, вот видишь, Миша, и дедушка твой пришел. Он часто будет приходить. А теперь довольно, надо больному отдохнуть. Приходите в приемные дни или спросите разрешения у врача.

— А кто палатный врач?

— Доктор Сиротинин.

— Сиротинин? Павел Николаевич?

— Да, да. Вот, кажется, и он сам идет.

Вошел старичок-доктор, строго посмотрел на сестру.

— Это что такое? Кто разрешил?

Дедушка встал.

— Можно вас на минутку, доктор?

Дедушка и врач отошли к окну, о чем-то разговаривая. Вдруг доктор взволнованно схватил руку капитана.

— Владимир Николаевич, вы? Господи, да где вы, что с вами?.. Ничего, все идет хорошо... Конечно, конечно, когда угодно... Я живу на Екатерининской, буду рад. Сколько лет, сколько лет!..

Оба старика были явно взволнованы. Мария Андреевна с любопытством наблюдала за ними. Я ничего не понимал. Капитан пожал руку врача и подошел ко мне.

— Я пошел, Мишук. А завтра приду, не скучай.

Он нагнулся и поцеловал меня в лоб.

— Эка беда! Ах, Миша, Миша...

Капитан поклонился Марии Андреевне и вышел.

Доктор долго шептался с сестрой. До меня долетали обрывки фраз:

— Какой случай, какой случай... В 1903 году на «Витязе», капитан II ранга. Плавали вместе... Золотой человек, справедливый, умница...

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

А потом скандал в Морском собрании во Владивостоке... Никто не знал, куда делся...

На другой день я чувствовал себя хорошо и с нетерпением посматривал на дверь. Я знал, что должен прийти капитан.

Он пришел после обеда. Старик, видимо, побывал в бане, постригся и был весь какой-то праздничный. Принес с собой несколько свертков. В одном из них были апельсины, пирожные. Из другого он извлек фонограф и валики, поставил на столик.

Все больные с любопытством смотрели в нашу сторону. Капитан покрутил машину, вставил валик и в палате зазвучал плавный, мелодичный штраусовский вальс.

Я был в восторге.

— А тебе, Миша, скажу по большому секрету. Только, чур, никому ни слова... Тебя приняли в фельдшерскую школу. Поправляйся скорее и на занятия. Там, видно, ошибка вышла. Экзамены-то ты выдержал.

Капитан стал приходить ежедневно. Я уже вставал с постели, гулял по палате, перезнакомился со всеми больными. Я говорил и смеялся, но есть мог только жидкое, зато аппетит у меня стал прямо волчий.

Часто заходил доктор Николаевский, шутил со мной и в разговоре постоянно намекал на какой-то сюрприз. Видно было, что старый доктор радуется моему выздоровлению.

Как-то пришел капитан. Он был очень расстроен, грустен.

— Я должен, Миша, с тобой попрощаться и, наверно, надолго. У меня в Николаеве сестра, она очень больна и зовет меня. Я ее не видел двенадцать лет... Вернусь, видно, не скоро, но напишу тебе в школу. Поправляйся! Никогда не падай духом, не отчаивайся. Всякое бывает. Иной раз так трудно, что, кажется, и выхода нет из беды, а выход всегда найдется... Ну, до свидания, милый мой...

Он обнял меня и поцеловал. Я горько плакал.

А потом случилось то, чего я очень боялся и так не хотел.

Я сидел на кровати с книжкой, спиной к двери. Открылась дверь в палату. Я обернулся и замер от ужаса и неожиданности. На пороге стояла мать.

— Мама!

Мать не сразу узнала меня в этой большой комнате, где столько людей в желтых халатах.

— Миша, сыночек!..

Позднее, успокоившись немного, она рассказала:

— Мы с отцом голову потеряли. Где Минька? Где Минька? Уехал и нет. Где искать? Написали в школу — ответили, что такой не принят. Спасибо Нюре Ефимовой, она в Царском на телефонной станции телефонисткой, а у нее подруга — сестра милосердия в этом госпитале.

Электронная библиотека АГУНБ, elibaltlib.ru

Нюра позвонила на всякий случай, попросила узнать, а ей и сказали. У меня ноги подкосились. Собралась и поехала. Еду на пароходе и все думаю, что в живых не застану. Ах, сынок, сынок, на какое страшное дело ты решился. Ведь умри ты, я всю жизнь покоя себе не нашла бы. Твой грех — мой грех. Сейчас-то как?

— Ничего, поправляюсь.

Я рассказал матери обо всем, что со мной было, о капитане, о Марии Андреевне, докторе Николаевском.

— Видишь, сколько на свете хороших людей. За них мне, да и тебе, бога надо молить...

На другой день мать пришла сияющая, успокоенная.

— Доктора Николаевского видела. Такой чудный, добрый, простой, даром что генерал. Говорит, за тебя хлопочет и тебя в школу примут.

Мать уехала домой. А через несколько дней, когда я уже совсем поправился, в палату вошел доктор Николаевский:

— Ну, Миша, бери свои вещи. Идем!

Мы вышли из палаты и пошли по коридору. В конце коридора была широкая стеклянная дверь. Николаевский позвонил. Дверь распахнулась. У порога стоял навытяжку унтер-офицер, дядька.

— Здравствуй, Мыльников!

— Здравия желаю, ваше превосходительство!

— Где ротный командир?

— В столовой, ваше превосходительство, сейчас завтрак воспитанников.

Откуда-то доносился шум многих голосов, звон посуды.

— Позови.

— Есть позвать ротного командира!

Через минуту к нам подошел с рапортом высокий, худой, с узкими монгольскими глазами офицер.

— Вот, капитан, воспитанник, о котором вы знаете. Надо его переодеть. Постарайтесь, чтобы его история не стала известна остальным.

Мы прошли в конец коридора, где за железной решеткой на вешалке висели портупеи, стояли пирамиды учебных винтовок. Направо дверь вела в цейхгауз.

В цейхгаузе на полках и в шкафах в строгом порядке лежало белье и обмундирование. Пахло кожей и нафталином.

— Раздевайся!

Мне пригнали обмундирование.

Когда я оделся и глянул в зеркало, то увидел там маленького матроса с желтым, измученным, но счастливым лицом.

— Ну, теперь учись. Буду рад твоим успехам, — напутствовал меня Николаевский.

Электронная библиотека elibaltlib.ru

— Мыльников! Отведи воспитанника в столовую, передай дежурному надзирателю.

— Есть! Идем!

В большой, светлой, сводчатой столовой за длинными столами сидело множество бритоголовых мальчиков. При нашем появлении в столовой воцарилась мертвая тишина и все глаза обратились на меня.

Дежурным надзирателем был мой будущий классный надзиратель Федор Федорович Сверчков. Маленький, чистенький кондуктор с кортиком на боку.

— Как фамилия?

— Пантюхов.

Он подвел к столу. Мне очистили место. Дежурный по кухне принес завтрак.

Надзиратель отошел. Десятки лиц повернулись ко мне. Посыпались вопросы. Кто? Откуда? Отчего такой желтый?

— Болел.

— Смотрите, чем не лимон!

— Лимон, лимон!..

С этой минуты ко мне крепко прилипла кличка — «Лимон».

После завтрака все строем прошли на второй этаж, где находились классы, и расселись по партам. У моей парты собралась толпа веселых, любопытных ребят, среди которых я увидел и тех, с которыми встречался на экзамене.

— Мишка...

Передо мной стоял Мстислав Федоров.

— И ты попал? Вот здорово! А я думал, ты уже шпаришь на всех парах в Америку!

Я молча отвернулся...

НАЧАЛЬНИК «БРАТИШЕК»

11-го апреля 1918 года на станцию Лиски из Воронежа прибыл поезд командарма Петрова. Я немедленно направился в вагон Петрова. Меня встретил расторопный адъютант и еще какая-то девушка в военной форме — тоже адъютант. Они выложили все новости. Положение тяжелое, немцы прут в сторону Воронежа. Где-то северо-восточнее Харькова дерется с немцами Киквадзе. Часть отрядов из-под Харькова ушла на юг, в Донбасс, где Ворошилов организует крепкий кулак под Луганском. Сам Петров торопится на юг устраивать заслон на Воронеж.

Командарм только что проснулся и принял меня в салоне.

— Положение, как видишь, не веселое. Немцы радуются победе

Электронная библиотека АКУНБ, elib.ru

под Харьковом, хотя она досталась им не очень дешево. Сейчас они намечают два удара: один через Валуйки на Воронеж, другой на юг, в сторону Луганска. Нам нужно стянуть все боеспособное под Валуйки, чтобы задержать немцев... В каком состоянии твой отряд? Я хотел бы иметь его у себя под рукой. Ребята твои хорошо дрались под Новой Баварией.

Я доложил. У нас человек двести пятьдесят матросов. Можно отряд пополнить за счет матросов из других отрядов, они охотно пойдут к нам, но мы по сути дела безоружны и не имеем своей базы.

— У меня здесь ничего нет, — сказал командарм, — двигай скорей в Воронеж, перевооружайся. Вагоны возьмешь там, на станции...

Он тут же написал бумагу в Управление Юго-Восточной железной дороги, военному комиссару Воронежа.

Я созвал совещание отряда, на котором рассказал о своей беседе с Петровым. Решили как можно скорей двигать в Воронеж.

В Отрожку мы прибыли вечером 12 апреля. Я пошел выяснять, каким образом нам добраться до Воронежа.

В дежурной комнате меня поразило странное поведение железнодорожников. Все волновались, передавая друг другу какие-то тревожные новости.

— Что случилось, товарищи?

На меня подозрительно уставились.

— А ты откуда?

— Из-под Харькова. Начальник Первого отряда моряков, следую по распоряжению командарма в Воронеж. Обеспечьте немедленно отправку.

В комнате стало тихо. На лице дежурного отразился неописуемый страх. Он забормотал, что сообщения с городом нет. Поезда не ходят. Воронеж никого не принимает, там восстание анархистов. Совет разогнали. Заняли духовную семинарию. Понавешали черных флагов...

— Без лишних разговоров дайте паровоз. Хоть маневровый.

— Паровозов нет.

Начиналась знакомая прифронтовая канитель.

Я направился к своим вагонам. Мое сообщение произвело ошеломляющее впечатление.

— Надо немедленно двигаться!

Расторопный Байрак, побежавший разыскивать паровоз, скоро вернулся, сообщив, что на дальних путях собирается в Воронеж какой-то пригородный поезд. Решили отправиться на нем.

Ночью поезд подошел к станции Воронеж. Всем матросам приказано оставаться в вагонах, выставив караул. А я с Гришей Гуменюком и Копытеркиным отправился в ревком дороги.

Электронная библиотека АНУНБ elibrary.ru

Ревком помещался в небольшом домике на привокзальной площади. Домик был ярко освещен, несмотря на позднее время. По крутой лестнице подъезда сновали люди, в домике полно народу. Многие вооружены винтовками. Нам указали дверь в комнату, где заседал ревком. Вошли. Сквозь табачный дым трудно даже разглядеть лица присутствующих. Наше появление сначала не было замечено и около стола председателя продолжался какой-то горячий спор.

— Кто у вас здесь за старшего? — спросил я.

— Товарищ Родин, подожди, тут спрашивают.

Сидевший за столом сухощавый, с энергичным лицом председатель взглянул в нашу сторону. Мы подошли к столу, и тогда вдруг стихли все споры и взгляды устремились на нас. Я представился.

— Прибыли по распоряжению командарма Петрова для перевооружения.

— Откуда?

— Из-под Харькова.

Достаточно было беглого взгляда, чтобы понять, что нас ожидает не очень радушный прием.

— Сколько вас?

— Двести пятьдесят матросов.

— Что вы хотите от ревкома?

— Во-первых, нам необходимы вагоны для жилья, во-вторых, надо обеспечить людей продовольствием.

— А как вы попали в Воронеж?

— Только что из Отрожек, с каким-то дачным поездом.

Сидевший у стола бледный, худощавый, с громадной гривой волос ревкомовец вдруг вскочил со стула и закричал, размахивая руками:

— Это черт знает что! Куда смотрят в Отрожках! Дано распоряжение не пропускать в Воронеж никого! — при этом он подхватил падающие с носа большие очки.

— Как это никого? Кто смеет не пускать отряд моряков, выполняющих приказ командарма? У вас что здесь — анархия что ли?

— У нас здесь своих бандитов много.

— Что ж, по-твоему, матросы — бандиты? — рявкнул у меня за спиной Копытеркин.

— Витя, успокойся, подожди, — небольшого роста, плотный, с умным интеллигентным лицом ревкомовец мягко взял за плечо горячившегося гривастого и усадил на стул.

— Обстановку в Воронеже знаете? — обратился ко мне Родин.

— Понятия не имею. Слыхали в Отрожках, что здесь кто-то бузит, но подробностей не знаю.

Электронная библиотека АКУНБ elib.amo.ru

— Нам хотелось бы знать ваше отношение к ревкому и оперативному штабу.

— Какое тут отношение, когда мы не знаем, в чем дело! Нам, прежде всего, нужны приличные вагоны, люди не могут быть под открытым небом. И побыстрее на фронт.

— Классных вагонов нет и не будет, — отрезал один из сидевших за столом.

— Тогда мы их сами найдем!

В комнату вошел высокий, черный, как жук, не то военный, не то железнодорожник. Черный кожаный костюм, через плечо маузер в деревянной кобуре.

— Здорово, товарищи! В чем тут дело?

— Да вот, Миша, еще один отряд прибыл и предъявляет ультиматум, — сказал гривастый.

Вошедший обернулся в мою сторону.

— Покажите документы!

— А кто вы?

— Моя фамилия Чернышев. Я начальник отряда красной гвардии Воронежского узла.

— Чего с ними толковать! Арестовать и дело с концом, — закричал какой-то пожилой железнодорожник. Он был невероятно толст, густые «казацкие» усы спускались у него чуть не до плеч. У пояса висел наган.

— Подожди, Кирпичев, не шуми, — оборвал толстого Чернышев.

Пока Чернышев разглядывал мои бумаги, я, в свою очередь, разглядывал Чернышева. Широкое, энергичное, гладко выбритое лицо, густые, сходящиеся на переносице черные брови, большие умные глаза.

Чернышев мне понравился. Объяснил ему, каким образом отряд оказался в Воронеже.

— Ясно! А у нас, если коротко, дело обстоит так. От Харькова сюда хлынули части отступающей армии. Большинство отрядов как раз из армии Петрова. Дорогой страшно бесчинствовали, особенно досталось от них железнодорожникам. В Воронеже образовалась пробка, начались грабежи и бесчинства. Закопошились белые офицеры, а их здесь до черта. К этому надо добавить части старой армии, идущие с фронта, и особенно казачьи. Совет пытался обуздать анархию, но у него ничего не вышло, так как не было никакой реальной силы, если не считать местных красногвардейских отрядов. Обратились к Петрову, но он предложил обойтись своими силами. И вот, десятого апреля вспыхнул бунт. Организовался какой-то оперативный штаб, который захватил семинарию и там обосновался. Всюду понавешали черных тряпок и лозунгов: «Анархия — мать порядка». Живем сейчас как на острове. Ждем подкрепления из Москвы, но на нее тоже рассчитывать трудно, так как там,

Электронная библиотека АКУНБ elib.altlib.ru

видимо, не придали нашим событиям большого значения. Теперь вот ждем с часу на час выступления организованных офицерских банд.

— Что вы намерены делать?

— Держаться на станции. Столкновения с анархистами неизбежны. Мы закрыли линию, а они требуют пропуска в Воронеж частей, идущих с фронта...

— Понятно!

— А теперь честно, по-матросски, скажите, какую позицию займете вы?

— Мой ответ будет коротким. Отряд находится в распоряжении Советской власти. Кто здесь представляет ее? Где Совет?

— Совет находится на подпольном положении.

— Значит, мы поступаем в распоряжение этого подпольного Совета. Будем с вами.

В комнате зашумели больше. Все заулыбались и бросились наперебой пожимать нам руки.

— Ай да братишки! Вот спасибо! Теперь самому черту рога сломаем.

Толстяк Кирпичев, заместитель Миши Чернышева по отряду, обнял долговязого Копытеркина.

— Эх ты, дядя! Шумел — арестовать нас.

— Ну брось, брось, братишка! Сам видишь, дела какие.

В комнату то и дело заходили новые люди, и все с радостью толковали о том, что матросы идут вместе с «чугунщиками».

Ко мне подошел Миша Чернышев.

— Ну, дозвонился наконец. Через час здесь соберется исполком и наш ревком. Разработаем план дальнейших действий. Я распорядился обеспечить матросов питанием через буфет. Пока для отряда отведем помещение на втором этаже станции.

Наша делегация вместе с Чернышевым вернулась на станцию. Собрали собрание. Мы подробно рассказали о событиях в городе. Матросы единодушно заявили о том, что они полностью поступают в распоряжение Воронежского Совета и ревкома и объявляют врагами народа банды оперативного штаба. Тут же разработали порядок охраны станции, наметили посты.

После заседания отправились на прямой провод с Москвой. Доложили обстановку и просили помощи. Последовал такой ответ: «Именем революции приказываю начальнику Первого республиканского отряда моряков Пантюхову отрядом Красной гвардии Воронежа обезоружить банды, не останавливаясь ни перед чем...»

Днем положение осложнилось. Прибыло четыре платформы с бронемашинами. Было решено эти машины захватить и уж во всяком случае

Электронная библиотека АКУНБ, elib.alib.ru

не допустить разгрузки их с платформ. Пути на Отрожку разобрать. Ночью повести наступление на семинарию, предварительно обстреляв ее из двух трехдюймовок, поставленных в упор. Я со своим отрядом должен был прочно занять железнодорожную станцию и обезоружить броневики.

Вечером около вокзала началось движение. Матросы заняли все входы и выходы, красногвардейцы вышли на свои посты. Все это, видимо, мало интересовало противника, который весело шумел в семинарии.

Я перенес свою резиденцию в одну из комнат верхнего этажа вокзала, там был прямой провод с ревкомом. Сигналом тревоги должно было служить слово «ТРИ», сказанное по телефону.

В ревкоме беспрерывно шли заседания. Во всех комнатах и коридорах теснились вооруженные люди. Мне доложили, что матросы установили связь с командой броневиков, которая нервничает и поговаривает о том, чтобы отправиться в Отрожку. Дал распоряжение ровно в десять часов захватить броневики, при этом командный состав должен быть арестован, а в случае сопротивления уничтожен.

Около десяти часов ко мне в комнату ворвался бледный, трясущийся от страха дежурный по станции в накинутой на плечи шинели.

— Товарищ начальник, что хотите делайте, а я не пойду в дежурку.

— В чем дело?

— Явились пять человек и потребовали немедленно отправить платформы с броневиками в Отрожку. А когда я сказал, что пути разобраны, они приказали немедленно поставить платформы под разгрузку. Я заявил, что пути заняты, тогда один из них выхватил револьвер и приставил его к моей голове, со словами: «Сами выгрузимся, а эту сволочь в штаб Духонина»... Я сказал, что сейчас пойду дам распоряжение, а сам сюда. Они там ждут, в дежурке.

Я вызвал Копытеркина и еще нескольких ребят, объяснил, в чем дело. Надо занять выходы из дежурки на платформу и на площадь и арестовать без лишнего шума анархистов. Со мной пойдут трое. Переговоры буду вести я.

Спустились вниз, матросы быстро заняли указанные посты. Вошли в дежурку со стороны города. В комнате находилось пять человек в кожаных костюмах, в портупеях, очень воинственного вида.

— Почему вы здесь буяните?

Все пятеро бросились ко мне:

— А тебе какого черта надо! Ты что за шишка?

— Я комендант станции.

— Наплевать! Этому саботажнику было приказано отправить вагоны, а он хвостом крутит.

— Позвольте спросить, кто вы будете?

Электронная библиотека Якутии elibrary.ykt.ru

Старший, в лихо заломленной кубанке, важно отрекомендовался:

— Член оперативного штаба. А это начальник бронечастей. А это командующий бронемашинами.

— Хорошо, но это не дает вам права издеваться над человеком.

— А ты меньше разговаривай! — и старший угрожающе положил ладонь на кобуру.

Копытеркин, стоявший у дверей с двумя матросами, шагнул вперед.

— Сними руку с кобуры! Такие игрушки и у нас есть.

Старший сбавил тон:

— С этими гавриками иначе не дотолкуешься! Вы, братишки, понимаете. Нам нужно срочно на фронт, там кровь льется, а они голову морочат.

Было очевидно, что договориться дипломатическим путем будет трудно. Пришлось идти в открытую:

— Я начальник отряда моряков. Комендант станции и дежурный выполняет только мои распоряжения. Почему вы не обратились ко мне?

— Откуда нам знать, кто здесь главный? Если вы, то давайте распоряжение на отправку, вот предписание штаба.

— Идемте в ревком. Там все выясним.

Анархисты замялись и начали переглядываться. Дверь с платформы открылась, и в дежурку вошел Гриша Гуменюк, за ним несколько матросов с винтовками.

После недолгих переговоров все пятеро очень неохотно согласились идти в ревком. Я обратился к ним:

— Сдайте оружие!

— Это зачем?

— Вы плохо с ним обращаетесь.

Не успели анархисты и глазом моргнуть, как их схватили и обезоружили. Они жалобно протестовали, обещая куда-то жаловаться.

Арестованных ввели в кабинет председателя, где сидело несколько ревкомовцев и товарищ Питерсон.

Чернышев начал допрос.

Мне надо было спешить на станцию, так как началась операция по захвату бронемашин. Я шепнул Гуменюку и вышел. Бронемашины стояли на открытых платформах на втором пути. На перроне мне встретился Копытеркин, раньше меня ушедший из ревкома:

— Ну, Миша, все в порядке. Идет как по маслу. Дело обойдется без тарарама, ребята все устроили. Команды сдаются без разговоров. На одной машине немного поспорили, возражал командир, но теперь они узнали, что головка арестована, и все согласны.

Матросы, по пять человек, занимали машины. Я распорядился собрать экипажи в буфете первого класса. Собралось человек сорок.

Электронная библиотека АГУНБ; elib.altlib.ru

Из ревкома сообщили, что пятеро арестованных анархистов только что расстреляны. Старший — член оперативного штаба — оказался крупным бандитом с солидным уголовным прошлым.

Митинг прошел гладко. Приняли резолюцию за Советскую власть. Но мы решили держать броневики в резерве, на самый крайний случай. Вводить их в операцию против семинарии рискованно, команды не надежны.

Было около часа ночи, когда у меня на столе пронзительно затрещал телефон. Я взял трубку. Чей-то взволнованный голос кричал:

— Три! Три! Три!

Сигнал тревоги! Я бросился в ревком. Когда я подбегал к высокому крыльцу домика на вокзальной площади, навстречу выскочили человек десять красногвардейцев.

— Анархисты пришли, сейчас бомбы бросят!

— Где они?

— В комнате председателя.

— Сколько их?

— Много...

В коридорах невообразимая суматоха. Люди суетились, гремели прикладами, кричали, матерились. Ни у кого нельзя было узнать толком, в чем дело. За дверью, в комнате председателя слышался шум, ругань. Я открыл дверь. Все присутствующие повернулись ко мне.

— Вот и командир матросов. Тут тебя спрашивают.

В комнате людей — битком. Около стола четверо одетых в кожаные костюмы, увешанные всевозможным оружием. Пятый, молодой красивый парень в матросской бескозырке, сразу метнулся ко мне:

— Здорово, братишка! Ну, с тобой все быстро уладим.

— Кто вы?

— Мы — делегация от оперативного штаба по поводу освобождения арестованных наших товарищей. А нас здесь хотят обезоружить. Но мы не маленькие, оружия не сдадим.

— Сдадите! — крикнул кто-то.

— Попробуй, возьми! — В руках у делегатов оказались ручные гранаты. — Душа вон! Сами взорвемся, а оружия не дадим.

— А ну, перестань шуметь! Лишние — выйдите отсюда... Давайте поговорим без дураков. Взрываться вам не очень охота, да и не нужно. Попробуем договориться.

Я сел на диван рядом с матросом-черноморцем. Мне бросилось в глаза золотое обручальное кольцо на безымянном пальце правой руки. Матрос вел себя сдержанно, не хватался за оружие и, видимо, был настроен подчиниться.

— Слушай, браток, — обратился я к нему, — обстановка сам ви-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

дишь какая. Сопротивляться бесполезно. Я гарантирую безопасность делегатам, но разговаривать будем без оружия.

Делегаты продолжали шуметь.

Матрос согласился со мной и начал уговаривать старшего, который с пеной у рта извергал потоки матерщины. С каждой минутой напряжение росло.

Матрос обратился к главарю:

— Ладно! Кладите лимоны на стол!

— Где наши товарищи? Требуем немедленно освободить!

— Требовать ты ничего не имеешь права. Сдавай оружие! — заявил Чернышев.

В этот момент с шумом распахнулась дверь:

— Довольно цацкаться с ними!

В комнату ворвался с револьвером в руке военный комиссар Пляпис, раздался выстрел. Главарь анархистов рухнул на пол. От окна, где стояли двое из делегации, загремели ответные выстрелы. Я почувствовал удар в плечо. Поднялась беспорядочная стрельба. Сидевший рядом со мной матрос, крикнув, упал. В комнате все заволокло дымом и пылью от штукатурки. Я тоже упал на пол и пополз к двери. Из двери стреляли в комнату. Сзади меня стреляли из-за стола.

— Стой! Стой! Своих бьешь!

В этот момент я почувствовал глухой удар в левую ногу. Нога сразу как бы одеревенела.

«Эх, угадало...» — мелькнула мысль.

Стрельба оборвалась.

— Начальника матросов убили...

Кто-то схватил меня на руки и вынес в соседнюю комнату.

— Где начальник?.. Миша!

Я увидел Гришу Гуменюка, Копытеркина и других матросов, они только что прибежали в ревком.

— Куда ранили?

— Кровь из плеча и груди...

— Миша! — Гуменюк взял мою голову в руки. Я заметил, что он плачет.

— Ребята, скорее доктора!

Я задыхался.

— Воздуха! — И потерял сознание.

Вскоре пришел в себя. Прохладная весенняя ночь, небо усыпано крупными яркими звездами. Пахнет навозом и парным молоком. Тихо. Я понял, что меня вынесли на заднее крыльцо. Кто-то подошел ко мне.

— Эх, братишка, милый мой паренек. Да как же я не усмотрел! Прости меня!

Электронная библиотека АКУНБ, elib.aqib.ru

По голосу я узнал Мишу Чернышева. Он нагнулся и поцеловал меня. Я ощутил колючую бороду и слезы, упавшие мне на лицо. Вот тебе и черствые люди!

— Что со мной?

— Сейчас будет врач. А тех всех на месте уложили твои ребята. Пляпис, дурак, кашу заварил...

Особой боли я не чувствовал. Жгло немного ногу, грудь, плечо. Но почему-то опять погрузился во мрак.

На какую-то короткую минуту возвращается сознание. Меня несут на носилках по темной улице.

— Осторожней! Шагай не в ногу.

В это время где-то близко ударил оружейный залп.

— По семинарии...

Сознание ловит обрывки фраз:

— Вешай его, гада, на воротах!

— Товарищи! Простите ради бога!

Как потом передавали мне, меня принесли в железнодорожную больницу, приютившуюся в тихом переулке недалеко от вокзала. Ворота и калитка оказались запертыми. Сколько ни стучали, никто не отзывался. Кто-то из матросов перебрался через ворота и пошел искать дежурного врача. Нашел сиделку, которая повела его к дежурной сестре. Сестра Скрябина спала крепким сном. Эта важная дама, жена железнодорожного врача, считала себя такой персоной, что сиделки даже боялись подойти к ней.

— Сестрица, принесли раненого.

— Кто такой? — пробормотала сестра, не поворачиваясь.

— Матрос. Начальник матросов.

— Это нас не касается. Пусть несут в земскую.

— Да уж принесли.

— Сказано тебе! Иди, не мешай спать! Скажи — мест нет.

Матрос, стоявший у дверей и слышавший весь разговор, вдруг сделал вперед два шага и, отстранив легким движением сиделку, со всего размаху влепил рукой по заду уже снова задремавшей сестры. Скрябина взвизгнула не своим голосом, слетела с дивана и обомлела, увидев над собой матроса.

— Ах ты, саботажное племя! Человек кровью исходит, а она спит, как принцесса. Живо врача!

Скрябина, сломя голову, помчалась к Михаилу Антоновичу Милешкину — хирургу, главному врачу; он жил тут же, в больнице. Сиделка помогла матросу разыскать сторожа Касьяна, который крепко спал у себя дома. Касьян был ветхий старик, ему было больше восьмидесяти лет. В суматохе он куда-то затерял ключи. Узнав, что раненый не желез-

Электронная библиотека ИНБ elib.atlib.ru

нодорожник и не пассажир, Касьян пустился в рассуждения о том, что он другим не обязан открывать ворота. Возмущенные матросы решили напугать упрямого старика, высказав намерение повесить его на воротах...

— Ну, батенька, — говорил мне потом Михаил Антонович, — больше тридцати лет врачом, а первый раз пришлось делать операцию в таких условиях. Посмотрел тебя на носилках. Вижу — молодой парень, а дела его плохи, пульс едва прощупывается. Большая потеря крови. Бедро размозжено, неизвестно что в груди. Матросы ко мне: «Чтоб выжил, без всяких разговоров!». Смотрю, матрос, молодой такой, красивый, волнуется. Я и скажи: «Надо было его в земскую нести». Тут матросня как поднялась! А тот молодой и говорит: «Если начальника зарежешь, будешь с нами дело иметь». Вижу, люди волнуются, промолчал. Приказал двоим дать халаты и пропустить в операционную. Сняли вас со стола без пульса. До утра я глаз не сомкнул. А тут принесли еще одного. Да тот легкий...

Я не помню, сколько времени пробыл без сознания. Очнулся днем. Светлая, чистая палата, в головах окно. Какая-то девушка в белом халате. У другой стены койка, на ней больной с забинтованной головой.

— Товарищ Пантюхов! Милый, ну, наконец-то вы... Что нужно вам?

— Ничего.

— Не стесняйтесь, скажите. Вы меня не узнаете?

— Нет.

— Как же, помните, я адъютант товарища Петрова. Он послал меня и поручил вас на ноги поставить.

Болтовня девушки меня утомляла, и я закрыл глаза. Пришел Милешкин, потрогал пульс.

— Ничего. Организм молодой, крепкий. Только вы, товарищ, не утомляйте его.

Когда я опять, после тяжелого забытья, открыл глаза, около изголовья сидела все та же девушка. На тумбочке стоял большой букет цветов.

— Вам лучше? Скажите — лучше? Вам что-нибудь нужно?.. Что вы стесняетесь?

Эта девушка положительно донимала меня. И когда она опять затрещала, я сказал:

— Знаете что, убирайтесь-ка к черту!

Девушка опешила, потом вспыхнула и вышла. Больше я ее никогда не видел, но часто вспоминал, всегда бранил себя за грубость.

Сколько это тянулось? День, два, неделю? Я потерял представление о времени. Я то забывался, то боль ненадолго выводила меня из забытья.

Электронная библиотека Якутии elibyakutia.ru

Однажды я пришел в себя от дикого, пронзительного визга:

— Товарищи! Товарищ начальник!

Я открыл глаза. В палате были мои ребята.

— Братва, стой! Тише! Миша пришел в себя.

Надо мной склонилась чубатая голова Гриши Гуменюка. Копытеркин держал за грудь всхлипывающего, взвизгивающего человека в больничном халате с забинтованной головой. Рядом стояла бледная, взволнованная сестра.

— Нельзя, не дам, не позволю! Это же ужасно!

Я не знал, в чем дело, но меня раздражала суматоха.

— Перестаньте! Гриша, что там такое?

— Да ты знаешь, кто этот гад? Это один из тех. Их было пять, а на полу осталось четыре, один исчез. Железнодорожники говорили, что одного какого-то раненого унесли в суматохе носильщики. Мы узнавали в земской, городской больницах, в военном госпитале. Как в воду канул! Пришли сюда, смотрим — в палате еще больной, а было распоряжение ревкома тебя положить в отдельную. Стали выговаривать сестрице и требовать перевести этого в другую палату, а она говорит: «Да ведь он ваш товарищ, в ту же ночь его доставили».

Вдруг один из матросов решительно шагнул вперед, отстранил рукой сестру.

— А ну выходи, поговорим! Твое место не здесь.

Человек метнулся к моей кровати, упал на колени и вцепился рукой в железную спинку.

— Братишка, спаси! Я не виноват, это ошибка, я все расскажу.

Матросы рассвирепели. Я ничего не понимал из того, что говорили, но в ушах стоял дикий, пронзительный визг.

— Оставьте его, пусть будет здесь.

— Да тащи его, гада, без разговоров.

Я заметался по кровати:

— Сорву повязки! Не троньте!

Стало тихо. Только слышно было всхлипывание человека в халате, которого сестра отвела на кровать.

Матросы были смущены. Сестра подошла ко мне, тепло и ласково улыбнулась. Большие темные глаза были добрые и грустные.

— Что в городе?

— Все в порядке. Семинарию разбили. Анархисты бежали. В городе восстановили Совет. Поправляйся!

Разговор и только что разыгравшаяся сцена утомили меня, и я заснул...

Когда человек чувствует, что ему угрожает смертельная опасность, он становится настороженным к мелочам. Я знал, что ни один врач мне

Электронная библиотека АКУНБ, elibaklib.ru

не скажет правды о моем положении, но я могу все узнать сам, наблюдая за врачами и собой. Я медицинский работник, и мне много говорит каждый скачок температурной кривой, озноб, озабоченное лицо врача. Мне не показывают моего скорбного листа, но я вижу, как входящие в палату посетители задерживают дыхание, стараясь скрыть отвращение. Я сам чувствую этот приторный, сладковатый, тяжелый запах, напоминающий вонь гниющей капусты.

Было ясно, что мое положение не дает надежды на благополучный исход.

Умирать было не страшно. Даже, пожалуй, будет лучше, уйдут эти жуткие боли. Я видел себя лежащим на кровати под простыней, вытянувшимся, холодным, строгим. Похороны, свежий холмик...

А как же мать, отец, сестры, братья! Наша большая семья еще не знала потерь.

Мать!.. И к горлу подступает предательский клубок. Я до боли закусываю губы. Мама не знает, где я и что со мной. Они не будут знать, так лучше. Останется какая-то надежда. Ведь может она подумать, что мы с Валькой уехали в Сиам. Ведь сколько мечтали по-мальчишески об Индии, о Сиаме.

Валька! Милый, любимый друг мой! Ты погиб, а теперь пришел мой черед. Как плохо, что я не могу поверить в возможность встречи там....

И все-таки... Неужели смерть? Где-то глубоко в сознании зреет робкая надежда: «может быть!». Ведь бывают же случаи и более тяжелые, и люди выживают....

— Хочу жить! Должен жить!..

Однажды после обеда неожиданно в палату вошли наши доктора Милешкин и Шпиганович и с ними еще какой-то пожилой врач. Рыжеватая бороденка, мясистый нос, какое-то удивительно простое лицо. Он скорее был похож на плотника или землекопа, чем на врача. И даже очки с золотым ободком не облагораживали топорные черты. Разговор резкий, с орловским выговором.

Меня осмотрели. Глянув на мою тумбообразную ногу, новый врач тихо присвистнул.

Михаил Антонович что-то смущенно бормотал...

Следующий день я вспоминаю с трудом. Память сохранила лишь отрывки.

Операционный прохладный стол. Доктор Емельянов и старый фельдшер Михаил Павлович начали давать наркоз.

— Считайте до сорока.

Струя отвратительного сладковатого газа перехватила дыхание. Я крикнул и хотел сорвать маску.

— Считайте!

Электронная библиотека АУНБ, elb.aun.ru

— Раз, два, три...

Сознание постепенно гаснет... В ушах настойчивый звон. Звуки стихают и удаляются, потом опять, где-то совсем рядом, возникают неправдоподобно громкие голоса. Я уже не различаю, кто говорит.

Поле широкое, безграничное, одетое в сугробы пушистого снега. Небо темное, ночное. Падает снег. У крыльца тройка, нетерпеливо побрякивают колокольца. Поднимается поземка. Ветер крутит снег, пригоршнями бросает в лицо. Кто-то сильным движением отбрасывает теплую медвежью полость. Невидимые руки подхватывают меня и сажают в сани.

— Эх, поехали!..

Необъятно толстый ямщик, лица которого я не вижу, вдруг приподнимается на облучке и оглушительно свистит в паровозный свисток.

— Осторожней, не вывали!

Тишина. Полная, абсолютная...

Появился первый проблеск мысли. Какое-то робкое ощущение вернувшегося «я». Пытаюсь открыть глаза.

— Где я?

Палата... Слабо освещена...

Ощущаю неудобное положение головы, лежащей без подушки. Тошнота и неотступный, легкий, сладковатый запах хлороформа. Около меня сутулая фигура Михаила Антоновича. Старик взволнован:

— Мишенька! Милый ты мой! Лежи, лежи, не шевелись. Варенька! Он пришел в себя. Пульс, пульс!..

Я снова закрываю глаза и погружаюсь в тяжелый сон.

Потом, когда я окончательно пришел в себя, Михаил Антонович рассказывал мне:

— Ну, Мишенька, дорого ты мне достался. Больше тридцати лет я врачом. Много видел и испытал, но никогда я так не переживал. Дело прошлое, я уже не надеялся, что операция кончится удачно. Шансов снять тебя живым с операционного стола было мало. Спасибо Бурденко! Операцию провел мастерски. Но со стола тебя сняли без пульса. Девять часов я продежурил около тебя, а когда ты открыл глаза, я готов был тебя расцеловать. Ну, а о Вареньке и говорить нечего!..

Это была страшная минута. Я забыл об операции, обо всем. Около меня сидела счастливая сестричка Варенька, поминутно проверяя пульс. Проклятая, неуемная, рвущая боль, которая до операции не покидала меня, куда-то исчезла. Было легко, хорошо, лишь ощущение какого-то неудобства, словно я слегка отсидел ногу. Я протянул руку и... ощутил пустоту. Молнией резанула мысль...

Ноги уже нет!

Я зарыдал как ребенок....

Электронная библиотека АКУНБ, elib.asiib.ru

ТОВАРИЩ КНЯЖНА КУГУШЕВА

Однажды во время моей лекции в Воронежской райпартшколе в класс вошли четыре девушки и в смущении остановились на пороге.

— Вы что, товарищи? Проходите, садитесь.

— А можно? Мы думали...

— Можно. Садитесь...

Девушки сели на одну из передних парт и все время очень внимательно слушали. Как обычно, после лекции завязалась беседа и слушатели засыпали меня вопросами. Новенькие тоже задали несколько вопросов.

На следующей лекции девушки уже сидели на своих местах. Они стали регулярно посещать занятия.

Это были Нина Раева, Тоня Покорная, Лиля Никонова и Шура Кугушева.

Нина, Лиля и Тоня — дочери железнодорожных служащих. Они родились и выросли в привокзальном поселке, вместе учились в гимназии, участвовали в драмкружке, вместе поступили в институт, занятия в котором из-за близости фронта не происходили.

Четвертая — Шура — миловидная, энергичная, порывистая, в папахе и полушубке, производила впечатление девушки с фронта. Я был очень удивлен и даже обескуражен, когда узнал, что Шура — княжна Кугушева, не то дочь, не то племянница члена государственной думы князя Кугушева. Еще мне сообщили, что это «шальная» девица. Окончила курсы сестер милосердия, была на фронте, работала добровольно в холерном бараке, в сыпнотифозном. У нее есть жених — студент, унылая личность, без памяти влюбленный в Шуру и получивший от ее родичей согласие на брак. Он носит постоянно с собой обручальное кольцо на тот случай, если Шура вдруг даст согласие: нужно не упустить момент — такая девушка, как Шура, может быстро передумать. Шура же издевалась над бедным студентом, помыкала им, смеялась в лицо:

— Ну посмотрите на себя в зеркало, ну какой вы жених! Тоска смертная!

Девушки, видимо, очень интересовались всем, что происходит на их глазах, но к большевикам относились скептически. Они часто задавали мне каверзные вопросы, иногда обывательски злобные, иногда наивные. Приходилось горячо спорить с ними, доказывать свою правоту.

Наша дружба началась после одного трагикомического случая. Както в конце лекции девушки засыпали меня вопросами и порядком разозлили. Мы направились к выходу, продолжая спорить на ходу. Наша школа помещалась на втором этаже. Сделав несколько шагов по крутой лестнице, горячо о чем-то толкуя, я оступился и покатился вниз по сту-

Электронная библиотека АКУНБ elib.altlib.ru

пенькам. Девушки в испуге закричали. Я благополучно пролетел до низа. Когда ко мне подбежали взволнованные девушки и курсанты, я уже поднялся и как ни в чем не бывало продолжал излагать свои доводы по предмету нашего спора.

Это буквально ошеломило девушек. Они без конца извинялись и говорили, что я упал из-за них и не хочу сознаться в том, что ушибся.

После этого случая так уж повелось, что подруги и другие курсанты провожали меня до дому, благо это было им по пути. У нас установились дружеские отношения. Подруги горячо взялись за учебу и в потоке вопросов, которыми они засыпали меня и других преподавателей, уже не было обывательского скепсиса. Девушки рвались к делу со страстью новообращенных.

Губженотделом губкома партии в то время ведала Люба Ступоченко, маленькая, живая, подвижная женщина. К ней я и направил моих девушек. Ступоченко встретила их сердечно и нагрузила работой. Они занимались организацией детских учреждений, обследованием, оказывали помощь матерям-одиночкам. Девушки были в восторге и работали, не покладая рук.

Больше всех мне нравилась живая, энергичная, прямая Шура Кугушева, но в отношении ее я был насторожен. Казалось неправдоподобным, что княжна Кугушева может тянуться к новой жизни так же, как ее подруги — дочери маленьких железнодорожных служащих. Много странного и необъяснимого было для меня в этой девушке, и я не знал, как к ней отнестись. Порой мне хотелось сказать ей:

— Знаете, Шура, вы человек другого мира. Мы, наверно, никогда не сможем понять друг друга. Рано или поздно вы уйдете к своим. Сейчас у вас порыв, жажда нового — и только. Уйдите от нас!

Но я видел, как мучительно остро переживает девушка это недоверчивое к ней отношение. Я видел, с каким огоньком, увлечением отдалась она работе, как старательно училась, приглядываясь к новому. Я пробовал с ней говорить по душам, но ничего не получалось. Мы были оба остры на язык, и наш разговор часто кончался размолвкой. Но она мне определенно нравилась. Скромный, аккуратно сшитый полушубок, лихо заломленная на затылок папаха, из-под которой выбиваются непослушные золотистые волосы. Красивое, свежее русское лицо. Умные, живые, веселые голубые глаза, которые в минуты раздумья темнели и становились глубокими.

Я знал, что и Шура неравнодушна ко мне. Она пристально приглядывалась, прислушивалась к каждому моему слову и изучала. Она верила моей искренности, верила, что для меня революция дороже жизни и что, говоря о светлом будущем человечества, я как бы ощущал его близость. Но она спорила со мной по каждому поводу, старалась сбить

Электронная библиотека АКУНБ, biblatlib.ru

с толку, смутить, задавая иногда каверзные вопросы, требуя объяснения неясных, парадоксальных сторон жизни. И даже в этих вопросах, в этом «обличении» я не мог не видеть результатов раздумий.

Шура была очень честна, пряма и беспощадна к компромиссам. Больше всего мне нравилась ее порывистость и неистребимая жажда познания жизни. Я знал о ней со слов ее подруг многое. Она порвала со старым миром и если не ушла из своей семьи, то только потому, что домашние не перечили ей, хотя и не одобряли ее советских увлечений. Страдальческое обожание своего жениха-студента Шура лишь терпела. У него было немного шансов на брак с ней, но он искренне любил девушку и готов был ждать хоть всю жизнь. Ему непонятно было увлечение Шуры общественной работой, ее тяготение к новой жизни. Может быть, студент надеялся, что порыв пройдет и усталая, опустошенная, изверившаяся девушка вернется в старый домик, в комнаты, пропахшие плесенью и нафталином. Он не пытался ее переубедить, не пытался убедиться сам. Это был кроткий, испуганный обыватель.

Как-то в зимний вечер, возвращаясь на своей шустрой лошади из райкома, я встретил на улице Шуру. Она весело окликнула меня, я остановил лошадь, и мы разговорились.

— А знаете, Шура, мне кажется, сейчас хорошо за городом в поле. Поедем?

Шура на минуту задумалась и тут же решительно села в сани.

— Куда поедем?

— За тюрьму по Задонскому шоссе.

— Ну что ж, едем!

Лошадка бежала веселой рысью, падал небольшой снежок, по дороге слегка пылила поземка. В легких, просторных санях было удобно. Девушка прижалась к моему плечу... Хотелось петь, улыбаться.

Не помню уж, о чем мы говорили, но в конце концов начали горячо спорить и поссорились.

Я не заметил, как мы выехали за город. Здесь, в поле, мело сильнее. Ветер швырял снег в лицо. В поле темно, где-то сзади чуть мелькают огни тюрьмы.

— Стойте, Миша!

— В чем дело?

— Я не поеду дальше.

— Хорошо, повернем назад.

— Стойте! Я сойду! Я пойду домой пешком.

— Вы сошли с ума! Что за нелепый каприз! Заблудитесь и замерзнете.

— Не ваше дело!..

Шура выскочила из саней и ушла в поле. Я кричал, ругался, угова-

Электронная библиотека АКУНБ. elib.altlib.ru

ривал. На костылях я не мог пойти за ней. Прокрутившись с час на дороге, я поехал в город с тяжелым, тревожным чувством.

Утром я узнал, что Шура благополучно добралась домой.

В чем дело? Ведь я ее ничем не обидел. Я ничего не мог понять. Это был какой-то порыв, какое-то движение в ответ на свои, не прочитанные мною мысли.

В партийную неделю Нина, Тоня и Лиля подали заявления в партию. Я писал поручительства. Девушки волновались: их домашние отнеслись весьма несочувственно к этому шагу.

Последний день приема. Девушки не пришли в райком. Неужели передумали?

Вечером, запыхавшись, прибежали Тоня и Нина с анкетами и заявлениями. Еще позже пришла Лиля.

Шура не подавала заявления, она знала, что ее не примут по «классовым мотивам». Я видел, что девушка мучительно переживает свое отщепенство, понимает причину, но все в ней протестует.

Как-то рано утром меня разбудил телефонный звонок. Звонил Кирпичев.

— Миша, беда! Заболел Орлов, чекист, врач установил сыпной тиф. Что делать? Как назло, неделю назад его жена уехала в Царицын. Парень лежит совсем один. Надо что-то придумать.

Я бросился в райком, вызвал кое-кого из членов бюро и начальника отдела здравоохранения Федорова. Последний подтвердил сообщение Кирпичева и добавил, что больной в очень тяжелом состоянии, но наотрез отказался от больницы.

Надо было найти человека надежного и достаточно опытного для ухода за Орловым. Я вспомнил о Шуре и сейчас же послал за ней. Шура прибежала, взволнованная столь ранним вызовом.

— Вот что, Шура! Я знаю вас хорошо, вы честная, умная девушка. Вы, как говорят, опытная сестра милосердия, и я решил поручить вам серьезное, ответственное дело. Заболел наш товарищ, начальник ЧК дороги. Жена его уехала, и он один. Болен он сыпняком. Жизнь товарища нам очень дорога, и мы ее вручаем вам.

— Спасибо за доверие. Я сделаю, что в моих силах. Кто врач?

Я назвал фамилию.

— Каждое утро и вечер будете извещать меня о здоровье товарища.

Я видел, как это поручение обрадовало Шуру, оно говорило о большом к ней доверии.

Шура перебралась в квартиру Орлова. Она дежурила у постели больного дни и ночи. Когда я увидел ее через несколько дней, девушка осунулась, похудела, но старалась не показать, что устала.

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

Кризис миновал. Больной был вне опасности. Мы с Гусевым навестили его. Нас встретила сияющая Шура.

— Через несколько дней моя миссия окончится.

Больной с восторгом говорил о своей сиделке:

— Я всем обязан этой милой девушке.

В комнате чисто прибрано, больной в свежем белье. Оказывается, Шура находила время мыть полы и стирать белье. Лечащий врач тоже тепло и сердечно отзывался о Шуре:

— Случай из тяжелых, но с такой помощницей я был спокоен. Точная, аккуратная, разумная.

Словом, Шура добросовестно выполнила свой долг.

И вдруг...

Через несколько дней ко мне явилась жена Орлова. Возмущенная, взволнованная.

— Спасибо вам, товарищ, за заботу о муже. Он счастливо отделался. Но кто, позвольте спросить, догадался послать к больному эту дрянь?

— Какую дрянь?

— Ну, эту сестру. Как ее? Кугушеву.

— А что такое?

— Как что такое! Это же спекулянтка. Она потребовала с меня за уход за мужем три тысячи рублей. Вы только подумайте! Я, говорит, ночей не спала, даром работать дураков нет. Но ведь она пила, ела в доме. Я еще не проверила, целы ли вещи.

— И вы заплатили?

— Ну, конечно. Отдала последние деньги, и сейчас у меня даже на хлеб нет.

Это сообщение оглушило меня. Шура — и это рвачество! Я думал, что она бескорыстно согласилась ухаживать за больным. Ведь ей доверил я, как близкому человеку.

Конечно, что можно ждать от этих обломков аристократии! Я вызвал Шуру.

Она пришла улыбающаяся, обрадованная.

Во мне все клокотало.

— Вы потребовали денег у жены Орлова?

— Да, и больших! Три тысячи.

— Да как вы смели! Что это за гадость!

— Я считаю, что спросила мало, надо было больше.

— Убирайтесь вон! Дрянь буржуазная! Чтоб я вас близко не видел!

Шура побледнела.

— Миша, что вы говорите! Подумайте!

— Убирайтесь вон!

Электронная библиотека АКУНБ, elibaltlib.ru

— Выслушайте же меня. Для этой женщины деньги дороже жизни. Да, я потребовала....

Я вскочил со стула, открыл рывком дверь:

— Уходите! Не хочу слышать ваших объяснений!..

До сих пор я не могу забыть этой дикой, нелепой сцены, за которую мне стыдно даже сейчас. Я грубо, незаслуженно оскорбил человека. Я даже не выслушал ее оправданий.

Шура заплакала и, опустив голову, вышла.

Через несколько дней я получил от нее большое взволнованное письмо.

«Товарищ Пантюхов!

Может быть, вы сейчас в состоянии спокойно выслушать меня. Это не оправдание, мне не в чем оправдываться. Это лишь напоминание вам о том, что нельзя оскорблять человека, нельзя быть бессмысленно жестоким. Вы оскорбили и выгнали меня. Если бы это сделал кто-либо другой, я сочла бы ниже своего достоинства отвечать ему. Но вы для меня были окном в новый мир, вы были тем, за которого можно пойти на смерть. Поймите меня правильно. Вы убили во мне веру в справедливость.

Теперь выслушайте, как было дело. Вы послали меня к вашему товарищу. Вы вверили мне его жизнь. Для меня это была большая радость. Я была горда вашим доверием, и я его не могла обмануть. Я смотрела на это поручение, как на свой человеческий долг. Вы знаете, как я исполнила свой долг. Сколько бессонных ночей провела я у постели больного! Я с тревогой следила за каждым ударом пульса. Его выздоровление было для меня праздником. Вы не знаете, что пережила я в ту ночь, когда наступил кризис. Если бы погиб больной, я не стала бы жить! Этому можете поверить. Больной спасен. Вы, помните, пришли к Орлову с товарищами. Ваши слова благодарности были для меня высшей наградой. Мне казалось, что в вашем лице меня благодарила новая жизнь, Советская власть, партия. Они признали меня — княжну Кугушеву полноправным членом общества...

Но вот на другой день приехала жена Орлова, тупая, глупая, жадная мещанка, которая, перешагнув порог, узнав, что муж едва не погиб, бросилась прежде всего проверять свои тряпки и посуду.

— Кто вы такая? — злобно спросила она.

Я сказала, кто я, кто меня послал. Она фыркнула, что должно было означать недоверие.

— Сколько дней вы ухаживали за мужем?

Я сказала.

— Сколько надо вам заплатить за ваш труд?

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

— Ровно ничего.

— Как ничего? Из каких же побуждений вы столько дней и ночей возились с чужим больным?

— Из чувства товарищества.

— Ах вот как! Так вот что я вам скажу, милая, вы, видимо, его любовница...

Мадам Орлова раскричалась, что она все знает, что ей не нужны мои бесплатные услуги. Она с гадким, оскорбительным высокомерием предложила мне деньги.

— Сколько стоит ваш труд?

Ах так! Для этой тупой гусыни все расценивается на деньги. И тогда я решила назвать такую сумму, которая ее ошеломила бы. Пусть знает, как дорого я ценю свой труд.

— Если вы считаете необходимым знать сумму — пожалуйста. Три тысячи!

Мадам чуть не упала в обморок.

— Или столько или ничего!

Конечно, я поступила глупо. Мне вообще не следовало говорить с ней, но меня возмутила ее грязная подозрительность.

Дама взвыла от возмущения и стала мне угрожать чуть ли не ЧКой. Я повернулась и ушла.

Стоит ли вам говорить, что денег я не получила и не пыталась получить и если бы она мне их дала, то я не взяла бы.

Остальное вам все известно. Я ушла от вас опустошенной. Я поняла, что в новый мир двери передо мной закрыты. Знаю, что будь на моем месте Нина, Лиля или Тоня, у вас нашлось бы терпение их выслушать, а меня вы оскорбили и выгнали.

Ну что ж! Видимо, ваш классовый инстинкт на сей раз оказался сильнее здравого смысла. Мне очень-очень больно было. Больно и сейчас, но я смирилась.

Смирись, гордый человек!

Прощайте, Миша!

А. Кугушева.

P. S. Позавчера в три дня в камере ЗАГСа состоялось мое бракосочетание с известным вам по рассказам моих подруг молодым человеком. Можете не поздравлять».

Письмо ошеломило меня. Я не мог простить себе всей этой истории. Я пытался встретиться с Шурой и попросить у нее прощения, но она отказалась от встречи, а вскоре куда-то уехала с мужем из Воронежа, не то в Урюпинск, не то в Нижнедонецк.

Электронная библиотека АКУНБ elibrary.altlib.ru

Когда я встретился с Орловым и рассказал о происшедшем, он был потрясен и возмущен хамством своей подруги, с которой вскоре разошелся. По его словам, образ девушки, которая за ним ухаживала во время болезни, сохраняется в его памяти как нечто удивительно светлое, чистое, незабываемое.

— Когда, приходя в себя, я видел у своего изголовья это нежное создание, я чувствовал, что буду жить. Я должен ее встретить и поблагодарить.

Ему не удалось встретить Шуру...

А я встретил ее через год. Я работал уже в Новочеркасске и приехал в Воронеж на совещание политотделов Юго-Восточной железной дороги. В вестибюле Управления дороги я неожиданно столкнулся с Шурой.

— Вы?

— Я...

Разговорились.

— Шура! Я перед вами очень виноват. Простите ли вы мою глупость и жестокость?

— Зачем вспоминать то, что прошло, и то, что непоправимо.

— Но можете ли вы меня простить?

— Я простила вас и простилась с вами. Я вам признательна за многое. Вы сумели разбудить во мне добрые чувства, показали путь человечества и, может быть, не ваша вина, что оставили на распутье...

— Как вы живете? Счастливы? Есть ли дети?

— А вот это уж ни к чему. Прощайте!

Она взволнованно пожала мне руку и быстро пошла вверх по лестнице.

Больше я никогда не видел ее.

СЛУЧАЙ НА СТАНЦИИ СУЛИН

Мне приходилось ежедневно выступать в агитпункте на воронежском вокзале. Весь вокзал был расписан неутомимым художником П. Барановым. В зале первого класса была оборудована эстрада, на которой выступали лекторы, агитаторы и давались ежедневно по вечерам концерты.

Все помещения вокзала были набиты битком. Основную массу обитателей составляли красноармейцы, едущие с фронта и на фронт, раненые, возвращающиеся из германского плена, беженцы с Дона и Украины. Люди располагались на полу, под столами, под лавками. В зале стоял несмолкаемый гул, в котором тонула ругань, стоны, бред больных,

Электронная библиотека АКУНБ elibaltai.ru

плач детей. Несмотря на высокие потолки и постоянно открытые двери, в залах стоял непереносимый смрад. Клубы махорочного дыма, запах карболки, мочи, сотен потных, грязных тел. Нередко люди теряли сознание от недостатка воздуха. В этих условиях с необъяснимой ловкостью и терпением шмыгали расторопные официанты-татары, обслуживающие буфет станции. Официанты составляли артель. Большинство из них люди пожилые, проработавшие в буфете на станции десятки лет и не покидавшие своего места, видно, в надежде на лучшие времена.

Навсегда сохранилась в моей памяти картина великих страданий, великого терпения нашего народа. Разве можно забыть отвратительный хруст под ногами, когда ступаешь по каменному полу в вокзальных залах и давишь бесчисленное количество насекомых!..

Артисты, обязанные в порядке мобилизации выступать в концертах агитпункта, отправлялись туда со страхом и трепетом. Я помню маленькую хрупкую девушку, рыдавшую в уголке за эстрадой.

— Что с вами? Вас обидели?

— Нет, но как я буду петь? Ведь здесь даже дышать нечем. А потом, я так боюсь. Я знаю, что если заболею, то обязательно умру, а заболею я обязательно. Я умоляла не посылать меня сюда. Как будет жить старушка-мать, у которой, кроме меня, никого нет?..

Я утешил ее, как умел, и убедил, что ладанки с нафталином, которые она носила на себе, абсолютно гарантируют от заболевания. Бледная, взволнованная, она выводила трели алябьевского «Соловья». Голос у нее был сильный, поставленный, в пении сказывалась хорошая школа, но никогда ни до, ни после я не слыхал такого жалобного «Соловья».

— Соловей, мой соловей! Ты куда, куда летишь...

Перед выступлением агитатора или артиста заведующий агитпунктом или дежурный создавал тишину в зале, что было делом совсем не легким, если не невозможным. Но вот к борту эстрады подходят люди в серых шинелях, папахах, с истощенными лицами, заросшие колючей щетиной. Их становится все больше и больше. Они помогают «наводить тишину». Наконец в половине зала наступает относительная тишина.

Кому приходилось выступать в такой обстановке, тому понятна особая взволнованность, которая охватывает говорящего. Здесь нельзя говорить обычные слова, уже высказанные не раз. Перед тобой голодные, измученные до крайности люди, которые ждут ответа на беспокойные мысли, обуревающие каждого. Большинство этих людей неграмотно, а знать хочется все. Революция, гражданская война, голод, помещики, попы, мировая буржуазия, царь, интернационал, земля, Ленин, большевики, кадеты, эсеры, меньшевики... Каждое из этих слов непосредственно касалось каждого из слушателей.

Плохого агитатора, говорящего скучным, казенным языком, «без

Электронная библиотека КГБ, elibkgb.ru

огня», попросту не слушали. Относительная тишина таяла в нарастающем гомоне. Но если агитатор сумел задеть за живое, то аудитория его расширялась с каждой минутой и в зале становилось все тише. Доклад затягивался, переходил в задушевную беседу, пересыпаемую веселыми шутками, взрывами смеха, поощрительными восклицаниями, до полного изнеможения агитатора. Но какая это была радостная усталость! Тут же даешь себе слово на завтра выкроить час-другой и прийти сюда к этому близкому, родному, сердечному люду.

А бывало и так, что среди напряженной полутишины вдруг раздается пронзительный, холодящий ужасом душу крик... Откуда-нибудь из-за угла.

— Кавалерия справа! Стрельба пачками... Пулемет ко мне... Бей гада! В гроб, в кровь, в Христа-бога-мать!

Это бредит тифозный или начался приступ у контуженного в голову. Все тревожно поворачиваются в сторону, откуда раздался крик. Особенно тяжело, когда вдруг вспыхнет перекличка контуженных. Вид припадка или крик действуют, как сигнал для других таких же больных, у которых начинается спровоцированный припадок. Тогда крик, вспыхнув в одном углу, вдруг подхватывается в другом, в третьем... А утром, во время уборки, санитары в серых, грубых халатах выносят из зала окоченевшие трупы.

Сейчас вспоминаешь эту быль как тяжелый сон. А ведь было это все, было. Пережили, перебороли, не сломались под страшной тяжестью!..

Выступлениями на вокзале моя деятельность агитатора не ограничивалась. И в Воронеже и, позднее, в Новочеркасске приходилось разъезжать с артистами в особом вагоне и давать агитконцерты на разных станциях и полустанках.

Эти наши поездки по линии ознаменовались одним трагическим событием, которое могло для меня кончиться печально.

Врангель еще сидел в Крыму, доживая последние дни. На подступах к полуострову шли ожесточенные бои больших масс конницы. Время от времени белые делали вылазки из своей крымской «бутылки», стремясь расширить плацдарм. Для борьбы с Врангелем была создана морская дивизия из моряков, откомандированных из разных красноармейских частей. Дивизия формировалась в Мариуполе. Начальником дивизии был назначен популярный среди моряков Ваня Кожанов.

В одно утро белые прорвались к Мариуполю и неожиданно обрушились на моряков. Белые бросили сюда свои отборные офицерские части из состава кутеповского корпуса.

Моряки были застигнуты врасплох. Кроме того, в формируемой дивизии еще не было заведено необходимого армейского порядка. В ча-

Электронная библиотека ХГУНБ elibrary.ru

стях еще сильны были настроения партизанщины, было много храбрости и мало дисциплины. Находясь в ближайшем тылу, командование не позаботилось о налаживании разведки, не было организовано, как следует, боевое охранение, не было принято других необходимых мер предосторожности. Все эти обстоятельства были использованы белыми, завязался отчаянный бой. Многие моряки дрались, как львы, но были и такие, которые в панике разбежались. Я встретил нескольких моряков, бежавших из Мариуполя, в Новочеркасске. Их рассказы подтвердили старую поговорку о том, что у страха глаза велики.

Остатки Морской дивизии отошли от Мариуполя. Создалось очень грозное положение. Было очевидно, что белые будут пытаться развить успех и постараются прорваться на Дон. Для восстановления положения у командования, видимо, не было в этом районе достаточно сил, а потому была привлечена к боевым операциям Восьмая особая трудовая армия, расположенная по Юго-Восточной железной дороге.

Трудовые армии являлись организациями переходного типа от армии к мирному труду, своего рода постепенная демобилизация. На железной дороге части трудовой армии были заняты на восстановлении мостов и путевого хозяйства. Дисциплина в трудовой армии была значительно ниже и несколько иной, чем в полевых частях. Военных занятий почти не производилось. Короче говоря, боевые качества в трудовой армии были частично утеряны, а оснащенность боевой техникой оставляла желать много лучшего.

Эшелоны с частями Восьмой армии спешно направлялись на юг. Командармом Восьмой трудовой был Оськин, начальником политотдела — Глаголев.

Наш вагон с артистами прибыл на станцию Сулин. Вагон поставили в тупичок недалеко от вокзала. Однажды утром, как всегда, население вагона разбрелось по своим делам. Одни ушли на привокзальный базарчик, другие читали или зубрили роли, иные готовили чай. Встав позднее обычного и умывшись, я сел за утренний чай. Вдруг где-то на станции прогремело несколько выстрелов, после короткой паузы еще и еще.

— Что за стрельба?

Перепалка в те годы была делом обычным, и на отдельные выстрелы едва ли кто обратил бы внимание. Но тут мы почувствовали что-то необычное, непонятное и тревожное. Кого-то из артистов послали на вокзал.

В это время в купе прибежали две наши актрисы, взволнованные, плачущие.

— В чем дело?

— Боже мой, что там делается! Убили двух милиционеров, убивают коммунистов.

Электронная библиотека АКУТЕ elibrary.ru

— Кто?

— Красноармейцы.

Я бросился из вагона.

На железнодорожных путях около станции стояло несколько воинских эшелонов. Из вагонов выскакивали красноармейцы, одетые как попало, некоторые с винтовками. Все бежали по направлению к станции. Прогремело еще несколько выстрелов.

— В чем дело? — просил я пробегавшего мимо красноармейца.

— Не знаю, братишка, кажется, милиционеров бьют, а, может, бандитов.

На перроне металась громадная возбужденная толпа. С перрона на привокзальную площадь шла широкая деревянная лестница. На лестнице толпились красноармейцы с винтовками. В воздухе стоял неумолчный крик. Около лестницы в полуподвальном помещении станции находилось отделение железнодорожной милиции. Двери отделения были закрыты и в них дубасили прикладами и поленьями. Над толпой висело дикое, ожесточенное «Б-е-й!».

— Гранатой садануть в двери!

— Бей!

— Выходи, мать вашу...

— Бей жидов!

— Бей комиссаров!

В одно мгновение стала ясна вся картина. Взбунтовался эшелон. Кто-то усиленно раздувает пламя. Что делать?

Пройти по лестнице вниз нечего было и думать, тем более на костылях. Я бросился через пассажирский зал на привокзальную площадь навстречу толпе. На площади было пусто. Недалеко от лестницы, ведущей на перрон, где столпились красноармейцы, лежал, раскинув руки, в громадной луже крови убитый милиционер. Вид убитого, беснующаяся толпа, грохот разбиваемой прикладами двери, дикие выкрики... Я не знаю, что руководило мной, я даже в этот миг не думал об опасности. Бросился вперед, очертя голову...

— Стой! Стой!

Я оказался внизу у лестницы.

— Стой! Слушай меня!

Толпа на мгновенье стихла. Все взоры обратились ко мне.

— Кто кричит: бей коммунистов? Я коммунист, ну, бей меня!

Перед опешившей толпой стоял на костылях матрос. Такой слабый и такой сильный.

Ко мне подскочил молодой парень в наброшенной на плечи шинели, видно, из «городских». Он был одним из вожаков толпы.

— Ты что, с ума сошел, братишка? За что тебя бить?

Электронная библиотека АКУ elib.aib.ru

— Я-то не сошел с ума, а вы вот сошли. Что вы наделали! — крикнул я, показывая на убитого.— Я коммунист и комиссар. Там кричат убивать, ну, вот я и стою перед вами...

Толпа качнулась и смущенно загудела.

— Чего его слушать!

— А кого вы хотите слушать? Может, Врангеля пригласить на этот митинг?

Откуда-то из толпы вдруг вынырнул молодой матрос, как потом оказалось, инструктор Политотдела Донвойск.

— Правильно, браток! Наступай...

Организовался импровизированный митинг. Толпа стихла. Парень в наброшенной на плечи шинели начал говорить о фронте, о проливающих кровь бойцах, о милиции, которая обижает бедных, о разжиревших комиссарах, которые прячутся в тылу, о спекулянтах...

— Это ты на меня намекаешь? Видишь, я в тылу прячусь, даже костыли себе придумал! Видишь, какой я жирный!

— Да я не про тебя, а о других...

— А вот человека, что убили — вы его знаете? Сколько детей у него — спросили? Давно ли он с фронта — вы точно знаете?..

Несколько человек сначала пытались выкриками сбить нас с толку, но, почувствовав изменившееся настроение толпы, быстро исчезли. Даже парень в шинели переменил тон. На подмогу нам с матросом появились красноармейцы, осуждавшие «бузу», командиры из эшелона. Кто-то догадался дать звонки. Разнеслось: «По ва-го-нам!». Все бросились к эшелону.

А когда, лязгнув буферами, поезд тронулся и в открытых дверях вагонов я увидел смеющиеся лица, приветливо махавшие руки, то почувствовал страшную смертельную усталость, почувствовал страх перед тем, что могло бы произойти.

Ко мне подошел моряк:

— Ну и дела! Я думал, тебя разорвут на части. Я было совсем растерялся в первый момент. В эшелоне работает какая-то контра. Этот парень в шинели больно уж похож на офицера. На всякий случай я запомнил номер вагона.

— Надо предупредить Новочеркасск.

Мы пошли на телеграф и вызвали к прямому проводу начальника политотдела И. М. Колбина, подробно передав ему всю историю.

Зашли в помещение милиции. В нем застали четырех милиционеров, которые еще не пришли в себя от пережитого. Двери были испещрены следами пуль, в помещении еще не была разобрана баррикада из столов, стульев, шкафов.

Электронная библиотека АКИПР elib.altlib.ru

— Не думали, что останемся живы. Спасибо, успели вовремя закрыться. Начальник не успел забежать, его около лестницы убили. Одного милиционера кончили на путях...

А дело было так. Милиции все время приходилось вести войну с привокзальными спекулянтами, разными торговками котлетами, пирожками, табаком. Было категорическое распоряжение о недопущении торговок к эшелонам, запрещали торговать всюду, кроме пристанционного базарчика. Несколько раз торговок задерживали на путях и штрафовали. Особенно наглой и назойливой была одна молодая баба, которую штрафовали много раз. В это утро, как только подошел эшелон, милиционер отправился по путям, чтобы проверить, все ли там в порядке. Он заметил торговку и направился к ней. Та почуяв опасность, юркнула под вагоны, перебралась на другой путь, где стоял порожняк, и залезла в пустой вагон. Милиционер нашел ее в вагоне и предложил выйти со всем товаром и отправиться в отделение. Баба, мигом сообразив, чем ей это грозит, наотрез отказалась и подняла крик:

— Караул! Спасите!

На этот истошный крик из эшелона сбежалось много красноармейцев. Подлая баба догадалась даже сорвать с себя кое-что из туалета, чтобы симулировать изнасилование.

— Изнасильничал меня, деточек малых не пожалел....

Прибежавшие красноармейцы под крик и причитания бабы набросились на милиционера и убили его. Баба закричала еще пуще:

— Вы вот едете кровь проливать, а нас тут терзают, мучают...

Откуда-то вывернулись какие-то типы. Толпа с криком «Бей жидов и комиссаров!» бросилась на станцию.

Старший милиционер пытался остановить толпу и, как говорят, обнажил наган. Он был убит на месте. Четыре милиционера успели забежать в отделение и закрыться...

Вот и вся история, стоившая двух жизней. Торговка, заварившая кашу, бесследно скрылась.

В Новочеркасске я узнал окончание этого дела. Прибывший на станцию эшелон был оцеплен войсками. Произведенным следствием были установлены зачинщики, в том числе и парень в шинели, который оказался не то белым офицером, не то эсером, руководившим группой «контриков».

Очень возможно, что и торговка была агентом белой разведки, и восстание эшелона на такой большой станции, какой является Сулин, было заранее подготовлено.

Электронная библиотека КУБ kubanlib.ru

ДЕЛО ВИШНЕВСКОГО

Здесь я хочу рассказать о событиях, которые в наши дни кажутся невероятными, фантастическими, напоминающими приключенческий роман.

В 1920 году в Черкасском уголовном розыске создалось тревожное положение. Были раскрыты злоупотребления и преступления, совершенные бывшим начальником УГРО и некоторыми сотрудниками, связанными с уголовным миром. Виновных арестовали. Чтобы выправить положение, окружком направил в уголовный розыск члена бюро окружкома партии Василия Ивановича Вишневского.

Проработав несколько месяцев, добыв уличающие преступников материалы и разогнав, как он говорил «псюрню», Василий Иванович вдруг почувствовал, что вокруг него собираются грозовые тучи. Как снег на голову, свалилось постановление трибунала Донвойск об аресте Вишневского и предании суду.

Узнав об этом, я бросился в окружком партии. Агроновский, тогдашний секретарь, заявил мне, что ничего не знает.

— Но ведь Вишневский — член бюро окружкома!..

Начальник Новочеркасской ЧК Андриенко тоже отделался незнанием. Командующий Донвойск Евгений Трифонов сослался на трибунал.

Председателем трибунала Донвойск был Черемушкин. Худой, как жердь, старик в последнем градусе чахотки, озлобленный бюрократ, вызывавший возмущение даже среди работников трибунала. Его заместитель, молодой, симпатичный парень Степанянц в недоумении разводил руками:

— Нелепая история! Вишневского включили в дело УГРО автоматически и предъявляют ему те же обвинения, что и Ермакову, то есть заставляют отвечать за недобрые дела его предшественника.

— Что же делать?

— Ждать суда. Обвинять будет, кажется, начальник политотдела войск Дворкин и прокурор.

— А защита?

— По назначению человек шесть адвокатов. Да что эти спецы сделают!

— А я могу выступить защитником Вишневского?

— Конечно. Нужно только поручение какой-нибудь общественной организации. Ну, например, профсоюза.

Я бросился в окружком.

— Хочу выступить на суде защитником Вишневского.

— Не советую. Впрочем, как знаешь. Но окружком не даст тебе этого поручения.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

— А если поручит профсоюз железнодорожников?

— Не возражаю.

— Как же так! — поразился я. — Отдали под суд при каких-то сомнительных обстоятельствах члена бюро, а ты совершенно спокоен и не хочешь выяснить дело.

— Мы доверяем трибуналу...

Профсоюз железнодорожников и политотдел дороги обратились к трибуналу с просьбой о допущении меня к защите.

Я зашел к Черемушкину, у него сидел Агроновский.

— Мы не можем вас допустить.

— Почему?

— Мы вас не знаем.

— Как не знаете! Я член бюро окружкома партии, начальник политотдела Новочеркасской железной дороги. Вот секретарь окружкома — пусть он подтвердит, кто я.

Агроновский кисло улыбнулся.

— Окружком не поручил вам защиту.

— Вы возражаете?

— Нет, отчего же...

Я раскипятился.

— Ну, если так, то я найду дорогу в Кавказское бюро ЦК и Северокавказский трибунал.

— Слушайте, зачем вам вмешиваться в это путаное дело?

— Я убежден в невиновности Вишневского.

— Ну хорошо, — барственным тоном произнес Черемушкин, — я допущу вас...

Накануне процесса я засел изучать дело в холодной, нетопленой комнате трибунала. Степанянц помогал мне разобраться в деле, состоявшем из полдесятка толстых томов. Черемушкин при встрече едва отвечал на поклон.

Чем дальше и глубже я вникал в дело, тем яснее мне становилась нарочитость и необоснованность обвинения В. И. Вишневского. Одним из тяжелых политических пунктов обвинения Василия Ивановича было то, что в 1918 году, будучи председателем Железнодорожного ревкома, Вишневский якобы дал паровоз юнкерам, отправлявшимся на подавление рабочих в Ростов. Это обвинение выдвинула привлеченная по делу УГРО, некто Шура Торопова.

Я расспросил старых рабочих и коммунистов, как было дело. Все они рассказали одно и то же. Белые оцепили митинг в железнодорожных мастерских и потребовали решения собрания о предоставлении им паровоза. Собрание под угрозой оружия вынесло такое решение. Юнкера явились в ревком и потребовали от Вишневского выполнить поста-

Электронная библиотека АКУНБ, elibalth.ru

новление собрания. Вишневский вынужден был дать распоряжение, но одновременно принял и свои контрмеры. Паровоз опрокинулся на выходных стрелках.

Кто же такая Шура Торопова?

Прежде всего, женщина редкой красоты. Шатенка, высокая, стройная, с громадными глазами. Прекрасно образованная, владевшая тремя языками. Вступила в партию в 1917 году и работала в 1917—1918 годах в Новочеркасском комитете партии. При отступлении красногвардейцев в 1918 году была арестована белыми и приговорена к смертной казни. Белый генерал, комендант города Новочеркасска (фамилию его я забыл), увидев Торопову, влюбился и потерял голову. Он стал ходатайствовать перед атаманом Красновым о помиловании Тороповой, вместе с тем предложил Шуре жениться на ней. С разрешения подпольного комитета партии Торопова приняла предложение. Она была освобождена.

В день свадьбы невеста исчезла. На ноги подняли всю контрразведку, и донскую, и добровольческую, но Торопова исчезла бесследно.

В 1919 году она появляется в Тихорецкой в качестве жены полковника — начальника одного из лучших бронепоездов белых, базировавшихся в Тихорецкой. В то время она уже была связана с красной контрразведкой Южного фронта.

Шли тяжелые бои под Армавиром. Торопова имела задание не допустить отправки бронепоезда в Армавир. В дни боев она затеяла веселый пикник километрах в пятнадцати от Тихорецкой и вытащила на него всех офицеров.

Когда была получена телеграмма от Деникина срочно перебросить бронепоезд под Армавир, Шура «раскапризничалась» и наотрез отказалась вернуться в Тихорецк, пока вся программа пикника не будет исполнена. Пьяные офицеры ее поддержали.

— Ну ты, котик, отправляйся, — заявила она мужу, — мне все равно торчать в Тихорецке, а под Армавир я ни за что не поеду, мне жизнь дорога. Мы здесь неплохо проведем время. И вообще говоря, надо ехать в Париж, а не в Армавир.

Это было время распада добровольческой армии. Под ударами красных белогвардейцы катились к Новороссийску. Многие начальники уже перебрались, пользуясь разными поводами, в Константинополь.

Подвыпивший полковник, снедаемый ревностью, послал к соответствующей матери Деникина и весь его штаб. Пикник продолжался. Когда компания вернулась в Тихорецк, полковника арестовали на станции и тут же расстреляли. Торопова же исчезла.

В тылу белых Торопова выполняла множество рискованных заданий.

Электронная библиотека АГУНБ elibaltlib.ru

Красивая, умная, хитрая, не без авантюристической жилки, она выходила целой и невредимой из очень тяжелых положений.

Но вот белые разгромлены. Торопова является в Новочеркасск. В нее без ума влюбился начальник УГРО Ермаков. Как этот тип попал в партию — трудно сказать. С приходом Красной Армии он был освобожден из Новочеркасской тюрьмы как политический, но на суде выяснилось, что попал он туда при белых по уголовному делу. Грубый, тупой, невежественный, нечистоплотный и морально и физически, он, однако, умел пустить пыль в глаза своей простоватостью, своим происхождением: сапожник, сын сапожника. Пробравшись в УГРО, Ермаков окружил себя уголовщиной. Правой рукой его был профессиональный шулер.

Влюбившись в Торопову, Ермаков совсем потерял голову. Он говорил на суде со слезами в голосе, что «молился на Шуру».

Торопова же ловко лавировала. Сама она — случается же так! — была безнадежно влюблена в шулера — помощника Ермакова. Это был довольно красивый парень, умевший шиковать тем особенным шиком ростовских жуликов высокой марки. Он очень хорошо одевался, любил тонкие, дорогие духи, знал все повадки альфонса, связывающего свою женщину невидимыми, но крепкими узами. Роман Шуры с шулером был засекречен, Ермаков о нем не знал, что лишний раз говорит о невероятной хитрости и изворотливости Тороповой.

Торопова занимала прекрасную квартиру известного донского коннозаводчика Королькова, бежавшего с белыми. В доме Королькова каким-то образом осталась его дочь, миловидная, пустая, недалекая девушка лет 19—20-ти. Шура подружилась с ней и имела на нее громадное влияние.

— Мы жили как сестры, — рассказывала Королькова на суде.

Торопова, державшаяся на работе с исключительной выдержкой и тактом, дома развертывалась вовсю. Подчинив своему влиянию Королькову, она исподволь, осторожно развивала ее в определенном направлении.

Каким-то образом Шура пронюхала, что девушка осталась в Новочеркасске неспроста. Корольков перед своим бегством спрятал в доме ценности на громадную сумму и хранителем их оставил дочь. Незрелый страж сокровищ долгое время берегла тайну, но в конце концов посвятила в нее свою вновь обретенную «сестру».

Торопова же, в свою очередь, поделилась тайной с возлюбленным. Теперь встал вопрос о том, как овладеть богатствами. Место, где были замурованы драгоценности, Торопова уже знала.

Ермаков был почти ежедневным гостем в доме Корольковой. Он приходил или приезжал к Тороповой, нагруженный всякими яствами и дорогими подарками. Он знал страсть Шуры к драгоценностям, особен-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.aiib.ru

но, к камням. В сейфах УГРО в то время хранилось немало ценностей — вещественных доказательств по разным делам. Отправляясь к Тороповой, Ермаков часто захватывал из сейфа редкие и красивые вещи — кольца, серьги, кулоны, — чтобы показать Шуре. Шура, понятно, приходила в восторг и просила дать ей поносить или получше рассмотреть на досуге и оставляла у себя «насовсем». Ермаков чувствовал, что взять у Шуры обратно эти вещи — дело сложное, но отказать ей не мог. Чтобы скрыть изъятие ценностей, он устраивал с помощью возлюбленного Тороповой подлоги. Вместо дорогой вещи клал в сейф позолоченную копию, камни заменялись стеклами и так далее.

Когда на горизонте появились грозные симптомы провала, Торопова толково объяснила Ермакову, что он рискует «прислониться к стенке», а потому нужно взять побольше и смыться. Когда у них, то есть у Ермакова и Шуры, будет достаточно драгоценностей, они могут сказать «прощай!» Новочеркасску и отправиться, как герои авантюрных романов, куда-нибудь подальше и там жить беспечными воркующими голубками. Ермаков начал торопливо обогащаться. Наконец Торопова и ее возлюбленный решили, что хватит комедии. С помощью Корольковой в одну из ночей были размурованы сокровища, и троица исчезла из Новочеркасска.

На другой день Ермаков узнал о бегстве Тороповой, а также своего друга и помощника. Взломанная стена в квартире Корольковых подсказала, что исчезнувшие отправились в путешествие не только с ценностями из сейфа УГРО.

Весь уголовный розыск был брошен в погоню. Весь Ростов был перевернут. Сначала обнаружилась плачущая наследница корольковских богатств, которую бросили где-то без гроша в кармане. Немного погодя удалось найти глубоко потрясенную, униженную и одураченную возлюбленную шулера. Наконец, чисто случайно, попался и друг Тороповой. Его погубила громадность похищенных ценностей. Вокруг него в бешеной свистопляске закрутился весь уголовный Ростов, потрясенный до обалдения невиданным по объему делом.

Не успел Ермаков придумать, что делать с вероломными друзьями, как все раскрылось и был арестован сам Ермаков. На скамью подсудимых села целая шайка, в том числе даже дрессер служебных собак — старый спец еще царского сыскного отделения, уличенный в том, что он со своими собаками при белых разыскивал большевиков.

Мне нужно было узнать у Тороповой, какими мотивами она руководствовалась, подавая заявление на Василия Ивановича. Кто же такая, в конце концов, Шура Торопова? Несчастная, запутавшаяся в силках страсти женщина или незаурядная авантюристка, вроде «Соньки — золотой ручки»? Ведь я знал, что в подполье она бескорыстно рисковала

Электронная библиотека АКУНБ elibrary.ru

жизнью. Как же могло случиться, что эта умная, культурная, красивая женщина спуталась с такими никчемными, грязными субъектами, как Ермаков и его помощник?

Я, как защитник, попросил свидания с Тороповой. Степанянц дал распоряжение на встречу без свидетелей и без ограничения времени свидания.

Торопову привезли на гарнизонную гауптвахту. Утром я отправился к ней. Когда открыли дверь в камеру, она встала с койки и посмотрела на меня широко открытыми глазами.

— Товарищ Пантюхов?

— Как видите. Мне нужно поговорить с вами.

Сопровождающий вышел, прикрыв дверь.

Торопова взволнованно прошлась из угла в угол небольшой камеры. Она была одета в черное, простое, но изящное строгое платье, на плечах белый пуховый платок. Эта одежда еще больше подчеркивала матовую бледность ее лица. В больших прекрасных глазах искрились слезинки.

— Знаете, что вас ожидает?

— Знаю. Расстрел...

— Скажите мне, бывшему вашему товарищу, скажите, как человек человеку: как могло все это случиться? Вы, старая партийка, дошли до такой пропасти!.. У меня в голове не укладывается.

— А у меня?.. Я много думаю на досуге и стараюсь понять, когда это началось. Ведь не всегда я была такая. Спросите товарищей; иные знают меня чуть ли не с детских лет.

— Но неужели вы не видели, кто вас окружает, что за люди?

— Прекрасно знала! Ермаков дрянь, ничтожество и дурак.

— А тот?

— Тот еще хуже.

— И тем не менее!

— И тем не менее я его любила. Любила до самозабвения, люблю и сейчас. Знаете, есть высказывание, уж не помню кого, о парадоксальности чувства: «Буду ненавидеть, если смогу, если нет — буду принуждена любить...». Что он такое — пустой, вылощенный хам, уркаган, человек, не взявший за всю жизнь книгу в руки. Отвратительный примитив! Думаете, мне нужны были побрякушки, корольковские сокровища? Они нужны были ему. Он строил наше счастье по своему плану, а я шла за ним, как зачарованная, готовая и на подвиг и на преступление... Я знаю, это меня не оправдывает и ничего не объясняет. Я приготовилась к расчету и лишь одного хочу: чтобы это было скорее.

— Скажите, Шура, что побудило вас написать заявление на Вишневского? Уверены ли вы в том, что он виноват?

Электронная библиотека Алтайского края elib.altlib.ru

Она на минуту смутилась и задумалась.

— Это было сделано по настоянию Ермакова и **его.**

— Зачем?

— С одной стороны — месть, а с другой, как отвлекающее. Как можно больше переложить на Вишневского.

— Вы с Вишневским были в ссоре?

— Никогда! Я очень уважаю Василия Ивановича.

— Но неужели и сейчас вы не чувствуете... Ну, скажем, неловкости?

— Что теперь говорить об этом?

— Но вы должны, если у вас остался хоть проблеск совести, отказаться от клеветы.

— Как это сделать?

— Сказать все на суде и объяснить мотивы.

— Сказать, что они заставили? Этого я не могу. У них и так положение тяжелое.

— Ах, Шура, Шура! Каким интересным, нужным для жизни человеком вы могли бы быть. Не пойму, как можно так испохабить свою жизнь, так разменять ее!

Торопова разрыдалась.

— Товарищ Пантюхов, милый, скажите, может быть, еще не поздно, может, не конец? Если бы хоть маленький просвет... Нет, это невозможно, я знаю. Я не боюсь смерти, это все же выход, избавление от кошмара, от раздвоенности. Но ужасно сознание, что жизнь могла бы быть иной.

— Знаете что, Торопова, я возьму на себя вашу защиту.

— Вы?

— Да. При условии, что вы будете беспощадны к себе и к ним... Подождите, Торопова, я вовсе не хочу обещать вам благополучный исход дела. Очень может быть, что вас приговорят к высшей мере. Вы должны понять, как велико ваше преступление, и должны помнить о повышенной ответственности коммуниста. На суде я хочу бороться не за прощение и забвение прежних ошибок, а за возможность восстановления личности, за ваше второе рождение.

Она схватила мою руку.

— Спасибо вам, товарищ! Спасибо вам, человек! Я поняла теперь то, что тщетно пыталась понять в одиночестве камеры. Я искала для себя не правды, а лазейки, искала чуда, которое избавило бы меня от ответственности...

Суд открылся в зале верхнего этажа Дома Красной Армии. Зал был полон народа. На скамье подсудимых четыре ряда террасой и на ней человек шестьдесят обвиняемых. Внизу, за столом защиты, семь адвокатов, старых юристов, впервые участвующих в советском суде в разборе

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

такого большого дела. В разговорах адвокатов, в их поведении чувствуется неуверенность, боязнь совершить невзначай какое-нибудь процессуальное нарушение. Эта их растерянность усугубляется нарочитой грубостью председателя трибунала в отношении подсудимых и пренебрежительным обращением с адвокатами.

Напротив адвокатов, по правую руку от суда, стол обвинителей. Обвиняли военный прокурор Донвойск и начполитотдела Дворкин. Я занял место несколько в стороне от стола защиты, не хотел смешиваться со «спецами». Были в те времена и такие настроения.

Комендант басит:

— Встать! Суд идет!

Открывается дверь соседней комнаты, и входит суд. Впереди пробегает красноармеец и торопливо сует под стол плевательницу, неизменную спутницу Черемушкина.

Девять дней шел суд. За эти девять дней перед судом прошла целая галерея уголовных типов. С трусливым подобострастием, пуская время от времени слезу, давал свои показания Ермаков. Он то и дело напоминал суду о своем происхождении, малограмотности. Он не щадил ни своего друга — заместителя, ни Торопову. Он, видите ли, жертва собственной неосторожности, доверчивости.

Его помощник держал себя нагло, развязно, все время посматривал на публику, на женщин, словно прикидывая, какое впечатление он производит. На грубые окрики председателя он обращал мало внимания. Говоря о Тороповой, презрительно усмехался. Несчастная женщина сжималась и зябко куталась в пуховую шаль.

Василий Иванович держался на скамье подсудимых особняком, спокойно, с достоинством, и этим спокойствием вызывал взрыв бешенства у Черемушкина.

Во всем поведении Черемушкина и обвинителей чувствовалась какая-то непримиримая враждебность к Вишневскому. Их раздражали и спокойствие Василия Ивановича, и его уверенный тон, и объяснение фактов, опровергающих обвинение. Создавалось впечатление, что слушаются одновременно два разных дела. Дело УГРО и дело Вишневского.

Степанянц как-то во время перерыва тихо шепнул мне:

— Дело Вишневского ясное! Но Черемушкин во что бы то ни стало, вопреки фактам, добивается его головы. Я же уверен, что Вишневский ни в чем не виноват.

На седьмой или восьмой день суда, во время допроса Вишневского, разозленный чем-то Черемушкин бросил угрожающую фразу в том смысле, что судьба Вишневского, дескать, предопределена. Я сделал заявление о недопустимости такого поведения. Он пригрозил мне выво-

Электронная библиотека АКУНБ, elibalib.ru

дом из участия в деле. Стало ясно: моя защита Вишневскому не очень поможет.

Что же делать? Как спасти товарища?

Конечно, оставалось еще обращение в более высокие инстанции. Но это я приберегал на самый крайний случай...

Обычно суд происходил с десяти утра до десяти—двенадцати часов ночи с перерывом на обед.

Как-то утром я забежал в коммуналку ответственных работников. Был воскресный день. В столовой пил свой чай Закржицкий — председатель облисполкома, остальные были еще в своих комнатах. Появился с полотенцем Витя Гурьев — заместитель заведующего ОКРЗУ.

— Здорово, Миша! Слушай, сегодня вечером ты должен быть здесь. Во-первых, у нас именинник Петя Злоугодник, во-вторых, свадьба моя.

— Да вот суд.

— Ничего, как-нибудь отмотаешься.

Я уже собрался уходить, но тут мне захотелось напиться воды. Подошел к большому фарфоровому бачку, стоявшему на тумбочке, около буфета. Открываю кран и с удивлением вижу, что оттуда в стакан льется не вода, а вино!

В столовой никого не было. Я выпил два стакана, крякнул от удовольствия и пошел к выходу.

— Так, смотри, не забудь... Вечером! — крикнул мне вдогонку ничего не заметивший Виктор.

Судебное заседание после обеда началось как обычно. Черемушкин был в хорошем настроении, даже пытался острить. Суд шел уже несколько дней, стороны хорошо изучили друг друга, и между нами установились отношения взаимного понимания. У обвинения отпала охота копаться в мелочах. Каждый обвиняемый был изучен досконально, со всеми его достоинствами и недостатками. В общих чертах сложилось представление о всем деле. Даже, как ни странно, подсудимые чувствовали себя свободнее, разговаривали без натяжки и даже шутили.

Защита скучала. Скучала до того, что подсудимые пожаловались председателю на старого бородатого юриста, который не следит за ходом дела, а спит.

Глупо провалился шулер. Речь зашла о заработках возлюбленного Шуры, откуда у него столько денег.

— Я играл в карты!

— Ну, это не очень надежный источник, — иронически заметил председатель. — Сегодня выиграл, завтра проиграл.

— Я никогда не проигрывал, — с дурацкой гордостью заявил обвиняемый.

Электронная библиотека АКУНБ elib.altlib.ru

— Вы были шулером? — встрепенулся Черемушкин.

— Дело не в названии...

— Ясно! Садитесь!..

В тот день в театре шла премьера оперы «Русалка» гастролировавшей ростовской труппы. Заседание суда закончилось в семь часов. Я пошел домой, пообедал, переоделся и в восемь часов явился в театр. Зал был переполнен, только ложа исполкома почему-то пустовала.

— В чем дело? — спросил я у знакомых ребят. — Что-то опаздывает начальство.

— А ты не знаешь? Сегодня все в коммуналке на свадьбе и именинах. Даже Андриенко и твой «друг» Черемушкин там.

Я сразу вспомнил про странный бачок с вином.

А время было строгое. Пьянство жестоко преследовалось, и особенно членов партии и ответственных работников. Достаточно сказать, что за пьянство не только исключали из партии, но в иных случаях даже расстреливали. Никакие поводы для выпивки не принимались во внимание.

Быстро созрел план. При удаче я, кажется, смогу выручить Вишневского.

После первого акта я отправился в ЧК. Жан Бия — начальник оперативного отдела, мой добрый приятель, встретил меня с распростертыми объятиями.

— Каким ветром?

— Да вот, иду пьянствовать и решил поставить в известность ЧК.

— Я бы с удовольствием составил компанию, но...

— Тебя мне не надо. А вот если пошлешь за мной толковый хвост — это будет хорошо.

— Зачем? — насторожился Бия.

— А вот, соображай...

Бия быстро сообразил...

Весело насвистывая, я отправился на свадьбу. С улицы окна коммуналки были завешаны. Поднявшись по темной лестнице, я постучал в дверь. За дверями был слышен гул многих голосов, но после стука все смолкло. Я постучал покрепче.

— Кто там?

— Я, Пантюхов.

Дверь открылась, и дружеские руки втащили меня в ярко освещенную комнату, в которой находилось человек тридцать мужчин и женщин. Комната была наполнена табачным дымом.

— Вот и красный Плевако явился! Что так поздно?

Пожимая руки, я двинулся к столу, который был заставлен всякой снедью: жаркое, пироги, соленья...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.alib.ru

— Садись, ешь!

Около открытой дверцы печки сидели Андриенко и Черемушкин, отчаянно дымя папиросами, спорили.

Я сделал недовольное лицо:

— Черт знает что! Свадьба, именины, а люди опиваются чаем. Где вино?

— Ну, об этом надо было тебе самому побеспокоиться, если хочешь выпить. С вином, сам знаешь, как... — с сокрушенным видом заметил Закржицкий.

Я взял стакан с остатками вина.

— Вот ведь люди пили.

— Ну, пили. Две бутылки на такую ораву.

— Ничего, и мне хватит.

Я взял стакан, подошел к бачку и преспокойно нацедил прекрасного вина.

— Приветствую, молодые!

Все ахнули от неожиданности.

— Ну, чертов матрос! Ну, чутье собачье! Ведь не мог же ты знать, где вино!

После этого присутствующие без опаски наполнили бокалы и пир развернулся вовсю. Я подсел к Черемушкину. Он был уже на взводе. Завязался разговор о процессе. Начались споры.

— Твоему Вишневскому будет блин! — со злостью орал пьяный Черемушкин.

Я стал возражать. Спор вот-вот готов был перейти в ссору, чего я не очень опасался. Женщины начали примирять нас. Выпили еще и еще. Черемушкин расчувствовался, жал мне руку, приглашал работать в трибунал. Заместитель Черемушкина Степанянц все время наблюдал за ним и улыбался.

— Правильно, Миша! — успел шепнуть он мне...

Гуляли чуть ли не до рассвета, потом на резвом рысаке стрелой мчались по безлюдным улицам, пугая сонных постовых милиционеров, которые пускали нам вслед трели своих свистков. Черемушкин закатывался хриплым смехом и кашлем...

На другое утро я явился в трибунал часов в одиннадцать. Зашел в кабинет Черемушкина. Опухший, разбитый, взъерошенный, с дико блуждающими глазами. Черемушкин сидел за столом и хлестал воду из громадного графина.

В кабинете никого не было. Поздоровались.

— Ну как? — спросил я.

— Хуже быть не может! Не знаю, как вести заседание. Но голова, черт с ней! А вот начудили мы с тобой, это куда хуже. Ну как узнают?

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

— Узнают!

— Это почему же? — насторожился он.

— А я сам расскажу.

Черемушкин уставился на меня.

— Да ты что — обалдел! Нас обоих не только из партии выгонят, а еще и упекут черт знает куда.

— Туда нам и дорога! Если мы можем хладнокровно поставить к стенке ни в чем неповинного человека, большевика, честного рабочего, то иного мы и не заслуживаем.

— Постой!.. Это же... Это же...

— Называй как хочешь. Но я тебя предупреждаю: если ты угробишь Вишневского, я сам заявлю обо всем в бюро ЦК. Все наши похождения зафиксированы с фотографической точностью.

— Ты... Ты... — Он хватался за воротник.

— Вишневский — мой товарищ и честный человек!

Я ушел, хлопнув дверью.

Прения сторон были горячие. Большую, хорошую, продуманную речь произнес начальник политотдела Дворкин. Потом выступил прокурор. В обвинительных речах чувствовалась неуверенность обвинителей в отношении Вишневского и некоторая снисходительность к Тороповой. Во всем остальном у меня не было расхождений с обвинением. Затем вяло и робко выступали защитники, говорили жалкие слова о ценности человеческой жизни, об объективном стечении обстоятельств, блокирующих личность преступника. Черемушкин почти демонстративно не слушал защиты, все было ясно и так.

Перед моим выступлением вдруг объявили перерыв. Чувствовалось, что Черемушкин начинает нервничать. Степанянц слегка улыбался, поощрительно поглядывая в мою сторону. В публике, до отказа набившей зал, шептались, волновались.

Я считался сильным оратором, весь город знал меня, от мала до велика. Знали и то, что я защищаю Вишневского «не за страх, а за совесть».

Говорил я часа два. В зале стояла мертвая тишина, нарушаемая сухим трескучим кашлем председателя. Окончание речи встретили аплодисментами. Черемушкин вскочил, бешено зазвонил и приказал коменданту водворить порядок.

Суд удалился на совещание. Было уже очень поздно, но никто не расходился. Снизу неслись рокочущие звуки духового оркестра. На первом этаже, очень некстати, шел бал совторгслужащих. В антрактах оттуда доносился шум веселой толпы, смех. Здесь же, в зале суда, было тихо и напряженно.

Начиналось утро. Кончился бал внизу. Оркестр отгрохал последний

Электронная библиотека elibrary.altlib.ru

марш. В зале суда дремали адвокаты, спали некоторые подсудимые. Как осовелые стояли конвойные. Было в этой картине что-то тяжелое, грозное, гнетущее... Все знали, что будут смертные приговоры, но кому?

Вдруг в зале началось движение. Комендант крикнул: «Внимание!» Приоткрылась дверь.

— Встать! Суд идет!

В зал вошли бледные, измученные судьи. Проворный красноармеец промчался со своей плевательницей, сунул ее под ноги председателю.

«Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики...»

Пять-шесть смертных приговоров. К расстрелу Ермакова и его дружков. Дальше — 10, 8, 5, 3 года. Шуре Тороповой — пять лет со строгой изоляцией. Вишневскому — три года работы по специальности за пределами Юго-Восточного края; совершенно бессмысленный приговор.

На скамье подсудимых, в публике вздохи и рыдания. Торопова судорожно закрыла лицо ладонями и вся трясется. Василий Иванович бледен и спокоен. Ермаков обмяк, посерел и смотрит глупо, жалко, растерянно. Шулер поднял голову и начал улыбаться, словно услыхал не свой смертный приговор, а приятное известие.

Чтение приговора окончено. В зале раздались крики, кто-то упал в обморок. Комендант с красноармейцами поспешно очистили зал. Ко мне подошел Степанянц и пожал руку.

— Молодец, Миша! Здорово ты отработал Черемушкина!

— И все равно я считаю, что приговор Вишневскому жесток и несправедлив! Он, может быть, мягок по сравнению с приговором Ермакову, но если подумать, что он вынесен в отношении невинного человека... Что ж, будем бороться дальше!

Через три дня смертные приговоры были приведены в исполнение. Отправляясь к месту казни, шулер орал на всю тюрьму грязные ругательства, поминая «стерву Шурку». Ермаков хныкал, молился, валялся в ногах...

Через месяц после суда я приехал в тюрьму на доклад в клубе. Мне очень хотелось повидать Торопову. Ее быстро разыскали и привели в клуб. Она побледнела, осунулась и подозрительно покашливала, но настроение у нее было бодрое, ясное.

— Я не имела возможности поблагодарить вас. И, самое главное, не то, что вы спасли мне жизнь, а показали, что не все потеряно, что я могу, хоть и дорогой ценой, вернуть свое человеческое достоинство. Теперь я знаю, что найду место в жизни, пусть скромное, но честное. Прошлое для меня умерло...

— Что вы делаете сейчас?

— О, у меня много дел! Я организовала библиотеку. Кружки ино-

Электронная библиотека АГУНХ, elibaltlib.ru

странных языков, литературный кружок, работаю в драматическом, веду работу среди женщин. Вы не представляете, сколько среди этих человеческих обломков ценного материала, талантливых людей.

— Вы, Шура, идеализируете, увлекаетесь.

— Нет. Вот и я, видимо, не бездарный человек, а ведь не могла найти себя до катастрофы...

Мы поговорили с ней еще некоторое время. Я обещал ей свою помощь в ее начинаниях.

Начальник тюрьмы очень хвалил Торопову.

— Откуда у нее столько энергии! И умница какая!..

История Шуры Тороповой на этом не закончилась. Как-то ко мне зашел окрпродкомиссар. Хороший парень, старый партиец, красный партизан. У меня с ним были всегда хорошие товарищеские отношения, но близко мы не сходились. Я был несколько удивлен его визитом.

— Я знаю тебя, как чуткого и отзывчивого товарища, — начал он,— и решил обратиться к тебе за помощью. От тебя зависит спасти человека, а может быть, и двоих.

— В чем дело?

— Я пришел просить спасти Шуру Торопову.

— От чего?

— Она погибнет в тюрьме. У нее развивается туберкулез легких.

Я вспомнил ее покашливание.

— Теперь я тебе скажу начистоту. Шуру я знаю давно. Работал вместе в 1917 году. И, несмотря на то, что произошло, люблю ее. Я для нее жизни не пожалею.

Товарищ взволнованно рассказал мне все о себе. Я понял, что это не просто причуда сердца, а большое, трагическое чувство, полное противоречий.

Я узнал потом, что Андрей (буду так называть товарища) часто навещал Шуру. В дни, когда не давали свиданий, он бродил у стен тюрьмы. Он знал окно ее камеры и часами ждал, не появится ли в окне тень.

Убеждать его было бесполезно. Я пообещал ему начать хлопотать. Вне зависимости от его чувства надо было помочь несчастной женщине.

Мои старания увенчались успехом. Северо-Кавказский трибунал досрочно, по состоянию здоровья, освободил Торопову. Андрей женился на ней, и они уехали из Новочеркасска. В последний вечер перед отъездом они зашли ко мне попрощаться. Это была грустная и радостная встреча. Вспомнили пережитое, разобрались в сложной путанице человеческой судьбы.

Для меня было ясно и отрадно одно — Шура Торопова начала новую жизнь, глубоко осознав и прочувствовав ошибки.

С тех пор я никогда больше ее не видел и ничего о ней не слыхал.

Электронная библиотека АКУ lib.ath.ru

А история несправедливо осужденного Василия Ивановича Вишневского имела совсем уж неожиданное продолжение.

...1920 год, декабрь. Морозным утром наш поезд прибыл в Москву. Извозчик на лохматой, заморенной клячонке вез нас с вокзала в 3-й Дом Советов. В широкие двери Дома Советов льется поток людей с чемоданами, портфелями, рюкзаками, походными сумками — это со всех вокзалов столицы прибывают делегаты VIII Всероссийского съезда Советов.

Поднялся на второй этаж. В комнате нашей донской делегации шумно, весело. То и дело раздаются взрывы смеха. Делегаты тесно обступили крепкого, кряжистого старика с громадными седыми запорожскими усами. Это был дед Сокирко — талантливый, самобытный, необычайно остроумный агитатор.

Я не дослушал его, меня позвали вниз, в вестибюль. Не успел я оглядеться в толпе, как кто-то сзади подхватил меня и приподнял от пола. Поворачиваю голову.

— Батюшки! Да ведь это Василий Иванович. Откуда ты, бедовая голова?

Обнялись.

— Здравствуй, браток. А мне сказали, что ты приехал. Я отпросился у начальника и пришел. Дай-ка на тебя глянуть...

— На меня что любоваться, ты скажи, как твое дело. Был ли в Верховном суде?

Василий Иванович помрачнел, опустил голову.

— Плохо, друг. Так плохо, что и сказать нельзя. Отказали, не знаю, что делать. Опозоренному, вне партии, мне не жить!

— Ну-ну, не дело говоришь, старик!

Василий Иванович поднял голову и пристально посмотрел на меня.

— А ты бы жил? Смирился?

Я смотрел на Василия Ивановича и думал о том, как он изменился, похудел, осунулся. Виски густо засеребрила седина, а в глазах смертельная усталость и тоска. Видимо, много пришлось пережить, испытать этому когда-то крепкому, мужественному, жизнерадостному человеку.

Василий Иванович работал теперь паровозным машинистом на Северной железной дороге. Семья его осталась в Новочеркасске, испытывая крайнюю нужду и лишения, что также сильно удручало и беспокоило Вишневского.

Нужно что-то сделать, как-то помочь товарищу. Эта мысль гвоздем сидела в голове. Об этом думал не только я, но и другие делегаты, знавшие Василия Ивановича по работе на Дону. Но что предпринять, куда толкнуться, я не знал.

Поздно вечером открылось заседание большевистской фракции

Электронная библиотека АКУНБ alibalib.ru

съезда. Когда слово взял Ленин, собравшиеся встретили его горячими аплодисментами. Ильич поднял руку, как бы прося успокоиться и не мешать ему начать говорить. В зале стало тихо. Все с напряженным вниманием прислушивались к каждому слову Ленина, следили за каждым его жестом. Ильич говорил о внешней и внутренней политике Советского правительства, беспощадно бичуя тех, кто отвлекает внимание партии от решения стоящих перед ней огромных задач.

Заседание фракции закончилось поздно ночью. Не знаю, что подтолкнуло меня, что заставило в этот момент подумать: а что, если обратиться с просьбой о помощи Вишневскому к Владимиру Ильичу?

Я ждал Владимира Ильича на верхней площадке лестницы, ведущей к выходу. Вот появился Ильич, окруженный делегатами. Он был в теплом пальто с барашковым воротником и в барашковой шапке старинного фасона «гнездышком». Он был заметно утомлен, но тем не менее что-то оживленно говорил окружившим его делегатам, улыбался.

Я был в матросской форме, на костылях и, наверное, своим несколько необычным видом привлек внимание Владимира Ильича. Он смотрел на меня и, когда подошел ближе, я по-военному взял «под козырек». Владимир Ильич ответил поклоном.

— Владимир Ильич, разрешите обратиться к вам?

Ильич остановился и внимательно посмотрел мне в лицо.

— Да, пожалуйста, товарищ. Я вас слушаю.

— Владимир Ильич! Я решился просить вас за товарища, которого жестоко и несправедливо обидели.

Владимир Ильич, немного подумав, сказал:

— Видите ли, товарищ, в эти дни съезда я очень занят. Вы обратитесь, пожалуйста, к товарищу Стасовой, она все сделает, что нужно, а если понадобится моя помощь, она мне доложит.

Мы стали спускаться по лестнице. Владимир Ильич взял меня за локоть, слегка поддерживая.

— Осторожней, товарищ. Вам ведь трудно по лестнице?

— Нет, ничего, я уже привык.

Я шел смущенный, растерянный. Мне казалось, что я сделал какую-то неловкость, и Владимир Ильич мне отказал. «Обратитесь к Стасовой...». Но сможет ли она сразу понять меня, не запоздает ли наша помощь Василию Ивановичу?

Я вновь обратился к Ильичу:

— Владимир Ильич! При других обстоятельствах я не стал бы беспокоить вас, но сейчас речь идет, может быть, о жизни этого товарища. У него все так сложилось...

Ильич приостановился. Лицо его стало серьезно и озабоченно.

— Ах так? Ну, если речь идет о жизни товарища, я готов вас вы-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

слушать. Очень прошу вас, завтра на пленуме подойдите ко мне и, лучше, если письменно, коротко изложите, в чем дело. Хорошо?

— Слушаюсь, товарищ Ленин! Благодарю вас.

Мы были на нижней площадке у выходной двери. Владимир Ильич протянул мне руку, которую я горячо пожал.

Закрылась дверь за Ильичем. Мимо меня шли люди, а я стоял, взволнованный, в ушах звучали такие простые, согретые человеческим теплом ленинские слова: «Если речь идет о жизни товарища, я готов...».

Заседания съезда происходили в Большом театре.

Во время прений по докладу В. И. Ленина я прошел на сцену в президиум. Я долго колебался и обдумывал, выбирая подходящую минуту, чтобы подойти к Владимиру Ильичу, но этой подходящей минуты так и не предвиделось. Шли прения. Ильич сидел у края стола президиума около трибуны. Положив локти на стол, он прикладывал правую руку к уху, чтобы лучше слышать, и время от времени что-то записывал в блокнот.

Я подошел и встал за стулом Владимира Ильича.

— Владимир Ильич, можно к вам обратиться?

— Ах, это вы, товарищ. Здравствуйте! Погодите, вам же трудно стоять. Дайте место товарищу, — обратился он к сидевшему рядом с ним члену президиума. Товарищ встал, предупредительно подвинув мне стул.

— Ну, написали?

— Написал.

Я подал Ильичу заявление. Ленин внимательно прочитал всю записку. Временами он отрывался от чтения, прислушиваясь к выступлению оратора. Потом взял карандаш и написал резолюцию. Ильич писал в резолюции, чтобы кассационный трибунал затребовал дело Вишневского, выявил виновных, а товарищу Вишневскому разрешил вернуться в Новочеркасск.

— Вот, пожалуйста. Вас удовлетворит это? — спросил Ильич, передавая мне бумажку.

Я быстро пробежал глазами написанное Ильичем.

— Вполне, Владимир Ильич. Большое спасибо. Простите, что помешал вам.

— Ну что вы, что вы, — Ильич улыбнулся доброй и поныне живой для меня улыбкой.

На следующее утро кассационный трибунал дал распоряжение затребовать дело Вишневского из трибунала Донвойск. Вишневский затем был реабилитирован, приговор в отношении его был отменен, и вскоре Василий Иванович вернулся в Новочеркасск.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ДИСПУТ С ПОПАМИ

Старожилы Новочеркасска, наверное, и сейчас помнят те дни, когда буквально весь город был в волнении по поводу бурных антирелигиозных диспутов, проводившихся в театре Бабенко (позднее сгоревшем). В городе только и разговора было, что об этих словесных схватках большевиков с попами. В течение семи дней, каждый вечер, толпы людей устремлялись в театр. Места в партерах и в ложах занимались задолго до начала диспута, и участникам диспута с трудом удавалось пробраться на сцену.

Началось это так.

В Ростове-на-Дону и в некоторых других городах произошло загадочное «обновление» крестов на церквях, икон. Вокруг этого развернулась усиленная религиозная пропаганда. Попы, монахи, кликуши, церковные активисты выступали открыто. Из уст в уста передавались фантастические истории, по рукам ходили различные печатные и рукописные листки антисоветского характера.

История с «обновлением» темному люду могла показаться чудом. Неожиданно засверкали, как новые, кресты на большом ростовском соборе. А ведь забраться на купол без специальных приспособлений невозможно. Но вместе с крестами по-новому засияла и вывеска на восьмом этаже Русско-Донского банка, и громадный крендель над булочной, и другие позолоченные вывески. Видимо, это было явление озонирования после грозы.

Так или иначе, но «обновление» наделало много шума. Зашевелились попы и белое подполье и в Новочеркасске.

В окружкоме мне предложили организовать антирелигиозные диспуты. В диспутах участвовали я, профессор Велихов, Гурьев и еще человека три коммунистов. Попы сначала не соглашались, но потом, видимо, сговорившись, решили выступить широким фронтом.

На первый диспут 7 февраля 1921 года явилось около двух десятков священников во главе с архимандритом Борисом. Среди них были в большинстве «академики», то есть попы с академическим образованием, а некоторые, помимо духовного, кончили еще и высшие светские учебные заведения. Например, сам архимандрит Борис имел высшее военное, юридическое и духовное образование. Это был типичный сановник православной церкви.

Среди диспутантов особое место занимал профессор Велихов, с которым мне приходилось часто спорить на его лекциях. Велихов читал политическую экономию. По убеждениям это был типичный экономист типа Туган-Барановского, Железнова. В прошлом член Государственной думы, он сидел там где-то между кадетами и социал-демократами.

Электронная библиотека АКУНБ, elibalib.ru

Выступал Велихов темпераментно, мягко и вежливо полемизировал, часто ссылаясь на Маркса и Энгельса, и постоянно подчеркивал свои симпатии к начинаниям Советской власти. Студенты его к нему относились хорошо, и его лекции привлекали много слушателей. Он охотно согласился принять участие в диспуте.

Тема первого диспута — «Наука и религия».

Театр был набит до отказа. Громадная толпа заполняла зал, фойе, коридоры, еще больше людей стояло около театра. В партере люди сидели и стояли вплотную. Среди слушателей было много красноармейцев. На сцене, за большим столом, сели участники диспута. Преобладали духовные лица. Окладистые бороды, сверкающие кресты, умильные, постные улыбки.

Появились и какие-то типы в пиджачках, сюртучках, с аккуратно стриженными бородками и густо отливающими маслом проборами. Оказывается, в диспуте решили принять участие сектанты. Здесь были баптисты, адвентисты, молокане и представители так называемых «рационалистических сект». Попы и сектанты сторонились друг друга. С нами и те и другие были предупредительно вежливы.

Доклад сделал Э. Валле. Несмотря на свой латышский акцент, говорил он хорошо. Умел вовремя сострить, умно сыронизировать. Подготовился он хорошо, и доклад изобиловал фактами, сопоставлениями. Валле умело разобрал доводы науки против религии. Он рассказал о Галилее, Джордано Бруно, Гусе, Толстом. Словом, доклад был обстоятельный. Зал слушал с напряженным вниманием. Иногда тишину разрывали дружные аплодисменты, смех или злобное, но осторожное шикание.

Попы и сектанты сохраняли нарочитое спокойствие. Переговаривались тихонько между собой, иные торопливо писали. В моменты, когда раздавался смех или аплодисменты, попы начинали ерзать на месте или изображали на своих лицах долготерпение, снисходительность.

Кончился доклад, раздались громкие аплодисменты.

— Правильно! — кричали с галерки. — Так их!

Первым после докладчика выступил академик отец Шишкин, попик лет шестидесяти, с умным, хитрым и энергичным лицом, богослов, имевший много своих печатных трудов, в том числе учебник «Закона Божьего», рекомендованный синодом для церковно-приходских школ. Он начал издалека и очень осторожно. Так, поскольку многие исторические факты, приведенные Валле, касались истории Запада, католической церкви, Шишкин очень ловко свел счеты с папой и умыл руки, подобно Пилату:

— Неповинен я в крови праведников сих!

Затем стал доказывать непостижимость абсолютной истины, привел

Электронная библиотека АКУНБ elib.altlib.ru

в пример десятки великих ученых, веривших в бога и считавших возможным согласовать требования науки с догмами церкви.

Говорил Шишкин красноречиво, остро и ловко сглаживал углы. Он учитывал настроение аудитории, доводы оппонентов, слабые места своих позиций. Его речь можно сравнить с ловкой игрой опытного шахматиста. Больше всего из фигур он пускал в ход коня с его зигзагообразными ходами.

Затем выступил профессор Велихов. Начал он с наступления на религию, предъявил счет науки к церкви, припомнил удушающую роль святого синода, но кончил попыткой примирить религию с наукой, словом, союзником оказался плохим. Выступило также несколько ораторов-коммунистов. Сильную речь произнес начальник политотдела И. Н. Колбин. Взяли слово и несколько священников.

Стол президиума засыпался вьюгой записок. Атмосфера накалялась, диспутанты горячились все больше. Было уже поздно. Утомились споривщие, утомились слушатели, обливавшиеся потом. Решили перенести диспут на следующий день.

В зале поднялось движение. Кто-то сильным приятным голосом затянул: «Вставай, проклятьем заклейменный...». Сотни голосов подхватили гимн, и вдруг где-то вблизи рампы раздались пронзительные женские фальцеты: «Спаси, господи, люди твоя...».

В большом зале театра столкнулись две волны. На сцене тоже мы вдохновенно пели «Интернационал». Наши оппоненты—«Спаси, господи».

На следующий день у театра стояла такая огромная толпа, что пришлось вызвать большой наряд милиции для сохранения порядка. Около четырех тысяч желающих попасть на диспут толпились у дверей. Опять до отказа заполнен был партер, ложи, ярусы, сцена. В полном составе явились все оппоненты. Архимандрит Борис, священник Шишкин, священник Чернявский, миссионер Свидерский и другие. Явился и пастор немецкой кирхи.

Тема — «Церковь и Советская власть».

Доклад делал я. Основная мысль доклада заключалась в том, что во все времена церковь у нас, в России, и за границей служила господствующим классам. Преступления церкви незабываемы. Еще свежи в памяти погромные призывы иерархов русской церкви против большевиков, «батальоны Христа», осведомительная работа попов в деникинском «Освеге». В Новочеркасском соборе хранились дары банды генерала Мамонтова, ограбивших Воронежскую, Орловскую, Тамбовскую губернии и поделивших награбленное с богом Тихого Дона.

Фактов было много. Попы чувствовали себя неважно и ежились под взглядами тысяч людей. Это был уже не диспут, а суд. После доклада

Электронный архив библиотеки АКУНБ, elib.atlib.ru

открылись прения. Служителям «великой блудницы» — церкви приходилось каяться. Один из них должен был сознаться:

— Да, мы, духовенство, виноваты во многом. «Страха ради иудейского» мы кривили совестью, зачастую не были пастырями добрыми, полагающими «душу свою за овцы своя...». Но мы жертвы самодержавных порядков, а вот теперь все пойдет иначе...

Во время выступления одного из попов из зала был передан конверт. В конверте письмо и простенький нательный крест. Взволнованные строчки говорили о том, что после долгих и мучительных размышлений автор письма убедился, что религия — великая неправда и потому порывает с богом и снимает с себя крест, как символ рабства духовного.

Оглашенное письмо произвело потрясающее впечатление на слушателей. Я взял крестик и передал его архимандриту Борису, сидевшему со мной рядом.

— Возьмите это, архимандрит. Сим уже не победиши...

Борис на секунду смутился, но тут же нашелся. Взял нарочито бережным движением крест, поцеловал его и надел на себя. Этот трюк произвел впечатление. В зале послышались вздохи и всхлипывания, плакали женщины.

Но эффектный жест Бориса оказался малоспасительным. Следом за этим из зала было передано с записками еще пять-шесть крестов. Проделывать ту же церемонию было уже неудобно, и архимандрит стал складывать их возле себя на столе.

Атмосфера накалялась. Все ожидали выступления Бориса. Вот наконец берет слово и он. В зале воцарилась напряженная тишина.

Высокий, красивый, с окладистой шелковой бородой, поднялся со своего места Борис и подошел к рампе, опираясь на пастырский посох. После небольшой, заранее предусмотренной паузы, он начал свою речь громким, грозным окриком:

— Савл, Савл, зачем ты гонишь меня! — При этом он громко стукнул несколько раз посохом об пол, обратив гневное лицо к нам.

Речь Бориса была построена эффектно, хорошо продумана. Он решил наступать, говорил о великих моральных ценностях христианства, о страдающем Христе, о любви и ненависти. Речь была построена так искусно, что нельзя было придраться к ее внешним выражениям, но по существу она была резко антисоветской.

Я решил разбить настроения, вызванные Борисом, и выступил сразу вслед за ним. Подражая жесту Бориса, я громко стукнул костылем о пол.

— Вы хотели стуком пастырского посоха смутить робкие души. Я слышал этот стук! А вот вы, представитель кротчайшего бога, слышите этот стук? Стук миллионов костылей! Разве не вы в течение всех этих

Электронная библиотека АКУНБ elib.ahlib.ru

лет сеяли семена ненависти во имя любви? Разве не вы призывали к войне? Разве не вы повинны в крови, страданиях миллионов людей? Разве не освятили вы все мерзости старого строя? Разве не стояли вы у виселиц, благословляя казни? Разве не вы кропили святой водой камни фундаментов тюрем, казарм, публичных домов?..

Речь была горячей. Матрос без ноги и пышущий здоровьем красавец-архимандрит... Попы были смущены и подавлены.

На другое утро на парадной двери нашей коммуналки появилась записка с крестом и надписью: «Смерть жидам и безбожникам-коммунистам, живущим в этом доме».

Диспуты продолжались. Следующий прошел 28 февраля, последний — 8 марта. Резолюция была написана мною... в стихах, принята подавляющим большинством и напечатана в газете «Красный Дон».

Наша победа была полной и безусловной. И самым замечательным было то, что среди священников мы отчетливо почувствовали разброд. За внешне почтительным отношением к Борису со стороны попов у них проскальзывало какое-то раздражение против него. Борис, в демагогических целях, должен был в ряде случаев стать на покаянную точку зрения, лавировал. К тому же, как я узнал потом, архимандрит Борис настоял на участии всех попов в диспутах, когда они после первого диспута, почувствовав неблагоприятное настроение масс, хотели больше не являться.

Прошло дней десять после последнего диспута. Как-то под вечер я сидел дома. Ко мне зашел в гости машинист Миша Степанов, веселый, красивый парень, работавший председателем районной транспортной кооперации. Мы были с ним дружны. Дружба началась с того, что, еще работая машинистом, Миша угодил в большое крушение. Его отдали под суд. Ознакомившись с обстоятельствами дела, я взял на себя его защиту в суде и добился оправдания.

Сидим, беседуем. И тут входит в комнату хозяйка и сообщает, что меня хочет видеть один человек. Я попросил его зайти. Вошел, подозрительно озираясь и низко кланяясь, пожилой человек, одетый чисто, но в каком-то старинного покроя долгополом сюртуке и в картузе.

— В чем дело, товарищ?

— Мне бы вас по секрету...

— Да это свой человек. Я ему доверяю, как себе. Говорите!

Человек вертелся, смущался, жался и, наконец, решился:

— Я к вам от архимандрита Бориса.

— А в чем дело?

— Да нехорошее дело! Отец Борис принял участие в диспуте и убедил участвовать и других священников. Его недруги, а особенно миссионер Свидерский, обвинили его перед епископом в ереси, в охаивании

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

святой церкви. Суть-то в том, что отец Борис обличал Свидерского и его компанию; они расхитили восковой завод, присвоили церковные суммы. А епископ поверил Свидерскому, отца Бориса отрешили от церковной службы, он теперь вроде как под судом. Очень просит вас прийти к нему сегодня или завтра негласно. Хочет рассказать кое-что про Свидерского. Если согласны, я вас и проведу.

— Где он живет?

— В архиерейском подворье, возле собора.

Я предложил пойти со мной Мише Степанову, тот охотно согласился.

Архиерейское подворье помещалось на Ермаковской площади в большом двухэтажном каменном доме. Во всю длину здания тянулся длинный коридор, в который выходило много дверей. В коридоре было тихо. Пахло воском, ладаном и еще чем-то специфически церковным. В конце коридора наш провожатый постучал в какую-то дверь.

— Во имя отца и сына и святого духа!

— Аминь! — раздалось из-за двери.

Мы вошли в большую комнату с высоким потолком. Внутренность комнаты скрывалась большой ширмой. На пороге нас встретил с торопливой любезностью отец Борис, одетый в шелковый подрясник.

— Милости прошу! Заходите.

Наш провожатый подошел под благословение, мы же с любопытством рассматривали комнату. В углу, около большой, украшенной дорогой резьбой иконы, горела лампада. Стол, широкий диван, покойные кресла, книжный шкаф. На столе кипел самовар, стояли вазочки с медом и вареньем, груда белых свежих булок.

Нас, видимо, поджидали.

Сели за стол. Провожатый, сославшись на какие-то дела, вышел. Борис явно нервничал, не знал, с чего начать.

Постепенно разговорились. Оказалось, у архимандрита со Свидерским старые счеты, еще с времен духовной академии, где они оба учились. По словам Бориса, в академии он был в группе прогрессивной, а Свидерский был связан с ректором и полицией и по его доносам пострадало несколько студентов. Борис рассказал о хищениях, жульничествах Свидерского с шайкой, даже о половой его ненормальности.

Словом, тут шла отчаянная склока, и хитрый архимандрит хотел одновременно убить двух зайцев: и своему недругу нашими руками шею свернуть и заслужить благосклонность Советской власти. Человек он образованный, бывалый, и офицером был, и юристом, и считал, что лишний политический капитал, нажитый так вот, негласно, ему не повредит.

Вдруг раздался стук. Борис сорвался с места и направился к двери. Там послышался торопливый шепот.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

— Нельзя ко мне, — негромко произнес Борис своим басом.

— Посмотрю только, — услышали мы взволнованный женский голос.

— А я говорю — ко мне нельзя, — гудел Борис.

— А я вот зайду, посмотрю...

Нас, сидящих за ширмой, от дверей не было видно. Чувствуя затруднительное положение нашего хозяина, я громко откашлялся. У дверей произошло замешательство.

— Ваше высокопреподобие... Я пришла сказать, что сейчас пробили «Задостойно».

— Иди с миром!..

Вернувшийся к столу Борис был красен, как кумач, и сильно смущен.

— Видите, какую опеку надо мной учинили, — неловко попытался он объяснить происшедшее.

Мы попрощались с Борисом. Дорогой долго не могли успокоиться от душившего нас смеха...

Через несколько дней в «Красном Доне» была напечатана моя статья о черных делах святых отцов. Эта статья наделала много переполоху. Передавали, что у попов дело дошло до рукопашной схватки. Сам епископ Ростовский вынужден был явиться на разбор склоки.

Архимандрит Борис исчез с новочеркасского горизонта. Видимо, кучка Свидерского победила.

ЧЕЙ РОЯЛЬ?

В один из теплых сентябрьских дней 1921 года я приехал во Владикавказ (теперь Орджоникидзе) и поселился в небольшой квартире дома железнодорожников. Мне очень полюбился город, и чем больше я с ним знакомился, тем ближе он был моему сердцу.

Начало моей работы ознаменовалось одним внешне незначительным событием, имевшим однако большое значение для дальнейшей моей работы в Горской Республике.

Детский сад для детей железнодорожников помещался в очень неудобном помещении, бывшем магазине. Все мои попытки перевести детсад в другое помещение (в моем ведении находилась вся культурная и организационно-массовая работа среди железнодорожников) не дали результатов. Кварталы, прилегавшие к вокзалу, сильно пострадали во время августовских боев с белыми в 1918 году, о чем свидетельствовали развалины многих домов. Жилищная нужда в городе была очень острой.

Я почти ежедневно посещал детсад и крепко сдружился с детворой

Электронная библиотека АКИГ, elib.atlib.ru

и воспитательницами. Однажды ко мне прибежала расстроенная, чуть ли не со слезами, заведующая садом.

— У нас отбирают рояль!

— Кто?

— Буржуи, которым в свое время этот рояль принадлежал. Теперь они добились решения суда.

Я пошел с ней в детсад. Какой-то толстый, наглый тип, домовладелец и купец, как он отрекомендовался, в сопровождении ломовых извозчиков, распоряжался, как протащить рояль в двери. В уголке сбились испуганные ребята и воспитательницы.

— А ну — вон отсюда! — взревел я.

— У меня постановление суда.

— Убирайтесь без разговоров, пока я не вызвал ЧК.

Мой воинственный вид, флотская бескозырка, револьвер на поясе внушили нэпачу осторожность, и он, ворча и угрожая, удалился.

На другой день толстяк заявился в детсад с двумя милиционерами. Я вызвал дежурных агентов транспортного ЧК. Атака была отбита. Я бросился в горком партии, в облсуд, к наркому юстиции. Поднял на ноги всех и вся, решение суда опротестовал.

Через неделю меня неожиданно вызвали на заседание президиума обкома партии. Спрашиваю: «Зачем?». «По делу рояля», — отвечают.

Никого из обкомовцев я еще тогда не знал и на заседании впервые увидел секретаря обкома Николая Федоровича Гикало. Широкое, костлявое, с резко выдающимися скулами бледное лицо, темные очки, скрывающие глаза, — таков внешний облик Гикало. Казалось, что суровое лицо не способно улыбаться. Тут же находился и заместитель секретаря, невероятно худой, желтый, с жидкой клинообразной бородкой. Полный, краснолицый, с седой щетиной и отвислыми седоватыми усами — председатель совнаркома Горской Республики.

Все с любопытством воззрились на меня, когда я вошел в кабинет Гикало, где заседал президиум.

— Садитесь! — Гикало повел на меня своими черными очками. — На вас поступила жалоба, что вы творите беззаконие. Вот тут целое дело, — он хлопнул ладонью по папке, лежащей на столе.

— Никак не расстанетесь с партизанщиной! — мрачно буркнул в усы председатель.

— Я не понимаю, о чем идет речь?

— Речь идет о рояле, который по решению суда должен быть возвращен владельцу. Вы противодействуете исполнению приговора, — раздраженно вспылил наркомюст.

— Я помешал свершиться беззаконию. В свое время рояль был конфискован у буржуя и передан детям рабочих. Правильно было сде-

Электронная библиотека АГУ, elib.asulib.ru

лано? Думаю, да! А теперь рояль понадобился дочери и сыну буржуя, и народный судья спешит отобрать рояль у пролетарских детей. Где, когда, кем издан такой закон? Сегодня мы вернем буржую рояль, завтра дом, послезавтра он потребует вернуть ему фабрику. Нет, такой закон мне непонятен. Знаю, сейчас НЭП. Но НЭП-то НЭП, да и сам не будь слеп! У коммуниста не поднимется рука обездолить детей рабочих, чтобы ублаготворить буржуя, и кто это делает — тот не коммунист и не народный судья. Что это за судья, лишенный классового чувства и революционного правосознания! Рояль — мелочь, но в данном случае эта мелочь имеет глубокий, принципиальный смысл. Вы — высокая партийная инстанция, я рядовой член партии. Вы вынесете решение отдать рояль, я подчинюсь, конечно, но меня никто не убедит, что решение правильное. И не создаст ли этот случай опасный прецедент, не вызовет ли у обиженных революцией буржуев иллюзий, что настало время для требований о возврате всякого другого имущества? Не думаю, что такой жест «справедливости» в отношении буржуя, одновременно будет справедливым и к детям рабочих. Хотел бы я посмотреть на этого народного судью и его приговоры! Сколько еще подобных приговоров он вынесет? Об этом, прежде всего, следовало бы позаботиться товарищу наркому юстиции!

Я окончил свою взволнованную речь. Все молчали. И вдруг суровая маска лица Гикало потеплела.

— Горячая голова! А в общем, я считаю, что товарищ прав. Он, может быть, не совсем правильно действовал, слишком «по-матросски». Судья, может быть, формально и прав, мы здесь не будем разбирать его приговор. Но несомненно и то, что к данному делу применимы слова Владимира Ильича: формально правильно, а по существу издевательство. Я думаю, необходимо приговор пересмотреть, но не в духе справедливости вообще, а классовой справедливости и революционной целесообразности.

Никто против этого не возражал.

Дружески улыбнувшись, Гикало кивнул головой.

— Ну, а теперь можешь идти и передать ребятам, что рояль у них не возьмут. Пусть играют!

«БУЖИАК! БУЖИАК, ПАНТУХОВ!»

Как началась моя дружба с горцами Куртатинского ущелья?

Как-то я проводил окружную партийную конференцию в Ардоне. По окончании конференции я торопился вернуться во Владикавказ, где меня ожидали неотложные дела.

Электронная библиотека АГУНБ elib.altlib.ru

От Ардона до Владикавказа верст тридцать. На пути, в Архонке, ко мне обратилась делегация стариков-куртатинцев с просьбой побывать у них в ущелье, где еще не бывал ни один советский работник, рассказать народу о Советской власти и заодно оградить население от бесчинств и безобразий казаков Лабинского полка.

Я знал, что Лабинский кавалерийский полк, сформированный из кубанских казаков, размещен в горной части Осетии из-за недостатка кормов для лошадей в низине. Полком командовал мой приятель — герой гражданской войны товарищ Гоба, человек необъятной толщины, мужественный и добродушный.

Со слов руководителя делегации стариков Александра Каргиева, отрекомендовавшегося командиром Куртатинского партизанского отряда, о каковом, признаться, я никогда не слыхал, можно было понять, что лабинцы ведут себя недостойно и обижают население. Вообще, вводить казачий полк в глухие аулы было довольно рискованно, учитывая старый антагонизм между горцами и казаками. Для казака горец был «гололобым», существом низшего порядка. Этот антагонизм с трудом изжили в последующие годы Советской власти.

У меня не было поручения обследовать ущелье, но я чувствовал, что это важно и срочно. Не зря же старики несколько дней ждали моего приезда, прослышав, что из Ардона должен следовать какой-то начальник.

Я отправил свой экипаж и пересел на верховую лошадь, которую достали для меня делегаты. Старики были очень довольны и без конца благодарили. Мы заночевали у входа в Куртатинское ущелье, в селении Дзаурикау. Село сравнительно новое и расположено по обоим берегам реки Фиагдон. Моста через реку не было, и приходилось переезжать бурный, глубокий, капризный Фиагдон вброд. Летом, в половодье, переправа бывала опасной, так как Фиагдон в это время по силе и стремительности мало чем уступает Тереку.

Наутро в селе собрался сход. Старики впереди, за ними мужчины, юноши, далеко в стороне женщины. Я рассказал, что такое Советская власть, что она несет горской бедноте. Переводил мою речь Каргиев и, видно, много добавлял от себя, тем более, что за завтраком он опорожнил огромный рог араки, а в излишней молчаливости его и без того нельзя было упрекнуть. Но я уже знал, что Александр, как и вся фамилия Каргиевых, за Советскую власть.

Горцы внимательно слушали меня, разглядывали мою совершенно незнакомую и непонятную флотскую форму. Старики, опираясь на батожки, согласно кивали бородами:

— Афте! Афте! Афте! (Так! Так! Так!).

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Поблагодарили меня. Приняли резолюцию, приветствующую Советскую власть.

Двинулись дальше. От Дзаурикау дорога идет все время по берегу Фиагдона, но так как мостов нигде не было, то пришлось несколько раз переходить реку вброд со всеми предосторожностями. За несколько дней до нашей поездки, недалеко от селения Гусра, которое мы проехали, произошел следующий случай: из ущелья ехал свадебный поезд, везли невесту со всем ее приданым. При переезде через реку подвыпившие дружки чего-то недоглядели, арбу опрокинуло и сундуки подхватила, завертела бешеная река. Невесту и ее подруг спасли, а сундуки пропали, и бедная девушка горько оплакивала потерю добра. Вероятно, с этих пор несчастный брод будет так и называться: «Слезы невесты».

Дорога ужасная, а вернее сказать, нет дороги, и население испытывает огромные трудности в сообщении с внешним миром, особенно летом, когда разливается Фиагдон. Ущелье узкое, каменистое, наполненное шумом и грохотом реки, и вместе с тем красивое дикой, первозданной красотой.

Поднялись на перевал, и перед нашим взором открылась широкая долина, по которой разбросаны небольшие аулы с высокими сторожевыми башнями. Справа уходит скалами в небо Карью-Хох, далеко впереди — стена покрытых снегом гор. Селения лепятся, как ласточкины гнезда, по склонам, такие же серые, невзрачные, без единого деревца.

Дорогой мои спутники рассказали о происшествии в Борзикау, взбудоражившем все население ущелья. В селении расположилось подразделение Лабинского полка. Казаки пьянствовали, обижали горцев, устраивали самочинные обыски, обижали своим приставанием скромных и строгих горских девушек. На двор к старику Зиу Тохтиеву зашли два пьяных казака и стали требовать араки. Непонимающий русского языка старик беспомощно улыбался и разводил руками.

Тогда казаки накинулись на старика и начали избивать его нагайками. Во дворе поднялся крик женщин и детей. В это время возвращался с поля сын Зиу Александр, парень лет восемнадцати. Увидев, что бьют отца, Александр выхватил наган и выстрелил в казаков — в те годы горцы еще были вооружены винтовками, револьверами, помимо своих традиционных кинжалов. Один казак упал, обливаясь кровью, другой кинулся за подмогой.

В поднявшейся суматохе Александр убежал на Карью-Хох, а старик Зиу — на кутан, к пастухам. Казаки налетели на двор Тохтиева, забрали всю скотину, объявив ее конфискованной. Горцы возмутились. В Борзикау и других селениях началось брожение, и командир, почувствовав опасность, спешно увел свою часть.

По дороге кто-то указал место, где скрывался Зиу. Казаки зашли

на кутан и выстрелили в старика. Пуля прошла через щеку в затылок, Зиу потерял зрение, однако остался жив. Придя в себя, весь в крови, он уполз из кутана.

История могла кончиться очень скверно, тем более, что кулаки, вроде Тепсарко Марзаганова, державшего все ущелье в своих лапах, подталкивали горцев на уничтожение красноармейского отряда. Заварилась бы крутая каша, которая сильно осложнила бы положение в горной полосе.

Я собрал в Борзикау сход, разъяснил горцам, что красноармейцы вели себя недостойно и будут привлечены к ответственности. Советская власть никому не позволит обижать народ, ибо она — народная власть. Хорошо поступили горцы, что не послушали врагов, а послали делегацию стариков уведомить представителя Советской власти о творящихся безобразиях. Неправильно поступил Александр Тохтиев, подняв оружие против красноармейца. Советская власть сама жестоко покарала бы его за избиение старого горца. Тут же я распорядился вернуть семье Тохтиева конфискованный скот, что вызвало одобрение.

После схода я собрал всех стариков и мужчин фамилии Тохтиева и заявил, что если они признают Советскую власть, то должны приказать Александру сдаться на ее милость. Советский суд справедлив и учтет смягчающие обстоятельства этого дела. Если же Александр уйдет в аброки, то это ляжет позорным пятном на всю фамилию.

Старики долго шумели, спорили, их горячо убеждал согласиться со мной дядя Александра Иналук Тохтиев. Иналуку было на вид лет тридцать пять. Крепкий, плечистый, вместе с тем спокойный и рассудительный. Он говорил по-русски, был немного грамотен. Восемь лет Иналук прожил в Америке, где работал лесорубом и каменотесом, и вернулся из эмиграции после революции.

Старики в конце концов решили предложить Александру явиться ко мне.

Наутро с Александром Каргиевым мы поехали на конях вверх по ущелью в высокогорные пастушеские селения. Дорога была трудной, кругом громоздились суровые горы, ледники.

Пастухи встретили нас тепло, сердечно, гостеприимно, и я вел долгие беседы со стариками, рассказывая им о Советской власти, партии большевиков, гражданской войне. У меня было такое впечатление, что я попал на другую планету, так далеки были эти люди от всех событий последних лет. Они были гораздо больше осведомлены о жизни и подвигах эпических героев старинных осетинских преданий, чем о подвигах своих героических современников — горских партизан.

Мы вернулись в Борзикау, посетив дорогой почти все селения ущелья.

Электронная библиотека КБГУ elibkbsu.ru

Поздно вечером в кунацкую, где я жил, пришел молодой, сильный, мужественный паренек с винтовкой. Он молча поставил винтовку в угол, отстегнул от пояса и протянул мне наган и стал у порога, покорно склонив голову, сказав только одно слово:

— Сдаваткам!

На осетинском языке, оказывается, нет слова «сдаваться».

Я понял, что это и есть Александр Тохтиев. По-русски он не знал ни одного слова. Я подошел к парню, дружелюбно похлопал его по плечу и ободряюще сказал:

— Не робей!

Парень поднял на меня вопрошающе глаза, потом улыбнулся хорошей, добродушной улыбкой и, повернувшись, вышел.

Я решил выехать из селения рано утром. Нас должен был сопровождать Александр Каргиев, но вот уже прошло условленное время, а его все не было. Выглянув в окно, я увидел, что во дворе собрались старики. Стояла подседланная лошадь. Откуда-то из соседнего помещения доносился скорбный женский плач. Вошел Иналук и с ним одетый по-дорожному, в черкеске, с кинжалом Александр Тохтиев.

— Вот, Михаил, наш мальчик, которого мы тебе отдаем. Он пойдет с тобой, куда ты скажешь. Он скажет суду, зачем он это сделал, и если его накажут—пусть будет так, мы не хотим ссоры с Советской властью. Ты один, без ноги, больной не побоялся прийти к нам, и мы верим твоим словам.

Под окном раздался конский топот: приехал Каргиев. По его раскрасневшемуся лицу было видно, что он уже заглянул с утра пораньше в свой «единственный бокал». Этот достойный горец сильно пил, старики его срамили и вынесли решение, что ему разрешается выпивать в день лишь по одному бокалу. Александр приуныл, но вскоре нашел выход. Так как старики не оговорили размеров бокала, то он обычно разыскивал самую объемистую посуду и не был в накладе. Старикам оставалось только сокрушенно качать головами.

Во дворе собралось население всего Борзикау. За стол сели старики. Посреди стола на блюде — куски вареной баранины, круглые пироги с сыром «хабиджин». За столом прислуживают Александр и Иналук. Коровьи рога и стаканы наполняются теплой аракой. Старец, возглавляющий стол, читает молитву и произносит витиеватый тост за Советскую власть, за отца горцев Ленина.

Искусство застольных речей хорошо известно осетинам. Это не просто речи, а мастерская импровизация, творчество, поэзия. Даже в переводах поражает сочная образность языка неграмотных горцев.

Наконец торжество подходит к концу. Выходим во двор и садимся в седла. Нас напутствуют добрыми пожеланиями. Едем верхом, я и Кар-

Электронная библиотека АКУНБ, elibaltic.ru

гиев. Александр Тохтиев будет идти пешком. Он несет свою винтовку и мои костыли. Последние тяжелые минуты прощания Александра с семьей. Рыдает мать, старая Гоце, и другие женщины. Мужчины сурово хмурят брови.

По пути — село Кобань, большое горное старинное село, знаменитое своими могильниками, в которых археологи нашли очень древние следы культуры. Здесь много «тауби» (осетинское дворянство), здесь наряду с обычной, невзрачной горской саклей много хороших домов, крытых железом, с верандами.

Заехали в ревком. Нас обступили любопытные. Александр Каргиев что-то рассказывает обо мне.

Вскоре появился комичного вида маленький старичок с седой бородой, в папахе, с огромным портфелем под мышкой. Он подошел ко мне, почтительно подал руку и представился.

— Батырбек Кануков — секретарь кобанского ревкома.

Я сказал Батырбеку, что хотел бы здесь переночевать, а рано утром следовать дальше, через селение Гизель.

Батырбек смотрел на меня с ошарашенным видом.

— Через Гизельское ущелье ехать нельзя. Вам придется вернуться.

— Это почему?

— В Гизельском ущелье сидит банда полковника Голиева, не пропускает ни пешего, ни конного. Недавно был бой при входе в ущелье, убито и ранено много красноармейцев. Если с вами, как с нашим гостем, произойдет несчастье, нам будет стыдно. Да и отвечать придется перед Советской властью.

Положение не из веселых. Возвращаться обратно — значит дать понять, что испугался. Завтра осетинский «хабар» разнесет эту весть по всей области. Лезть в лапы бандитов тоже нет особого желания... К тому же возвращаться — это 80—90 верст отчаянно трудной дороги, а я и так еле держусь в седле, чувствую, что белье прилипает к стертым ягодицам.

— Возвращаться не буду, товарищ Кануков. Дайте лошадь часам к четырем утра и надежного проводника. Я вам оставлю расписку, что беру ответственность на себя, если что-либо произойдет.

Батырбек был сильно удручен, но отговаривать уже не решался.

Александр Каргиев должен был вернуться домой от Кобани. После сытного ужина с обычной аракой и тостами я лег спать. Долго ворочался с боку на бок. Я понимал всю опасность предприятия, но не видел иного выхода.

Проснулся рано. Батырбека не было дома. Только в шесть утра он явился с каким-то веселым парнем в щеголеватой черкеске и зеленом

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

бешмете. Парень ни слова не понимал по-русски, но с его лица не сходила широкая, глуповатая улыбка.

— Это Хату Плиев, наш милиционер, — отрекомендовал Батырбек. — Хороший парень, джигит. У него лучшая в Кобани верховая лошадь. Ручаюсь, честный хлопец.

Не мог же я сказать Батырбекову, как мало значило для меня его поручительство, так как я не особенно доверял и самому Батырбекову, принадлежавшему к дворянской фамилии.

Очень скоро Хату явился с чудесным красавцем-конем, который весело играл под всадником. Учитывая свое умение сидеть в седле, я не очень обрадовался такому коню и охотнее сел бы на старенькую, вислоухую кобыленку. Но не мог же я сказать горцам, что боюсь ехать на горячей лошади! К моему счастью, красавец-конь оказался кротким, послушным животным, и я скоро успокоился.

Выехали из Кобани, когда солнце поднялось уже довольно высоко. Сердечно попрощался с Каргиевым.

Я ехал на коне, а сзади шли пешком Александр Тохтиев и Хату. С трудом перебрались через бурную Гизель-Дон, для чего пришлось Хату переехать через реку сначала со мной, а потом вернуться и перевезти Александра, почти как в задаче о волке, овце и капусте.

Я торопился поскорее проехать опасные места и поэтому пустил лошадь рысью. Остановившись на окраине луга в кустах, стал озираться, разыскивая своих спутников, но они точно сквозь землю провалились.

Проехал по дорожке, вившейся между кустами, и в это время где-то неподалеку, правее кустов, грохнул винтовочный выстрел...

«Засада!» — мелькнуло у меня в голове, и я быстро свернул коня с дорожки вниз... И вот между кустами, на небольшой полянке, я увидел моих спутников. Они о чем-то спорили и смеялись. Александр приложил винтовку к плечу и стал целиться. Вдали на валуне стояла старенькая папаха Хату. Раздался выстрел.

Я послал лошадь вниз к парням и, ругаясь на чем свет стоит, подскочил к ним. Оба смеялись как ни в чем не бывало, что-то болтая по-осетински. Я показал кулак Александру и жестом потребовал, чтобы шли скорее за мной. Выстрелы могли привлечь внимание бандитов, и тогда эта невинная стрелковая забава стоила бы головы и мне, и, может быть, этим неразумным парням.

Я успокоился, только подъезжая к Балте, где за селом увидел белые палатки саперов. С радостью смотрел я на загорелых красноармейцев, вышедших из крайней палатки и указавших мне тропинку, которая вела на Военно-Грузинскую дорогу.

Я сошел с коня и распрощался с Хату. Через некоторое время дошла до нас весть, что у Хату украли его прекрасную лошадь, он пустил-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.aktub.ru

ся ее разыскивать и где-то на Военно-Грузинской дороге его убили конокрады.

Вечерело. В сторону города ехало несколько грузинских арб, и я попросил нас подвезти.

Уже появились первые дома, когда сидевший рядом со мной Александр вдруг беспокойно завозился и приготовился спрыгнуть с арбы. На его лице отразился ужас. Я схватил парня за кисть руки. Мимо нас проехали велосипедисты, так испугавшие Александра. Он ведь первый раз в жизни попал в город...

Увидев, что я спокоен и что странные люди на колесах не причинили нам вреда, он сильно сконфузился и потом рассмеялся, видимо, сам над собой.

Затемно мы пришли в гостиницу «Париж», где я тогда жил. Александр ночевал у меня в номере. Он проснулся рано утром и с удивлением рассматривал улицу, не решаясь подойти близко к окну.

После завтрака мы отправились с ним в ГПУ, к наркому, которому я подробно рассказал о положении в Куртатинском ущелье и о деле Тохтиева.

Нарком вызвал сотрудника-осетина и с его помощью расспросил парня.

— Все понятно! Парня винить нельзя. Черт возьми, на его месте, пожалуй, я сделал бы то же. Нам нужно успокоить население ущелья, иначе там начнется такая кутерьма, что придется посылать войска. Кроме того, в соседнем Гизельском ущелье сидит Голиев, а в предгорье шарит несколько мелких банд. Ты возьмешь парня на поруки?

— Конечно! Я в нем абсолютно уверен.

Условились с наркомом встретиться через час в обкоме партии.

Александр со спокойным любопытством разглядывал кабинет наркома. Он даже не представлял себе что это за учреждение и зачем я его привел сюда.

Вечером я сводил своего пленника-гостя в цирк. Я не знал, смотреть ли мне на арену или на бедного горского парня, который был в неописуемой радости. Он о чем-то спрашивал меня, что-то восторженно твердил по-осетински. Александр, вероятно, чувствовал себя перенесенным в какой-то небывало прекрасный и сказочный мир.

На другой день состоялось заседание президиума обкома партии. Я сделал подробный доклад о положении в Куртатах. Обком постановил немедленно вывести из горной полосы Лабинский полк, а также отдать под суд командира эскадрона и красноармейцев, творивших бесчинства. Было решено вернуть конфискованное имущество Тохтиевым, освободить и не привлекать к ответственности молодого горца, убившего казака-насильника.

Электронная библиотека АКИНБ elib.altlib.ru

После заседания я зашел в типографию, просмотрел полосы текущего номера газеты и распорядился, чтобы утром ко мне пришел ученик типографии, живой смышленый парнишка-осетин Мурат. Утром с помощью Мурата я объяснил Александру, что он может вернуться домой, что виновные в безобразии будут наказаны.

Александр просиял. Он схватил обеими руками мою руку и, волнуясь, говорил:

— Бужиак! Бужиак, Пантухов! (Спасибо! Спасибо, Пантюхов!).

Мурат должен был довести Александра до окраины города на Гизельскую дорогу, а оттуда вдоль предгорьев он легко доберется к себе.

Прощание было коротким и трогательным. Мы с Александром обнялись, у парня на глазах показались слезы. Он поспешно повернулся к двери и вышел.

Я видел с балкона, как Мурат и Александр вышли из подъезда и направились к мосту через Терек...

Электронная библиотека АКУНБ elib.altai.ru

НИКОЛАЙ ЧЕРКАСОВ

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

...А церковь и поныне без креста.
Загадили вороны колокольню.
И, как всегда, по памятным местам
Растут белоголовые кукольни.
Ночами, свесив голову с небес,
Глядит луна, отнюдь не молодая.
Лимонный сок, наверно, вытек весь,
Поэтому она совсем седая.
Но Русь не та! Поверь, поэт, не та!
Ее аршином старым не измерить.
Она теперь ни в черта, ни в Христа,
А в самое себя привыкла верить.
Да будет так Россия вечно жить!
Как ни крути, а ей нельзя иначе:
Ведь громыхнул вселенною мужик
Не на рязанской вислозадой кляче.
И не один какой-то там сосед,
А вся земля, от мала до велика,
Разинув рот, ему смотрела вслед
И в тот момент была единолика.
Ты не жалей, что атомным овсом
Коней мы кормим на бетонных плацах.
Как прежде, я с любым бездомным псом
Украдкою готов поцеловаться,
Готов грустить и плакать от тоски,
И петь умею, и бросаться с кручи.
Вот потому, всем толкам вопреки,
Ты наша плоть и кровь, а не попутчик.

Электронный архив библиотеки АКУНБ, elib.altlib.ru

★ ★ ★

Ах, Россия, Россия,
Понять не могу —
Я всегда пред тобою
В долгу, как в шелку!
Хоть молчи, хоть кричи,
Репку-матушку пой,
Ты и днем и в ночи
Всюду смотришь за мной.
Я погибнуть готов,
Я воскреснуть готов,
Чтобы ты не считала
За мною долгов.
Только кто я потом,
Только что я потом,
Если быть перестану
Твоим должником?
Ни скопец и ни мот,
Ни товарищ, ни враг;
Ни тебе поражений,
Ни новых атак...
Нет, послушай, Россия,
Я так не могу!
Ты позволь мне навечно
Остаться в долгу.
Песни петь о тебе,
Оглашая простор,
Постоянный ты мой,
Щедрый мой кредитор!

ПЕЛИ СОЛДАТКИ

Пели солдатки грустную песню.
Пели они о пропавших без вести,
Пели о юности, рано сгоревшей,
Сны безмятежные недосмотревшей.
Пели солдатки протяжно и нежно
О недолюбленных, недолюбивших.
Шла эта песня по улице снежной,
Словно солдат на побывку прибывший...
Пели солдатки. О, как они пели!
Так, что село обходили метели.
Так, что (скажу вам без фальши и лести)
Быть мне хотелось пропавшим без вести.

Электронная библиотека АКУБ: elib.ru

* * *

...Осенней ночью думай обо мне.
Е. Евтушенко.

Я все равно когда-нибудь приду
К тебе, на радость или на беду!
Из праха встану, но к тебе приду
И в ноги покаянно упаду.
Я прошепчу: пожалуйста, прости,
Что не сумел разлуку отвести!
За то, что вопреки своей судьбе
Я постоянно думал о тебе.
Я зимней ночью думал о тебе,
Весенней ночью думал о тебе
И летней ночью думал о тебе,
Осенней ночью думал о тебе.
Прости за то, что в памяти сберег
Любви твоей скупой полунамек.
За все, что не сумел я обрести —
Прости!

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Александр Баздырев

КОРНЯМИ КВЕРХУ

Рассказ

Людей, артельнее и дружней сибиряков, надо поискать. Из Иваново в Ярославль, например, или из Тулы в Рязань при большом желании можно в гости пешком ходить. Однако, сойдясь где-то, вдали от дома, ивановские и ярославские или рязанские и тульские не скажут: «О, мы из одних краев!» Разве можно! Тула и Рязань это испокон Тула и Рязань. Разные города, разные губернии.

У сибиряков свой размах. Встретятся один из Тюмени, другой из Читы — и земляки! А раз земляки, значит, папиросы на стол, если есть что-то покрепче папирос — тоже.

Вот и на этот раз так. Федор Терентьевич Чумаченко был из Восточной Сибири, Олег — с севера Томской области, с Васюгана, я — с Алтая. Свел нас случай: места в самолете оказались рядом и на общую радость — около столика. Попросили шахматы. И в те два с небольшим часа, которые самолет летит от Москвы до Омска, уже знали, что Федор Терентьевич — сторонник тактики Петросяна, работает в совхозе механиком, в Москву ездил на совещание сельских рационализаторов и в гости к дочери, аспирантке Тимирязевской академии. У Олега, пока он совершенствовался по хирургии в Ленинграде, дома родился сын. Первенький. Может быть, поэтому, подогреваемый радостью, он старался играть в духе Таля: азартно, остро. Но, горячась, не додумывал комбинации до конца и проигрывал.

Мы были уже не просто попутчики и земляки, а уже почти приятели, когда в салоне появилась затянутая в форменный пиджачок и юбочку выше колен стюардесса и, подражая зачем-то вокзальным дикторам, объявила:

— Товарищи пассажиры! Порт Толмачево не принимает отсутствия погоды. Идем на посадку в Омске.

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

— Что-что? — встревоженно переспросил Олег. — В Омске есть погода, а в Новосибирске почему-то отсутствует?

— Слушай ты их больше, доктор, — сочувствующе поддакнул Федор Терентьевич. — Это ж всегда на волка помолвка, а баранов иной раз и пастухи едят.

— Ай, ну вас с вашими баранами, — досадливо отмахнулся Олег. — Меня, знаете ли, это всерьез возмущает.

— И меня, между прочим, тоже всерьез, — почти тем же тоном и не повышая голоса, продолжал Федор Терентьевич. — Только с учетом пословицы: смехом можно пни корчевать и ржавые гвозди вытаскивать.

Говорил Федор Терентьевич как-то так, что его хотелось слушать: спокойно, ненавязчиво, при этом слова произносил вроде бы безукоризненно по-русски, и в то же время с такой неповторимой мягкостью, которая свойственна только речи выходцев из центральной Украины.

В аэропорту он попросил нас с Олегом занять очередь в ресторан, куда-то ненадолго отлучился и вернулся с предложением:

— Вот что, хлопцы, есть мнение ужин отставить, забрать чемоданы — и на поезд. Я с синоптиками разговаривал. В Красноярске и Новосибирске буран. С часу на час и тут может такой засвистать — носа не высунешь.

Пассажиров на железнодорожном вокзале оказалось немного. Кассир нас уверил, что билеты можно купить без затруднений за час до прибытия поезда. Мы решили сдать чемоданы и поужинать. Но в камере хранения почему-то работало только одно окошечко. Около него скопилась очередь, шумливая, нервная. Когда мы подошли, высокий мужской голос громко требовал книгу жалоб. Некоторые из пассажиров, чувствовалось, поддерживали возмущавшегося, другие кричали на него: «Не задерживай там!.. Получил и отходи! Ишь, правдолюбец нашелся...»

Федор Терентьевич прильнул к решетке, за которой стояли полупустые стеллажи, всмотрелся и подтолкнул меня локтем:

— Ты ж глянь, кто там хозяинует!

От окошечка к стеллажам и обратно, не торопясь, раскачиваясь по-утиному, прохаживался крутоплечий мужчина. Первое, что мне бросилось в глаза — его непропорциональная фигура. Казалось, ее скроил неумеха портной: стан длинный, могучий, руки коротенькие, чуть ниже пояса, и ноги тоже коротенькие, точно два обрубка, всунутые в женские чесанки с галошами.

Чемоданы он не ставил на полки, а бросал. Притом, не так, как

Электронная библиотека ИГУ: elib.isu.ru

бросает иногда тяжелую вещь уставший человек, а с сердцем, чтоб погромче и позлее стукнуть.

Впереди нас стояла невысокого росточка женщина с чемоданом и доверху набитой большой корзиной. Когда подошла ее очередь, Олег, не дожидаясь, чтоб его попросили, поставил багаж женщины на барьер окошечка.

Короткорукий проверил замки на чемодане, поставил его на пол, а корзину, пробурчав что-то, оттолкнул.

— Простите, я не поняла, что вы сказали? — растерянно спросила женщина.

— Это не пыр-му, — глядя сверху вниз, буркнул короткорукий и взялся за чемодан, чтоб унести.

Но тут вмешался Олег:

— Что значит: не пыр-му? У вас здесь государственная камера хранения или собственная лавочка?

Короткорукий с грохотом поставил чемодан на барьер окошечка, зачем-то одернул на себе фартук и поправил рукава куртки, словно собирался драться или, по крайней мере, бороться. И вдруг, вскинув вверх указательный палец, угрожающе выпалил:

— Ты, мл-дой че-эк, памашь, брысь раз-зы-дить дем-гогию! Есть, памашь, пр-р-ра-ила...

Дальше я не мог разобрать, что он говорил. Кто-то сзади нас в очереди ядовито подсказал: «Слышите, что он торочит? Помажь, говорит, тогда приму». Пассажиры зашумели: «Безобразие!.. Обнаглели!». «Правильно, правильно! — выкрикивал кто-то пьяненьким голосом. — Дери с них, мужик, да побольше. Эти бабы вечно набьют чемоданы, знают, что не им носить...»

Женщины, стоявшие в очереди, обрушились с упреками на того, кто кричал «правильно». Олег что-то горячо доказывал приемщику, тот тоже что-то частил и тыкал — почти в лицо Олегу — затрепанную брошюрку, должно быть, какую-то инструкцию...

Федор Терентьевич, как мне показалось, в первые минуты с любопытством отнесся к неожиданному развлечению. Он даже отошел в сторону, чтоб лучше все видеть. Но потом не утерпел, подошел к окошечку, отстранил Олега, склонился так, чтоб работник камеры хранения мог его видеть в лицо, и негромко, словно продолжая давно начатый разговор, спросил своим певучим тенорком:

— И чего ты, Петр Иванович, мордуешь добрых людей? Ну, сам подумай, куда женщина кинется с этой корзиной? Прошу тебя, освободи человеку руки, прими. Ну и, между прочим, раз уж пришлось свидеться, здравствуй.

Короткорукий метнул на Федора Терентьевича удивленно-испу-

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

ганный взгляд, какое-то мгновение, потупившись, молча шевелил губами, — трудно было понять, про себя ли он ругается или подбирает, что сказать в ответ, — потом, так и не промолвив ничего, схватил корзину с чемоданом и быстро, раскачиваясь на коротких ножках, пошагал между стеллажами.

Очередь одобрительно загудела: «Во-во, давно надо было его!.. Ишь, до чего обнаглели! Принародно не стесняются требовать: помажь!»

— Та нет, вы не поняли, — обернувшись к говорившему, мягко разъяснил Федор Терентьевич. — Это он так слово «понимаешь» выговаривает: «Памашь». — И ко мне: — Сдай, пожалуйста, мой чемодан. Что-то покурить захотелось...

Аэрофлотовский синоптик не обманул Федора Терентьевича. Когда мы поднялись в ресторан, за окнами, налетая порывами, словно пробуя свои силы, посвистывал ветер и время от времени мелькал снежок.

— Вот она, родимая сторонка! — хмуро проговорил Олег. — Нет чтоб солнышком встретить.

— А я, между прочим, если говорить о зиме, предпочитаю бураны, — поглядев за окно, сказал Федор Терентьевич. — С детства еще это пошло: чем больше падера, тем мне вроде интересней. Как-то из-за этого интереса чуть не замерз. И что чудно — в каких-нибудь ста шагах от дома, в огороде того самого Пети Дадыкина, которого вы только что видели.

— Да, Федор Терентьевич, кстати, что это за гусь? — полюбопытствовал Олег. — Держится, как обломок их степенства...

— Хе-хе, гусь, — усмехнулся Федор Терентьевич. — Попался бы ты этому гусю на узкой дорожке годиков пять-шесть назад, посмотрел бы я, из кого из вас перья полетели. Да!.. А директор ресторана, я гляжу, грызь в пупке, как говорил дед Щукарь, от натуги не наживет. Свинина жареная, свинина пареная, и так, кусками... Придется «Столичной» по чеплашечке-другой заказать, иначе два часа с лишним, пока поезд придет, здесь не просидишь.

— Я за «Столичную», — поддержал Олег и поднял руку, как старательный школьник на уроке. — Только с условием: пью одну чеплашку. У меня, в отличие от некоторых, первая летит соколом, а вторая встает колом. А вас, Федор Терентьевич, попрошу, если можно: чем интриговать нас, расскажите лучше про этого, с которым вы мне не советовали на узкой дорожке встречаться.

— Заинтересовался? — улыбнулся Федор Терентьевич. — То-то и оно! Я сам сижу, разговариваю, а он стоит перед глазами в своем

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

окошечке, как в телевизоре. Все-таки правду говорят: мир тесен и только гора с горой не сходится...

Понимаете, какое дело: мы с этим Петром Ивановичем росли на одной улице, семь лет вместе учились, в один день в комсомол вступали. Да и потом друг у друга на виду, в одном районе жили. Если честно говорить, мне сейчас хочется не просто рассказать вам биографию этого человека, чтоб время, что ли, веселей провести, а самому вспомнить, что удастся, и подумать: как оно так все получилось?

...Село наше старинное. Основали его, говорят, кержаки. Потом к ним подселили ссыльных поляков, литовцев, каких-то солдат. В годы столыпинского переселения добавились мы, украинцы, куряне, белорусы, пензенская мордва. В общем, с бору по сосенке. Сейчас не разберешь, кто откуда. Все стали сибиряками. А когда я был небольшим, разница чувствовалась. Бывало, зайдешь к Петьке Дадыкину — мы с ними через переулок жили, — отец его, Иван Арсентьевич, обязательно подковырнет: «Чо, Федька, вы в паужин-от ели? Поди, опять галушки или варэники?». Я сперва краснел, сердился, а потом как-то тоже спросил: «А вы, дядько, що в снидок илы? Рэдьку з квасом?»

Надо сказать, в породе Дадыкиных всегда вот это было: над кем-то, особенно кто послабее, посмеяться, а себя, хоть на вершок, но показать выше. Пустое дело: заиграется их хлопец, и вот сама Дадычиха или старшая дочь, Хрестя, выходит на крыльцо и кричит на весь околодок:

— Петька! Иди мясо есть!

Все знают, что мясом у них в избе и чугунки не пахнут. Это сейчас, попробуй, не привези день-два в бригаду мяса. Тебя так разнесут, что не возрадуешься. А в единоличной деревне, несмотря на то, что машин тогда почти не было, все ложилось на мужицкий горб, мяском в весенние и летние месяцы даже самые зажиточные крестьяне редко баловались. Что же касается семей такого достатка, как наша была и тех же Дадыкиных, то в них и зимой это самое мясо впрочесочку ели, по праздникам.

Из-за нужды, одеть и обуть было нечего, мы с Петькой и в школу пошли не девяти лет, как тогда полагалось, а считай одиннадцати, в двадцать седьмом году. Закончили четыре группы, многие решили в соседнее село подаваться, там открылась школа крестьянской молодежи.

Мы к тому времени уже с матерью вдвоем бедовали. Отец с германской вернулся отравленный газами, дома в кузнице еще добавил. Все кашлял, кашлял и в двадцать девятом году с весенней водой

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ушел. Конечно, матери было б легче, если б я стал работать. Собой я был крепкий, мог и боронить, и по сено зимой ездить. Но она, спасибо ей, не отступала от своего. Одно знала: «Учись, Федька. Батько твой хотел, чтоб ты грамотным был, и я хочу. Темный человек при нынешней жизни— хуже, чем слепой».

У Петьки отец скупой. Сколько я помню, он собаки никогда не держал, чтоб не тратить лишний кусок хлеба. Уперся: «Чо ты, до женитьбы будешь сидеть у отца с матерью на шее? Робить надо!».

Не знаю, как бы повернулась Петькина жизнь, если б не наш учитель, Дмитрий Фаддеевич. Образованьишко у него, как я теперь понимаю, было класса три церковно-приходской школы. И ладно, если не на двоих с женой; она тоже учительствовала. Зато энергией Дмитрий Фаддеевич мог бы свободно поделиться с десятком тех нынешних, дипломированных, которые отведут свою очередь от звонка до звонка и знать больше ничего не хотят. Он нам по вечерам книжки читал, спектакли в клубе ставил, живые газеты, сам для них стихи сочинял. Даже свое кино умудрялся устраивать. Сделает рисунки и подписи на папиросной бумаге, потом промаслит ее, приспособит в ящичке керосиновую лампу-молнию и — на стене увеличенные картинки показывает.

Петьку Дмитрий Фаддеевич выделял из всех нас, учеников. За старательность. Знаете ведь, хоть мы были уже и не маленькие, но школьники. Когда наберешься терпения, выполнишь домашнее задание со всей прилежностью, а когда и на скорую руку. Думаешь, понял что к чему, и ладно. Петя такой неаккуратности не допускал. Доходило все до него туговато. Задачи по арифметике он почти всегда ко мне приходил решать. Спишет чистенько, цифры выведет с нажимом, кругленькие. Придем наутро в школу, его учитель хвалит, меня журит. Грязно, нерадиво выполнил работу.

Узнав о Петькином горе, Дмитрий Фаддеевич немедленно вмешался и помог, но на свой манер. Подучил колхозного счетовода, чтоб тот позвал Дадыкина-отца в контору, трудодни что ли проверить. Иван Арсентьевич, ничего не подозревая, явился, сел, толкует со счетоводом. И слышит — за дощатой перегородкой, в кабинете, Дмитрий Фаддеевич ведет разговор с председателем. Об учебе, о науках. И, между прочим, о его Петьке.

— Честно признаюсь тебе, — говорит, — Павел Никифорович, я вот уже сколько учительствую, но такого способного школьника, как Петрован Дадыкин, не встречал. Во-первых, понятливый. Я еще не успею объяснить урок, а он уже руку тянет отвечать. А как пишет? Залюбуешься! Не-ет, я уверен, если этот Петрован шэ-кэ-эм закончит, тем более, техникум, — Дмитрий Фаддеевич почему-то в этом

слове ударение делал на «кум», — голова будет, каких мало! Вот попомнишь меня!

— Оно видно, Петька — парень резонный, — соглашается председатель с учителем. — Только, я слыхал, отец не отпускает его в школу.

— Кто? Иван Арсентьевич? — удивленно переспросил Дмитрий Фаддеевич. — Не может быть! Если бы ты сказал про кого другого, несознательного, я бы мог поверить. А тут — не-е-ет! Ведь Петька же точная копия — отец! И по ухватке, и по сообразительности как две капли. Да будь у меня такой сын, я бы в струнку тянулся, но учил его, пока он хотел!

Что чудно: хитрость Дмитрия Фаддеевича, если уж прямо смотреть, была белыми нитками шита. К тому же счетовод тайны из нее не делал. Одни Дадыкины или на самом деле не слышали, как над ними похохатывали в селе, или слышали, да не хотели верить. Может быть, даже считали, что люди из зависти выдумывают всякие всячины.

Смех и грех был с ними. Десять раз на дню встреться с теткой Дадычихой или Иваном Арсентьевичем и десять раз услышишь:

— Вот, тянемся, учим сына. Тяжело, достатки-то наши, сами знаете, какие, да чо делать? Шибко парню науки даются. Учителя вон прямо не нахвалятся Петенькой.

Ну, родители — это родители. Говорят, сова и та похвалялась: «Вот у меня детки-красавчики. Головастые да лупастые, не то, что у ласточки». Сам Петя Дадыкин, начав ходить в пятую группу, день ото дня становился индюк-индюком. Дело в том, что и учителя ШКМ тоже скоро приметили Петину ефрейторскую старательность, выдвинули его в учком. Почерк, как я говорил, у него был красивый, поэтому его ввели и в редколлегию стенной газеты. И Петя преобразился. Поиграть в мяч или в городки его лучше не зови. Посмотрит на тебя с таким видом, будто он знает что-то важное, а ты до этого не дорос, руки в карманы и отвернется. Зато если взрослые соберутся, особенно учителя, он тут как тут, рядышком крутится.

В деревне ребятам рано дела находятся. Трех-четырех лет мальчишка уже может за гусями приглядеть или, скажем, выгнать кур из огорода. Ну, а в четырнадцать-пятнадцать лет парень — работник!

Меня сызмалу к железу тянуло. От отца, наверное, передалось. Посмотрел, как заезжий жестянщик вставляет донышки в ведра. Пришел домой: раз попробовал — не вышло, два — плохо вышло. А в третий раз получилось то, что надо. Кольца выбивал из старых монет — девчата заказывали, замки ремонтировал, ключи делал.

С пятого и по седьмой класс нам пришлось учиться в соседнем

Электронная библиотека АКУЛЬ elibalib.ru

селе. Находилось оно почти рядом, за истоком и неширокой полоской бора. Если пешком добираться, через лавы и согру — не больше трех километров. Нас это расстояние не пугало. Свое село вдоль речки в одну улицу растянулось на восемь километров, а школа одна и стояла где-то в середине села. Поэтому мы никаких квартир не снимали, ходили домой. Явишься — на тебя целая куча забот. Осенью сена надо запасти, дров, картошку выкопать, подсолнушки срезать и обмолотить. Зимой — в пригоне вычистить, снег отбросать. Тут соседки лезут: у той ведро прохудилось, у другой у лампы головка отлетела.

Петька же дома — ни за холодную воду. Возьмет для близира какую-нибудь книжку и сидит около окна, чтоб люди видели, какой он грамотюк. А всю работу старшая сестра, Хрестя, везет. Она и на ферме телятницей, и дома за девку и за парня: полы моет, в огороде поливает, дрова рубит. И с Петьки готова пылинки сдувать, нянькой около него крутится. На себя-то, видимо, она уже тогда махнула рукой: маленькую ее еще хлестнул жеребенок копытом по лицу и навек косоротой оставил. Знаете, это мужик хоть косоротый, хоть кособокий, если не круглый дурак, найдет себе пару, да еще кочевряжиться над женой потом будет: я тебя облагодетельствовал! А для женщины, тем более скромной, чуть какой изъян — значит, готовься вековать одна.

В тридцать четвертом году наша школа сделала свой первый выпуск. Это было событие. В нашем селе, например, мы, восемь парней и девчат, первыми получили такое образование. Многие решили учиться дальше. Двое поехали в медицинский техникум, трое в педагогический, Дадыкин, чтоб переплюнуть всех, подался в горный. Я не смог никуда поехать: мать все время болела. Пошел в МТС учеником токаря, через полгода попал на курсы шоферов. Там еще, на курсах, услышал, что Петя бросил техникум. Сам он объяснял будто бы, что заболел в городе. Родственники добавляли, что шибко уж трудно было учиться, у Петеньки голова разламывалась. Короче говоря, он приехал в село и устроился продавцом в лавку.

Я вернулся домой в начале апреля. Как раз собрание объявили о подготовке к посевной. Я хоть и считался работником МТС, но тоже пошел на собрание: все-таки и колхоз не чужой, да и с ребятами интересно повидаться.

Сидим в клубе с хлопцами, разговариваем. Смотрю: выходит на сцену председатель колхоза, председатель сельсовета, секретарь партийной ячейки, какой-то незнакомый представитель из района. И с ними Петя Дадыкин. Я спрашиваю соседа, учетчика тракторного отряда:

Электронная библиотека elibrary.ru

— Слушай, а с чего это Дадыка на сцену выпялился?

— Как с чего? Ты от жизни отстал, — объясняет он. — Мы ж тут недавно Петю секретарем комсомольской ячейки избрали.

— Ну это, — говорю ему, — вы на свою голову...

— Мы понимаем, что он индюкастый, — соглашается учетчик. — Но сам посуди: кого? Я, вот начнется лето, уеду в бригаду, другие тоже — кто на пашню, кто на выпаса. А он всегда на месте. И нам удобно, и если кто из района приедет, тоже не надо искать секретаря. Потом, парень он грамотный, даже в техникуме побывал... Подкованный.

Петя в президиуме, видимо, все-таки волновался: кончики ушей у него горели. Но за спины он не прятался, сел рядом с представителем из района, держался прямо — как это говорят, будто аршин проглотил, — и в зал поглядывал строго, по-хозяйски.

После коротенького выступления председателя колхоза объявили прения. Первым слово взял Петя. Какой он говорун, вы, наверное, заметили: половину слова глотает, половину выплевывает. Да и за душой у него ничего такого не было, чтобы выступать перед селом. В колхозе он не работал, где, что и чем сеять — понятия не имеет. Однако ж вылез. Правую руку сунул за приполок рубашки, левую сжал в кулак, облизнул губы да как крикнет:

— Та-а-рищи!

И пошел чесать! Упомянул недостатки, о которых говорил председатель, увязал это с текущим моментом, проехался по мировой буржуазии и классовым врагам...

В школе Петя никогда не ораторствовал. Его учителя за пономарское бормотание и частое «памашь» на уроках одергивали. А ученики, те и вовсе передразнивали. Поэтому мне любопытно было, как взрослые и на серьезном собрании отнесутся к Петиной речи. Поглядываю: начальство в президиуме, похоже, вслушивается, старается понять, какие слова бросает в зал Дадыкин. Колхозники — одни слушали, другие делали вид, что слушают. Учетчик рядом со мной подсчитывал, сколько раз Петя скажет «памашь», другой парень агитировал соседей погромче и подольше «играть Пете в ладушки». Когда он выкрикнул последние слова, они действительно, ударили в ладони. И я их поддержал.

А что? Артисты в те годы в селах почти не показывались, кино привозили редко. Чем-то развлекаться надо было!

Но вот теперь, оглядываясь назад, не могу понять: ну, мы, молодые комсомольцы, не осаживали Петю. Хотя и видели, что он, как распыхтевшееся тесто, вылезает из квашни. Но ведь около него были и старшие руководители, люди с большим житейским опытом. По-

Электронная библиотека АКУНБ elib.amlib.ru

чему никто из них не подошел после собрания к Пете и не сказал: «Слушай, Дадыкин, хлопец ты энергичный, не ленивый. Но, если не хочешь сломать головы, выкинь раз и навсегда из нее, что, поскольку тебя приняли продавцом в сельпо и выбрали секретарем, то ты уже самый умный, самый подкованный и можешь поучать любого и каждого нижестоящего. Голова—это такая штука, что ты хоть наркомовскую фуражку на нее одень, она умнее не становится, а закружиться дважды-два может. Поэтому возьми в привычку время от времени поворачивать зрачки вовнутрь и всматриваться, что в твоем собственном амбаре творится, не гуляет ли ветер по пустым сусекам. Руководитель, большой или малый, живет постоянно все равно что под сотней рентгеновских аппаратов. Люди видят не только то, куда он, руководитель, ступил и что сказал, но и что подумал и хотел сказать...»

Хотя, может быть, кто-то и пытался наставлять. Не так это просто словами убедить кого-то в том, что он такой, как и все, когда жизнь к нему поворачивается все время крашеным крылечком: знай не ленись, поднимайся со ступеньки на ступеньку.

Время, конечно, тут играло роль. Появись сейчас в селе наш бывший учитель Дмитрий Фаддеевич со своим церковно-приходским образованием, его бы, наверное, завхозом в школу не взяли. Хотя свое дело он сделал. Если проследить родословную, то ведь почти все нынешние наши агрономы, инженеры, врачи, учителя — внуками приходятся Дмитрию Фаддеевичу. Из тех, кто у него учился, правда, только одному удалось закончить институт, и то заочно, — сейчас он директором школы у нас работает. Зато ученики этого директора не только до институтов и университетов — до аспирантур, как моя дочка, добрались, диссертации пишут.

Многие ребята и девчата после средней школы в совхозе остались работать. У меня у самого в подчинении сейчас есть шофера и токари с десятилеткой. Конечно, пока у них нет того жизненного опыта, сноровки в работе, которые накопились у меня. Но за этим дело не станет. И я, честно говоря, не удивлюсь и не обижусь, если через пару-тройку лет окажусь у кого-то из этих мальчиков в помощниках. Обидней было бы, если б я со своей довоенной семилеткой да несколькими коротенькими курсами был бы грамотнее своих детей и оставался незаменимым. На кой черт, спрашивается, тогда б я жил?

В тридцатые же годы в наших местах людей с семилетним образованием, и вдобавок к тому, активистов можно было по пальцам пересчитать. Сняли секретаря сельсовета — кто-то раскопал, что

Электронная библиотека АКУНБ elib.altlib.ru

тесть у него служил в колчаковской армии и чуть ли не офицером. Сняли, а кого ставить?

Вызвали моего дружка, учетчика тракторного отряда. Он ни в какую: «Меня обещали послать на курсы комбайнеров». Петю пригласили—он со всем своим удовольствием. Что ни говори, секретарь— фигура на селе побольше, чем продавец. Это уж не просто служащий, а начальство. В лавку ведь зайдет покупатель и командует: «Петя, подай, Петя, взвесь...». А тут зашла соседка к нему, справку какую-то взять, ну и попросила по-свойски: «Петя, будь ласка...» А он: «Кому Петя, а кому Петр Иваныч!».

Призываться на действительную мы должны были с ним в одно время. Но Дадыкина почему-то врачи забраковали. Я вернулся домой весной сорокового года, уже после финской, между прочим, сержантом и с медалью «За отвагу». Петю застал председателем сельсовета.

Интересно мы с ним встретились. Я пришел на военный учет вставать. Конечно же, при всей форме: с треугольничками в петлицах, при медали. Сидим с секретарем, разговариваем — он ведь всей этой канцелярией занимается. И вот он — пых! — Дадыкин влетает. Одет по-военному — зеленая гимнастерка и синие суконные галифе. Где-то добыл комсоставский ремень, только перепоясался им по-кержацки, по чреслам. И складки у гимнастерки не назад заправил, как положено, а по-бабьи раздергал во все стороны. Качается на коротких ножках, как гагара, когда из воды вылезет, важничает.

Руки мне не подал, только кивнул: «А-а, Чумаченко. Здраст...» Взял у секретаря со стола мои документы и то в бумажку посмотрит, то на меня, да так придирчиво, будто хочет дознаться, уж не самовольно ли я покинул часть.

Задело это меня. Ах ты, — думаю, — индюк несчастный! И вроде мне жарко стало, распахнул шинель. Петя как раз оторвал глаза от бумажки, зыркнул на меня и прилип глазами к медали. Секретарь мигом сориентировался, куда смотрит начальство, затянул сладким голоском:

— Да, Петр Иванович, за нашего землячка порадоваться надо. С отличием вернулся...

— Так уж с отличием! — недовольно вздернул губы Дадыкин.— В бумагах что-то не прописано, за какие такие заслуги...

— Зато здесь ясно написано, за какие заслуги, — ответил я, показывая на медаль. — И танк изображен очень кстати, чтоб всякий видел, что я не писарем был.

Недели через две снова свиделись мы с ним. Я пришел со своей Верой Кондратьевной регистрироваться и — до сих пор не могу себе

Электронная библиотека АлтГТУ: elib.altstu.ru

этого простить! — на радостях согласился пригласить Петю на свадьбу. Самому-то мне это никогда бы в голову не пришло. Благоверная моя такую идею подбросила: двоюродная сестра ее, Дашка, была за Петей. Что ж, двоюродная сестра — родня близкая, обойти ее приглашением — кровно обидеть. Постучались мы к Пете в кабинет, вошли: «Так и так, Петр Иванович, милости просим вас с Дашей...» Что ж вы думаете? Тряхнул он своей скворешней, пробуторил не то «поздравляю», не то «тра-ля-ля», и даже глаз от стола не поднял. Даша после прибегала к нам, объяснялась: «Нельзя Пете при его должности с кем попало за стол садиться. Потом, когда вы будете одни, без гостей, мы зайдем». Тут уж и Вера моя ожесточилась: «Не то что за стол, на порог мне не надо твоего чванливого Дадыку!».

Женился я в мае сорокового года. А в мае сорок первого меня, как младшего командира, снова призвали. Слухи ходили, что берут на месяц-другой, новую технику изучать. После двадцать второго июня стало ясно, что тут пахнет не месяцами.

Про службу и войну рассказывать не буду. Считаю, что мне повезло: нашу часть с востока перебросили под Сталинград на Донской фронт за несколько дней до наступления. Так что, по сравнению с теми ребятами, которым пришлось отходить от границы до Волги, испытать и окружение, и плен, — я просто счастливчик.

Вера моя, и когда я на востоке стоял, и на фронт попал, письма присылала часто, причем не такие, как другим: «Еще кланяется тебе дочка Лара, да еще кланяется тетя Горпына...». Она что-то подвид дневника вела: с неделю записывает, что в той или другой семье произошло, в колхозе, потом все это запечатывает в конверт и мне. Так вот, из этих ее писем я узнал, что Дадыкин ни в армию, ни в стройбат не попал, переехал в районное село. Тетка Дадычиха и Хрестя регулярно ставили в известность односельчан о Петином продвижении по службе.

То, останавливая каждого, сообщают:

— Петр Иванович-то наш, слышали? Бо-ль-шо-о-ой начальник! Рай-упол-нар-ком-заг!

То:

— Петр Иванович-то наш! Уже директор глубинки.

Удивляться этому не приходилось. Хороших, грамотных руководителей — их и до войны в районе не хватало. Тут же еще многих забрали в армию. Так что для дадыкиных был простор: на безрыбье и рак рыба. Потом, оно ведь важно один раз подняться на эту орбиту. Дальше, как вагон по рельсам, начнут катать.

Я встречал День Победы дома. В январе сорок четвертого под Корсунью попал под бомбежку. Пока лежал в госпитале, учился до-

Электронная библиотека КУБГУ elib.ru

ма ходить на леченой ноге — война закончилась. Так вот, на моих глазах такой разговор был. Зашла как-то вечером Хрестя Дадыкина в контору. Ей подкидывают вопросик, не без ехидства, конечно:

— Слушай, Хрестинья Ивановна, ходят слухи, что глубинкой теперь кто-то другой заведует. Где ж Петр Иванович?

— А он теперь работает в кабинете!

— Что это за чин? В кабинете вон и наш счетовод работает.

— Что вы равняете! — досадует Хрестя. — У Пети везде шкафы, книжки...

Всем, конечно, хорошо известно, что Петя временно заведующую райпарткабинетом замещает. Но ведь почесать язык хочется. Вот и допытываются:

— Значит, он как наша библиотекарша, книжки выдает?

— Да нет! — простодушно старается разъяснить Хрестя. — Он— этот самый... Как мне Дашка-то называла?.. Идиволух, кажись...

— А-а, идиволух! Ну-ну, это, ничего не скажешь, подходящая для Петра Ивановича должность.

Мне не приходилось видеть трудовой книжки Пети Дадыкина. Но, как я представляю, она должна быть по толщине с хороший роман. Кем он только не был в послевоенные годы! Председателем колхоза, директором райпромкомбината, заведующим отделом культуры, управляющим райконторы «Заготскот», председателем спортивного общества, заведующим сберкассой... Это только, что я помню. И редкий год его не посылали к нам в колхоз, а когда стал совхоз, то и в совхоз, уполномоченным.

Секретарем райкома у нас много лет был такой Шарапов Илья Григорьевич. Председатели колхозов и наш брат — бригадиры тракторных отрядов и механики называли его еще Ильей Громовержцем. Похоже, он знал об этом, но недовольства не высказывал.

Работать Шарапов, надо отдать ему должное, любил. В посевную, а особенно в уборочную, я не знаю, когда он и спал. Днем его видишь в поле и на токах. Ночью, смотришь, он опять тут как тут. В добром настроении приедет — с ним можно поговорить, в чем-то даже поспорить. В плохом — лучше молчи. Разнесет всех, правых и виноватых, пообещает билеты отнять, прокурора прислать... Нагонит дури — сам в машину и в другое место, а ты остаешься и не знаешь: или тоже начинать кидаться на людей, или бросить все и действительно ждать прокурора.

Самолюбивому, знающему себе цену человеку, работать бок о бок с Шараповым, сталкиваться с ним — было невмоготу. Да Илья Григорьевич и не любил, если у кого-то тоже проявлялся кремень в характере. С таким работником ненароком можно ведь так столк-

Электронная библиотека АКИБ, elib.akib.ru

нуться, что и из самого искры полетят. Спокойней опираться на тех, у которых по отношению к вышестоящему резиновый характер — «чего изволите», — а по отношению к нижестоящему — железный.

– Однажды, году в пятьдесят седьмом или восьмом, незадолго до уборки, я решил добежать в соседний колхоз к знакомому механику. Подшипник мне один был нужен. И попал как раз на шараповскую «раскрутку». Он собрал около комбайна на полосе председателя колхоза, бригадиров, комбайнеров. И мой дружок механик был тут же.

— Почему не начинаешь уборку? — наступал он на председателя. — Белых мух ждешь?

— Так зеленая же пшеничка, Илья Григорьевич...

— Настроение, я смотрю, у вас тут зеленое! Передовые хозяйства уже хлеб государству везут, а вы...

Приезжаю к себе, смотрю, — Дадыкин чуть не за грудки берет бригадира полевой бригады и комбайнера:

— Бросьте, памашь, ссылаться на зеленый хлеб. Настроение у вас зеленое! Читали газету? Передовые хозяйства уже зерно сдают!

Увидел меня, еще больше закипятился:

— Катаешься в ходочке, дурака валяешь! Запускай комбайн!

— Вон он, комбайн, — говорю, — запускай. Только учти, надо крутить за ручку, а не за мотовило.

Ух, как он взвился! Ты и дезорганизатор, и провокатор, и чуть ли не классовый враг. Пытаюсь смехом отвечать ему: мол, сено мы заготовили, губить пшеницу на силос нет никакого смысла. Бесполезно! Талдычит одно: линия райкома, указание райкома. Один на один, черт бы с ним, бормочи он, что хочет. Но ведь рядом народ стоит, слушает!

— Знаешь что, Дадыкин, — говорю ему. — Я, между прочим, член райкома. И не помню, чтобы мы кого-то уполномачивали давать от нашего имени глупые и вредные указания. Ты же, если разобраться, толкаешь нас на прямое вредительство, заставляешь губить хлеб. А ради чего? Ради того, чтоб ты мог вечером доложить Шарапову: вот я какой расторопный! Первым в зоне начал уборку! А он доложит то же самое, но выше!

Такого своеволия Дадыкин и Шарапов мне, конечно, не простили. В ту осень я получил на бюро три выговора. А зимой — орден Трудового Красного Знамени! Между прочим, к награде меня не кто-нибудь, а Илья Григорьевич представлял! Намолотили-то мы больше, чем те, кто начал косить непоспевший хлеб!

Что интересно, о Шарапове сейчас у нас в районе частенько вспоминают — и не без тоски.

Нынешний наш секретарь — Студнев — человек интеллигент-

Электронная библиотека АГУНБ, elib.asnb.ru

ный, большой аккуратист. Если пленум или актив назначен, скажем, на десять часов, в десять ноль-ноль, хоть часы проверяй, Студнев появляется за столом. И в райкоме при нем приятный порядок завелся. Зайдешь, секретарша глазком скосит на списочек, что у нее под стеклом, — там фамилии и имена-отчества членов райкома записаны, — и с улыбочкой: «Здравствуйте, Федор Терентьевич! Вы к Вениамину Николаевичу? Подождите минутку. Вот, пожалуйста, свежий журнальчик посмотрите».

В кабинет войдешь — Вениамин Николаевич встретит стоя, пожмет руку, вежливо осведомится, как работа, здоровье. Но если надо решить что-то, иной раз самый что ни на есть пустяковый вопросишко... Шарапов бы в таком случае, до конца не дослушав, скомандовал: «Быть по сему!». А этот соберет человек десять и ну обсуждать, вентилировать! Другой раз до того дойдет, сам забудет, с чего начался разговор и ради чего ведется.

Так что у нас иногда говорят: неплохо было бы хотя б один раз в квартал на недельку Шарапова приглашать в район...

Петю Дадыкина Студнев около себя держать не стал, но и не послал в совхоз или колхоз на рядовую работу. У нас в шестидесятом году из колхозов, которые обслуживала МТС, создали крупный совхоз. Вот он и спихнул Дадыкина нам председателем рабочего кооператива, будто в наказание за то, что мы его когда-то в селе вырастили.

Объединение целой группы колхозов в один совхоз — дело не шутейное. Не будем касаться производственной перестройки. Чисто бытовые вопросы и те новой стороной для всех нас обернулись. Колхозники получали на трудодни хлеб, сами его мололи, пекли. Маленькие общественные пекарни, если где и были, то работали только в летние месяцы. В совхозе же, как в рабочем поселке, все стали получать только зарплату. Значит, надо строить большие пекарни, столовые, магазины, организовывать продажу хлеба, молока, мяса. Тогда же, как известно, мода прошла держать скотину в личном хозяйстве...

Руководители совхоза в тот горячий период не знали, за что и ухватиться: и то срочно требуется, и другое, и третье. Кроме того, торговлей-то совхоз не может заниматься. Тут должна разворачиваться кооперация. У Пети же Дадыкина о подготовке к севу голова не болела. Перетерпят люди бытовые неудобства—хорошо. Разъедутся — ну что ж, их дело. Он век свой, как выездная лошадка, пробегал в легкой сбруе с побрякушками, и тянуть так, чтоб хомут в плечи влипал, не умел и не хотел. Пройдет утром, не глядя ни на кого, от квартиры до конторы, вечером — назад, и больше от него

Электронная библиотека АКУНБ elib.nplu.org

ничего не требуй. Директор совхоза пытался с ним разговаривать, председатель сельсовета вытаскивал с отчетом на исполком. Бесполезно! Вскинет голову, как уросливый конь: «Не командуй! У меня, памашь, без вас начальства хватает!» И все.

Были у него два молодых работника, торговые техникумы закончили. Прогнал, потому что они перечили ему, спорили. Принял каких-то с ветра — покладистых, изворотливых. Они вино стали привозить бочками, торговали им в ларьках и в столовой, по заказам кое-кому ковры доставали, мотоциклы. Петя, само собой, ни во что не вникал и не собирался вникать. Сидел днями за столом да щеки надувал от важности. План делается — что еще надо?

Я в то время исполнял обязанности секретаря партбюро совхоза. Товарища, который был на этой должности, взяли в аппарат райкома. Мне, как заместителю, и поручили доводить работу до отчетно-выборного.

Петя состоял на учете у нас. Раз я ему передал, чтоб он зашел в партбюро, второй раз передал, — не идет! Ладно, думаю, не буду бередить его амбицию, сам пойду.

Встретились у него в кабинете.

— Знаешь, — спрашиваю, — зачем я тебя приглашал?

— Как же! — дергает головой. — Это, памашь, маленький знает. На кого бог, на того и люди. Пока Дадыкин был на коне, около Дадыкина крутились. Увидели, что Дадыкин у нового начальства не в чести, решили добить.

— Ты не только в чести, даже в милости, — толкую ему. — И не вина начальства, что ты не хочешь работать. Ну вот объясни мне, почему в четвертое отделение раз в неделю хлеб возят. Там, как ты знаешь, холостяки есть, у них ни квашенки, ни чугунка...

— Брось ты, памашь, меня учить! — помахал он около моего лица пальцем. — Хлеб, квашенки... Я, памашь, стреляный воробей, знаю: все мы хороши до тех пор, пока начальство нас хорошими считает. Попадешь в замазку — можешь звезды с неба хватать; не заметят — и будут пинать тебя...

— Добро, — сказал я ему. — Меня ты не хочешь понять, может быть, бюро общими силами тебе доступнее объяснит, что должен делать председатель рабкоопа. Готовься отчитываться!

Но накануне заседания вызывает вдруг нас с директором совхоза Студнев. Встретил, как всегда, стоя, пожал руки, но без улыбчивости.

Одел очки. Смотрю, достает из стола три или четыре исписанных листка и с недовольством:

— Жалуются на вас, товарищи. Видите?

Электронная библиотека Акуб.elbalib.ru

— Кто и за что, — отвечает директор. — Иной жалобой можно, как почетной грамотой, гордиться.

— Не сказал бы! — многозначительно заметил Студнев. — В данном случае на вас, например, жалуется товарищ Дадыкин. Пишет, что вы сводите с ним личные счеты: обиделись на то, что он не отпустил кое-кому из руководителей совхоза дефицитные товары со склада, и устраиваете ему всякие проверки, распускаете о нем ложные слухи по селу.

Мы рассказали ему все, как на духу. Качает головой:

— Странно! Вы на него жалуетесь, он на вас. Что вас мир не берет? Ну, не угодил он кому-то, ну, может быть, где-то и промахнулся... Можно же по-товарищески, как руководитель с руководителем...

Говорит все это и так смотрит нам в глаза, словно в них где-то там, на дне, написана истинная правда: почему мы недовольны Дадыкиным?

Спасибо, зашел второй секретарь, Березин Виктор Петрович. Он долгое время у нас редактором газеты работал, людей знает. Прислушался, о чем речь идет, и взял нашу сторону.

— По-моему, — сказал он, — надо кончать эти богоугодные дела за счет государства, Вениамин Николаевич! Если я не ошибаюсь, только пока я редактором был, мы о Дадыкине фельетона три давали. Сколько с ним можно нянчиться? Я предлагаю подключить в помощь к той комиссии, которую организовал там Чумаченко, следователя из прокуратуры. Не верю я, чтоб за спиной этого трутня не орудовали дельцы.

— Ну, зачем так громко? — поморщился Студнев. — Следователя! Достаточно ревизора послать из потребсоюза. Поймите меня правильно: если вы считаете, что Дадыкина надо убрать из совхоза, давайте уберем. Но ведь он наверняка будет жаловаться?

— Если строго, по-партийному разобрать его вопрос, ему не на что будет жаловаться, — уверенно сказал Березин.

— Ты так считаешь? — внимательно посмотрел на него поверх очков Студнев. — Что ж, тогда подключайся к этому делу сам! Тем более, что тебе, скорей всего, придется и бюро вести. Мне сегодня звонили — путевку обещают в Трускавец...

Березин как в воду глядел. За спиной Дадыкина, действительно, кое-кто крепко грел руки.

Сидеть Пете не пришлось. За халатность ему два года условно дали. Но партийный билет он выложил. И, чтоб не глядеть в глаза землякам, уехал из села...

Электронная библиотека КУНБ elibrary.kunb.ru

...Федор Терентьевич посмотрел на часы — времени до поезда оставалось еще порядком.

— Ну так что, разольем по-братски? — спросил он, поднимая графин с остатками водки. — Чтоб горечь от этой истории осадить...

— Горечь небольшая, — отодвигая свой фужер, сказал Олег. — Не помню, в Спарте, кажется, был такой закон: рождается младенец — ему обмеряют голову. Если видят — родился дурак, его сбрасывают с обрыва в пропасть. Те же, кто передвигал с должности на должность вашего земляка, судя по всему, даже на глазок не прикидывали, достаточно ли у него для таких постов извилин.

— Ну, знаешь! — усмехнулся Федор Терентьевич. — Это, конечно, остро сказано. Но, во-первых, я такого сантиметра не видал, чтоб им можно было определять: умный перед тобой человек или дурак. Тут, наверное, многое будет зависеть от того, в чьих руках будет этот сантиметр.

Во-вторых, я считаю, Петя Дадыкин обижен не умом и способностями. Начни он свою биографию хотя вот с этой камеры хранения, кто знает, при его старательности он, может, сейчас был начальником станции или хорошим машинистом. Его беда, да и не только его, в том, что он рос вроде как корнями вверх...

Когда мы спустились за чемоданами, около окошечка камеры хранения никого не было. Дадыкин сидел за загородкой в одиночестве, облокотившись на маленький столик и прижав к вискам ладони. Заслышав наши шаги, поднял голову, нехотя встал, одернул фартук. А когда подал Федору Терентьевичу чемодан, сдавленно кашлянул, подвигал кадыком, будто старался проглотить что-то сухое, не лезущее в горло, и не мог. Не поднимая глаз, негромко спросил:

— Ты... эта... домой, памашь, или из дому?

— Домой. С самолета вот пришлось на поезд перебираться.

— Да-да, — торопливо потряс головой Дадыкин, будто подтверждал слова Федора Терентьевича. — Все там же, на старом месте? Хотя, я читал... Попадалась тут газетка... Да, ты вот что, передавай там приветы. Хрестю увидишь, мать... Только скажи — встретились на улице или там на перроне... Ладно? Ты знаешь меня, памашь, я ведь еще буду на коне! Вот увидишь!

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Виктор СЛЕПЕНЧУК

Из весенней тетради

***

Весна еще лежит под снегом
Такая тонкая, с подснежник,
Но все же слышно иногда,
Как ощутимо оживает
По капле первая вода.
Она, как маленькое сердце,
Стучит по корке изо льда,
Она хотела бы погреться,
Но холод ходит у пруда.
О, как его звон капель бесит,
На крышах, ставнях и в саду
Он их сосульками повесил
Для устрашенья на виду.
Но чем сильнее холодило,
Чем жестче капли стужа жгла,
Тем больше те в себе копили
Победоносного тепла.
И час пробил! И наступленье!
Лед тронулся! И в бурунах
Вода несла освобожденье...
А проще — к нам пришла Весна!

***

Девчонка туфельки надела,
Девчонка модная такая,
Девчонка в зеркало глядела —
Она была совсем другая.
В ней было что-то голубое,
В ней что-то розовое было,
Необъяснимое такое,
Что улыбалось и светило.
И вот девчонку встретил вечер,
Шептал девчонке тихий ветер.
И каблучки по тротуару
Звенели раннею весной.
А у часов стояла пара.
Девчонка мимо — и домой.
Девчонка плакала в подушку,
Она была одна, одна!
А в небе сыто и бездушно
Смеялась желтая луна.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

АПРЕЛЬ

Тише! Сегодня в полночь
Не запирайте дверь!
Услышите голос горна,
Увидите сам Апрель.
Он будет идти не спеша,
Он будет идти везде
И руку будет держать
В синей своей бороде.
Он будет звенеть рапирой:
— Эй, кто там весне не верит!
Он будет входить в квартиры,
Не запирайте двери.
Ах, тише, тише, тише!
Полночь, поет петух,
Стрелки слились, не дышат.
Светит волшебный круг,
И шествует дедушка в будущее,
Неся под плащом тепло,
И я перед ним, как юноша,
Которому повезло.
А утром, сощурив глаза,
Ушел в приоткрытую дверь.
Как мне о нем рассказать?
Придумал шутку Апрель!..
Но только пробьет за полночь —
Вы сами откройте дверь,
Услышите голос горна,
Увидите сам Апрель.

Электронная библиотека Акунина elib.altlib.ru

Евгений ОСОКИН

ПО МОТИВАМ АЛТАЙСКОГО ПРЕДАНИЯ

Это было так давно, что живых свидетелей тому нет даже среди птиц, хотя ворон живет сотни лет. Но люди все еще помнят о злой силе желтого камня.

Когда юный Аргымай впервые подарил Цэцэг* ленту, его отец Азям был уже немощен и мечтал хоть перед смертью взглянуть на внука. Азям теперь редко выезжал в горы. Любимым занятием его стало изготовление курута и варка араки. Овец пас Аргымай. Щедры горные пастбища, чисты ключевые воды. Гостеприимен, весел был старый Азям. Ночь — в полночь резал лучшего барана для случайного путника.

Стадо все росло. В поисках свежих пастбищ Аргымай уходил дальше и дальше в горы.

Однажды, утомленный трудным подъемом, он прилег у ручья. Катятся серебристые струи, играют камешками; коснется Аргымай губами ледяной воды и, приподнявшись на руках, слушает мелодичный звон, подставляет лицо под водяную пыль.

И вдруг взгляд его упал на цепочку округлых желтых камешков; казалось, и в воде на них играло солнце. Аргымай взял самый большой: «Подарю Цэцэг...»

И забыл о нем.

Случилось так, что желтый камень выпал из кармана при отце.

— Где ты взял это? — не по возрасту резво подскочил Азям.

— Нашел, — растерянно прошептал Аргымай. Никогда еще он не видел отца таким встревоженным.

— Почему скрыл от меня? — зло спросил Азям. — Отвечай!

— Я хотел подарить его...

---

* Цэцэг — цветок (монг.).

Электронная библиотека АКУНБ elib.altlib.ru

— Кому?!

— Цэ...

— Эй! — вдруг крикнул Азям жене. — Ты слышала? Он сошел с ума! Он хотел монголке подарить э т о! — И Азям торжествующе показал ей желтый камешек. — Теперь и вовсе не пара она тебе! — добавил он и спросил поникшего сына: — Там есть еще такие?

— Есть.

— Ты видел и не взял их?

— Нет.

— Безумец!

Азям хотел тотчас же отправиться в горы, да ноги плохо слушались его, и он сказал сыну:

— Оставь овец, иди искать такие камни.

С тех пор, повинуясь отцу, Аргымай целые дни бродил вдоль горных потоков, отыскивая желтые камешки, а отец отбирал их, обмазывал глиной, чтобы скрыть и блеск и сам цвет, а ночами, тайком, зарывал в землю... Овцы, предоставленные сами себе, разбрелись, одичали, немало их погибло от хищных зверей, от непогоды.

Азям стал беспокойным, осунулся, помрачнел; он уже не открывал дверей незнакомым людям даже днем. Все реже посещали его и старые друзья. А потом, оскорбленные или удивленные необъяснимыми переменами, — молчанием, подозрительными взглядами, скупостью столь хлебосольного прежде Азяма, — и вовсе забыли тропу к его дому...

Семья питалась лишь старым курутом, колбой да скупыми дарами горного леса. Но Азям с каждым днем все настойчивей гнал сына в горы.

Мать Аргымая лишь тихо плакала по ночам и вскоре слегла от недоедания, горя и болезней. Слабым голосом со слезами просила она мужа послать сына в долину за свежим молоком, но Азям только отмахивался:

— Успеешь! Будет молоко! Все будет!

А когда она вдруг умерла, сказал сыну:

— Похороним мать — пойдем оба в горы.

И тут впервые подумалось Аргымаю: «А не лишился ли отец разума?» Он стал присматриваться к нему. Азям же, чувствуя на себе взгляды сына, вел себя еще необъяснимей. Отправляясь спать, он впервые положил рядом с собой нож...

А наутро сказал:

— Покажи, где ты находишь желтые камни.

— Далеко. Не дойдешь, — пожалел отца Аргымай.

«Скрывает!» — с ненавистью подумал Азям, но повторил настойчиво:

— Разве мой сын не поможет мне?

Электронная библиотека АКНВ elib.altlib.ru

— Помогу, отец!

Отправились они в горы. На крутых подъемах Аргымай на себе тащил отца, на опасных тропах поддерживал его за руку. С белых шапок гор, питающих звонкие ручьи, тянуло холодом, Азям дрожал, но упрямо шел вперед.

Вот и ручей с желтыми камнями. С глухим всплеском падает с круч, из расселин серебряная вода, широко растекается по ложбине, усеянной каменным разноцветьем и снова сжимается, кипит в скалах...

— Камни — там! — крикнул Азям, простирая руки к снеговым шапкам скал, и полез вверх. Аргымай еле поспевал за ним.

— Близко уже, близко! — обрадованно воскликнул Азям, и опять перехватил тревожный и сумрачный взгляд сына. «Да он хочет убить меня, он понял тайну желтых камней!»

Азям жмется к скале, озирается. Аргымай стоит ниже, склонив голову: о чем-то размышляет. У ног Азяма грудой лежат валуны. Он трогает ногой один, другой... и сталкивает их.

Грохот обвала лишь на мгновенье перекрыл быстро замерший где-то далеко внизу вопль Аргымая, но и он не достиг ушей Азяма; со стоном упал он на камни и пополз все выше, выше, волоча негнущиеся ноги...

И поныне люди останавливаются у могилы Аргымая. Но никто на Алтае не знает, где лежат останки Азяма.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Василий Шукшин.
Фото автора.

В. ЯВИНСКИЙ

ПИСАТЕЛЬ, АКТЕР, РЕЖИССЕР

Жизнь — это, брат, тоже
школа, только лучше.
В. Шукшин.

«Режиссер похаживал по нагорной улице, избранной под съемочную площадку, пощелкивал кедровые орешки и поплевывал. Он был одет в галифе и в ватник, кепку спустил козырьком на брови. Лицо у режиссера было широкое, с челюстями-лемехами, с лощиной посреди подбородка...

Режиссер своим лицом, фигурой и одеждой был похож на жителей Горно-Алтайска, уже собиравшихся посмотреть, как снимают кино. На режиссера он не был похож...».

В своей повести «Снег в октябре» Глеб Горышин не называет ни имени, ни фамилии режиссера. Но описание так точно, что сомнения и быть не может: это Василий Макарович Шукшин с его скуластым, шершавым мужичьим лицом и талантом, который «в глазу виден».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Шукшин изображен в повести на съемках фильма «Живет такой парень». А мне довелось увидеть его в том же Горно-Алтайске во время работы над другой картиной — «Ваш сын и брат». И я, так же, как Горышин, был поражен непохожестью Шукшина на стандартного «киношника», навязшего в глазах по многочисленным картинам, обязательно в кожаной куртке, черных очках и синем берете.

...Над куражливой Катунью полощут на ветру темные кружева берез. Тот, дальний и гористый, берег залит солнцем, а здесь, под кряжистыми стволами, тенисто и прохладно, потому что совсем не видно неба. Пегий теленок улегся под широкий кузов машины, на борту которой крупно выведено: «Звукозапись». Выглянул из листвы операторский кран, замер на солнце, словно прикидывая, выше подняться или так и застыть...

Вышел откуда-то на берег человек в старенькой соломенной шляпе, простеньких серых штанах и выпущенной на них белой рубахе, не застегнутой ни на одну пуговицу. Посмотрел на Катунь, сощурился, докурил папиросу. Снял ботинки, пошевелил босыми ступнями, подбоченился, как будто приготовился к физзарядке.

Я вспомнил разговор с директором фильма:

— Он ведь на съемочной площадке как будто на покосе или в огороде... Скажи кому со стороны, что это известный писатель, актер и режиссер, — не поверят...

— Скучаю по Алтаю, — глуховатым голосом признался Шукшин, немигающе глядя на блестящую под солнцем Катунь. — Как весна, тянет сюда... Картина новая про это же — про любовь к деревне, про тоску по ней.

«Есть на Алтае тракт — Чуйский. Красивая стремительная дорога...

И еще есть река на Алтае — Катунь. Злая, белая от злости, прыгает по камням, бьет в их холодную грудь крутой яростной волной, ревет — рвется из гор. А то вдруг присмиреет в долине — тихо, слышно, как утка в затоне плывет, за островом. Отдыхает река. Чистая, светлая, каждую песчинку на дне видно, каждый камешек...

И вот несутся они в горах рядом — река и тракт. И когда глядишь на них, думается почему-то, что это брат и сестра, или что это влюбленные, или что это, наоборот, ненавидящие друг друга Он и Она, но за какие-то грехи тяжкие заколдованы злой силой быть вечно вместе... Хочется почему-то очеловечить и дорогу и реку. Местные поэты так и делают...».

Не зная автора этих строк, можно смело утверждать: так мог написать человек, не просто влюбленный в Алтай, а хорошо изведавший его, уходящий корнями в эту богатую и красивую землю, что называется свой человек, «нашенский».

Такой он и есть, Василий Макарович Шукшин.

С малых лет заявил Василий о своем характере: его никогда не звали иначе — ни Васей, ни тем более Васяткой. Ровесникам это было не по душе, и они, сговорившись, не раз лупцевали его. Василий ловил и бил их поодиночке. И переупрямил, настоял на своем.

Рассказывают, что пацаном он все лето шагал за конями, глотал пыль пашни. И не было лучшего отдыха для него, чем песни матери — про Сибирь, про волю, про страдальцев за нее. Поэтому и детские стихи у Василия стали складываться буйными и неласковыми. Рано стал самостоятельным. Окончив семилетку, испытал самую разную работу: слесарь-такелажник, ученик маляра, грузчик. И постоянно пристально вглядывался в людей, отмечал что-то своими яркими зелеными глазами, зажимал морщинками крутой лоб. Служил на флоте — жадно впитывал все новое, что слышал и видел, и записывал на тетрадном листке. Записывал — и прятал написанное от нескромных глаз. После демобилизации экстерном закончил десятилетку. Работал учителем вечерней школы сельской молодежи, исполняя одно-

Электронная библиотека АлтГУ ElibAltSU.ru

временно обязанности директора этой школы. Неожиданно для всех уехал в Москву и поступил в институт кинематографии...

Михаил Ромм, у которого Шукшин стал учиться мастерству режиссера, сомневался: может, на сценарный факультет надо было идти парню? Пишет и здорово, как говорится, кондово. А, может, на актерский? В драматических отрывках никогда не фальшивит, находит правильную интонацию независимо от того, кто его герой. Особенно хорошо получались роли, что вызывали воспоминание о доме, о родных местах, о земляках...

И, наверное, поэтому педагог предложил своему ученику Марлену Хуциеву взять Василия Шукшина на главную роль в фильме «Два Федора». Попробовали. И после долгой и напряженной работы на экране появился солдат с нелегкой судьбой, трудной жизнью и большим сердцем. Настоящий солдат — не штампованный герой, не бодрячок, не рубаха-парень, у которого чуб дугою и грудь колесом. Зрители увидели и полюбили такого же, как они сами, человека. Кинокритика справедливо отмечала, что Шукшин создал настоящий русский характер. Во всяком случае, один из его вариантов, близкий к тому, что был описан Алексеем Толстым в рассказе «Русский характер».

После «Двух Федоров» его начали снимать охотно и часто. В афишах так и писали: «Артист Василий Шукшин». Он снялся в ролях незадачливого ухажера в фильме «Простая история», механизатора в «Аленке», учителя — «Мишка, Серега и я»... И в то же время успешно заканчивал учебу у Михаила Ромма, а тот, отмечая режиссерские заслуги ученика, одновременно желал ему на страницах журнала «Молодая гвардия» счастливого пути как талантливому рассказчику.

Так и пошло с тех пор: замелькало имя Василия Шукшина на афишах кинотеатров и на страницах журналов и газет, и стали говорить: в кинематограф и литературу пришел новый яркий талант.

И вот появился фильм режиссера Шукшина, фильм, который взволновал не только его земляков, а всех землян, увидевших картину с незатейливым названием «Живет такой парень». Получив высшую кинематографическую награду — приз «Золотой лев», картина с успехом пошла по экранам мира.

Обо всем этом и думалось мне на съемочной площадке, где делался второй фильм Шукшина. В этой работе интересовало буквально все, но разговор постоянно возвращался к предыдущей картине, к Пашке Колокольникову, шоферу Чуйского тракта. Много о нем писалось, много говорилось. А что, интересно, автор отмечает в нем самое главное, самое существенное?

— Доброту, — не задумываясь, отвечает Шукшин. — Она для людей — важнее важного.

И вдруг начинает говорить о Федоре, первом своем кинематографическом герое. Дорогая для Шукшина мысль довольно явственно воплотилась в образе солдата, вернувшегося с фронта и усыновившего мальчика-сироту. Не сентиментальность, не сюсюканье, а настоящая доброта переполняет Федора-старшего, и выражается она не в словах, а в поступках, в желании помочь, защитить слабого. Солдат прошел войну, он видел то, что могло бы, казалось, очерствить его сердце. Но нет! Он приобрел на фронте суровость, сдержанность в проявлении чувств, но чувства его лишь обострились и углубились.

Похожую ситуацию Шукшин сыграл в фильме «Мы, двое мужчин». Но повторения не было. Шукшин здесь рассказал о другом — как глубоко запрятанная доброта вдруг проснулась в человеке, как он понял, что обкрадывал себя, что жил впустую, никому не отдавая тепла души и сердца. Он понял: нельзя жить только для себя, как нельзя ограничиваться красивыми словами о любви к людям, родине, обществу нашему, так сказать, «вообще».

И вот Пашка Колокольников. Неважно, что он несколько стихийного образа

Электронная библиотека АКУНБ elib.alib.ru

жизни человек. Важнее, что у него чистое человеческое сердце, способное к добру...

Шукшин почти слово в слово повторяет то, что он сказал в послесловии к сценарию:

— Если мы в чем-нибудь сильны и по-настоящему умны, так это в добром поступке...

И я как бы заново открываю для себя Пашку Колокольникова. Да, он, не продумывая заранее, наперед свои поступки, поступает всегда и во всем одинаково: все, что он имеет, знает и начинает приобретать, он готов отдать людям. Даже шутки он выкидывает от доброго сердца, потому что знает, убежден: смех людям необходим. И тем дороже эта неподдельная веселость, что работа его трудна и опасна. По мнению Шукшина, Чуйский тракт диктует людям суровые законы. Их немного, но они неумолимы: «Помоги товарищу в беде, ибо с тобой может случиться то же самое», «Не ловчи за счет другого», «Не трепись — делай», «Помяни добрым словом хорошего человека». Только в той степени, в какой человёк отвечает этим требованиям, считает Шукшин, он — свой на тракте или чужой. Но вместе с этим сценарист и режиссер незаметно подводит к мысли, что герой фильма вообще в жизни свой. «Мы изо всех сил старались, — писал он в одной из статей по поводу фильма, — чтобы человек по имени Пашка Колокольников был живой, а не «киношный», чтобы зритель, уходя из кинозала, уносил радость от общения с живым человеком...»

Пока мы стоим над Катунью, вокруг Шукшина собирается разный люд. Гудят машины, поблескивают на солнце громадные квадраты подсветок, несмотря на жгучее солнце, загораются прожектора. И трудно определить, кто здесь оператор, звуковик, пиротехник, актер...

Вот вышел на берег старик. Сутулый, в синей простой рубахе, подпоясанный солдатским ремнем, на ногах тяжелые испачканные глиной сапоги. Стал незаметно в сторонку, покуривает. Никогда я не видел этого старика и все-таки видел, Но где? И вдруг соображаю: да это же Всеволод Санаев!

— Точно, — подтверждает Шукшин. — Играет главную роль, старика Воеводина...

Среди людей на съемочной площадке Шукшин находит и знакомит меня с Алексеем Ваниным и Виктором Шаховым. Артисты играют братьев Воеводиных — Игнаху и Ваську. Впрочем, слово — «играют» тут не подойдет. Живут. Кидаются в кипящую Катунь, растирают могучие тела, хохочут друг над другом...

— Все строгаешь? — спрашивает Игнаха, испытующе глядя на младшего брата.

— А чё? Строгаю...

Игнахе непонятна гордость Василия. Раздражаясь, начинает ругать деревенскую жизнь. То ли дело его судьба — работает в городе, культуру тела в цирке демонстрирует... Молчит брат. И только старик-отец, сидя рядом на камешке, ерзает, кряхтит да изредка советует младшему: «Дай ты ему в ухо... Чего он расхвастался?..»

На съемочной площадке продолжается обычная жизнь: кинокамеру устанавливают на тележку, пробуют катать ее по рельсам, выравнивают грунт, оператор, седоголовый пожилой человек, советуется с ассистентом, девушкой в пестром сарафане... И актеры, которые репетируют рядом, в двух шагах, ничем не отличаются от коллектива киностудии: тоже заняты своим делом,, репетируют. И женщины, расположившиеся с бельем на берегу реки, и голый мальчишка, который то забежит в Катунь, то с веселым хохотом выскочит на берег, — все это много раз видено и знакомо. Только тогда, когда Шукшин приподнимает над головой видавшую виды соломенную шляпу и командует: «Приготовились! Съемка!» — понимаешь, что это так и должно быть у Шукшина, так и задумано. Парни, выходящие из воды, и старик, шагающий к ним по берегу, и женщины, полощущие белье, и маль-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

чишка, радующийся своей смелости, — все это органически входит в кадр, создавая ту обыденность и естественность жизни, которая уже сама по себе — искусство.

Позже, бывая на многих сеансах фильма «Ваш сын и брат», я с особым удовольствием смотрел этот эпизод. Смотрел и слышал, как живет рядом зрительный зал, радуясь, что видишь сколок жизни, забывая, что все это поставлено, разыграно и снято на целлулоидную пленку. Да, как тут лишний раз не убедиться, что искусству нужна именно подлинность жизни — ее плоть, дух, форма...

Мы много говорили с Шукшиным. О селе Сростки, где живут его мать, брат-шофер и сестра-учительница. О сибирских песнях, без которых режиссер не мыслит своих фильмов. О планах Шукшина, о том, какой путь, в конце концов, выберет он: писателя, актера, режиссера... И удивительное дело: чем больше знакомился я с Шукшиным, тем яснее становилось, что он не просто объединяет в себе качества людей трех разных профессий, причем объединяет очень счастливо. Он просто необычайно талантлив — и этим все сказано. «Это у него от бога», — говорили бы о Шукшине раньше, скажем, пятьдесят лет назад. Талант помог Шукшину, как уже говорилось, испробовать множество профессий. Он мог бы, ко всему прочему, выучиться ремеслу шофера и стать первым водителем Чуйского тракта, потому что здесь талант шоферу особенно нужен. «Но у него хватило фантазии и упрямства, — справедливо замечает Глеб Горышин, — чтобы выучиться языку искусства. А теперь он будет искусство учить языку своей жизни».

Чему же может учить Шукшин искусство?

С год назад газета «Правда»» опубликовала статью «Трудная любовь», долгожданный и злободневный материал о деревенской прозе, о писателях-«деревенщиках», их боли, радости, ответственности за все, что делается на нашей земле. «Сегодня, как никогда, — писала газета, — важно восстановить чувство любви и уважения к труду земледельца, поэзию земли». Это с успехом делают такие литераторы, как Елизар Мальцев, Сергей Антонов, Ефим Дорош, Владимир Солоухин и другие авторы книг о деревне. Литература последних лет, утверждает «Правда», пополняется новыми талантами, знающими труд, и, в частности, труд земледельца, не понаслышке. И здесь, в этом месте, газета в числе других значительных молодых литераторов называет Василия Шукшина.

Писатель-«деревенщик». Этим званием наш земляк может по праву гордиться. Ведь совсем недавно в прессе раздавались «окрики», адресованные Шукшину: «Куда он зовет? В деревню?! Он ненавидит город! Да разве так можно...». Но интереснее всего, что сам Шукшин давным-давно ответил на эти нападки, заявив, что никакой «глухой злобы» к городу он в себе не находит. И «если есть что-то похожее на неприязнь к городу — ревность: он сманивает из деревни молодежь. Здесь начинаются боль и тревога...». И Шукшин, разумеется, понимает, что отток населения из деревни — процесс неизбежный, но он никогда не согласится с тем, что процесс этот безболезненный, лишенный драматизма. «И разве все равно искусству, — спрашивает Шукшин, — куда пошагал человек? Да еще таким массовым образом...».

Так писал он в статье «Вопросы самому себе», опубликованной в журнале «Сельская молодежь», а еще раньше, силой искусства, показал нам современную деревню, ее людей, их хорошие, волнующие, надежные души. Раньше — это тогда, когда в «Новом мире» мы прочитали цикл рассказов «Они с Катуни». Многие из них потом вошли в сценарии фильмов «Живет такой парень» и «Ваш сын и брат», и зрители до сих пор уносят из кинозалов радость от общения с живыми людьми деревни.

Здесь же мне бы хотелось напомнить о рассказе, стоящем несколько обособленно в упомянутом цикле. Это небольшая, но трогательная история двух стариков, оставшихся одних в опустевшем родном доме. На полутора журнальных страницах Шукшин открывает нам такие глубины их душ, что диву даешься мастерству писа-

Электронный архив библиотеки АКГ им. Кирова lib.ru

теля. Оказывается, Антип — не просто шорник, а талантливый музыкант, самородок. Его искусство игры на балалайке способно растопить душу даже его суровой и жадной жены. Вся жизнь прошла у них в бескровной вражде друг с другом, и только в короткие минуты, когда Антип брал в руки балалайку, Марфа забывала о деньгах. Погоня за наживой, вечная забота о рубле и поэтичность натуры, душевная щедрость — эти качества вечных крестьян Антипа и Марфы даны на изломе, во всей своей обнаженности. Без лишних слов Шукшин всем ходом рассказа приводит героев рассказа «Одни» и читателей к мысли, что побеждает в жизни стремление быть лучше, добрее, красивее. Прекрасное делает человека счастливым, с ним не страшны одиночество и старость.

А вот рассказ «Дождь на заре». И снова яркий, запоминающийся образ крестьянина Ефима Бедарева. Рассказ трагичен, потому что повествует о смерти пожилого колхозника, труженика, решительного и честного человека. Но рассказ в то же время и оптимистичен, потому что он разоблачает, уничтожает Кирьку, врага и соперника Ефима Бедарева, который никак не может дождаться его смерти. Умер Ефим, а радости у Кирьки почему-то нет. И не сразу понимает он, что Бедарев даже смертью своей утверждает правое дело, счастье, жизнь...

Щедрый, своеобразный дар Шукшина находить в обыденной простоте трудовой крестьянской жизни золотые россыпи душ обнаружился и в первом романе молодого писателя — «Любавины». Сам крестьянин по корню своему, Шукшин попытался рассказать о жизни советского крестьянства в начале двадцатых годов, за 6—7 лет до своего рождения. Любавины — крепкая сибирская семья, которая силою напластования частнособственнических инстинктов была вовлечена в прямую и открытую борьбу с новым. И она погибла. Вся семья Любавиных. А иначе и не могло быть, потому что за пролетарским посланцем Кузьмой Родионовым, который победил Любавиных, стоял новый класс, класс думающий, взваливший на свои плечи заботу о судьбе страны.

Много примечательных образов в романе, но думается, что самый жизненный из них — деревенская красавица Марья. Ее молодая, целомудренная внешняя красота — счастливое отражение красоты душевной. Это и манит к ней разных, не похожих друг на друга людей. Вот почему при ее понятной пассивности и известной покорности обстоятельствам, при ее несмелых попытках высказать мужу свое печальное удивление перед мрачным бездушием Любавиных, она становится по-своему причастной к борьбе за новую жизнь.

Кто из героев Василия Шукшина, деревенских жителей, с близкими и дорогими для писателя «отметинками», особенно по душе ему самому? Ответить на этот вопрос нелегко, потому что Шукшин постоянно в пути, в поиске, в работе. Он знает земледельца, он прославляет его нелегкий труд, внутреннюю красоту, благородство души, глубину чувств, он убежден, что настоящий деревенский житель постоянно носит в сердце преданную любовь к земле.

И, думается, что ярче всего важен для понимания мироощущения Шукшина образ Степана, перешедший из рассказа «Степка» в фильм «Ваш сын и брат».

Степан совершил проступок и попал в заключение. Не дождавшись окончания срока, он совершает побег — поступок дикий как с точки зрения закона, так и с точки зрения простой логики: за побег полагается новое наказание, а ведь Степану нужно было потерпеть всего несколько недель, чтобы вернуться в деревню свободным человеком. Объяснения Степана звучат, на первый взгляд, наивно и нелепо: он совершил побег, потому что ему захотелось взглянуть на родную деревню: «Понимаешь, меня сны замучили. Каждую ночь деревня, зараза, снится...». Но в Степане отлично видится то напряженное нетерпеливое состояние души, которое толкнуло его на побег, и досада на себя за этот побег, и тоска по деревне, и — несмотря ни на что — радость, что он все-таки повидался с любимой деревней, и, как вто-

Электронная библиотека КубГУ elibrary.ru

рое дыхание, вдруг пришедшее к нему спокойствие, по которому мы можем судить: в следующий раз Степан вернется домой уже свободным человеком и не покинет своей деревни никогда.

Боль и тревога начинается у Шукшина, когда он пишет о некоторых внушающих опасения явлениях в современном селе: «Больно, когда на деревню вечерами наваливается нехорошая тишина: ни гармонь «никого не ищет», ни песен не слышно... Петухи орут, но и то как-то не так, как-то «индивидуально». Не горят за рекой костры рыбаков, не бухают на заре торопливые выстрелы на островах и озерах. Разъехались стрелки и певуньи. Тревожно. Уехали... Куда? Если в городе появится еще одна хамоватая продавщица (научиться этому — раз плюнуть), то кто же тут приобрел? Город? Нет. Деревня потеряла. Потеряла работницу, невесту, мать, хранительницу национальных обрядов, вышивальщицу, хлопотунью на свадьбах. Если крестьянский парень, подучившись в городе, очертил вокруг себя круг, сделался довольный и стыдится деревенских родичей, — это явная человеческая потеря...»

Так писал Шукшин в статье «Вопросы самому себе» (журнал «Сельская молодежь», № 11, 1966 г.), а в повести «Там, вдали», опубликованной в «Молодой гвардии» (№ 11—12, 1966 г.), он выразительно рассказал об одной из таких человеческих потерь.

Симпатию вызывает Петр Ивлев, работящий, упрямый, цельный. И любовь приходит к нему точь-в-точь по его характеру. Встретил Ольгу — и как пристал, не отступил ни на шаг. Сельский парень покорил городскую девушку. Только не на счастье, а на горе. В дурной компании оказалась Ольга, в тюрьму попала, а вышла— плюнула на Петра, с другим связала свою жизнь. А Петр мечется между городом и деревней, ни городской житель, ни сельский. И любви нет, и работы, и крыши над головой. И хоть желают на прощанье Ольга и Петр друг другу счастья, а никто не верит в него. Впрочем, Петр верит. Потому что лежит за горизонтом даль — незнакомая, необъятная, и Петра тянет туда, и он думает о том, как будет теперь ТАМ, ВДАЛИ...

Да, с болью и радостью, ответственностью сердца за все, что делается на нашей земле, пишет Василий Макарович Шукшин о труженике-крестьянине. И это не мода, это не спекуляция на так называемых «народных истоках». Это подлинное народолюбие.

Есть у Шукшина небольшой рассказ «Критики». Он напечатан в журнале «Искусство кино», и говорится в нем о двух «великих спорщиках» и непримиримых критиках глупых и лживых фильмов. Это взрослый и ребенок. Дед и внук. Но стоит за ними сам Шукшин. Его интонации слышим мы в репликах деда: «Хреновина. Так не бывает... Ты вот смотришь и думаешь, что он (актер — В. Я.) — правда плотник, а я, когда глянул, сразу вижу: никакой он не плотник. Он даже топор правильно держать не умеет... Тебя им надуть — пара пустяков, а меня не надуют».

Стремление к «похожести», иными словами, к жизненной правде, пронизывает все творчество писателя, режиссера и актера Шукшина.

Легко различим его писательский стиль: очень ясные и очень простые фразы, пружинистый диалог — такой узнаваемый и достоверный, что кажется: только сейчас слышал все это в автобусе, на улице, у соседей.

Таков и режиссерский почерк Шукшина. Даже в самых комедийных эпизодах фильма он спокоен, немногословен, обстоятелен. Но за каждым поступком героев, самым обыденным, за каждым словом, самым мимолетным, такая огромная сила — не покачнешь!

И играет он в кино так, что не хочется употреблять этого слова — играет. Лучше сказать: живет. Он как бы сверяет то, что фиксирует кинопленка, с близкими ему людьми, с их сегодняшними думами, заботами, радостями и тревогами.

Писать о людях, знакомых ему с детства, снимать в тех местах, где все близко и дорого, играть, как бывает в жизни, — это стало законом творчества Шукшина.

В одном из журналов «Искусство кино» говорилось, что в режиссуре — главное и определяющее призвание Шукшина. «Кажется, — написано здесь,—что вся предыдущая жизнь художника в искусстве — как актера и как писателя — была своего рода «подготовительным периодом». И хотя Шукшин продолжает сниматься в кино и по-прежнему пишет, мы склонны думать, что режиссура станет его основной творческой профессией».

Время покажет, прав ли автор этой статьи. Только думается, что Василий Макарович будет продолжать работу и как актер, и как писатель, и как режиссер. Ему удается и то, и другое, и третье. Последний Московский кинофестиваль, присудив главную премию фильму «Журналист», высоко оценил работу актера Шукшина, снявшегося в небольшой, но броской роли неудачника-журналиста. Центральная пресса почти ежемесячно печатает все новые и новые рассказы писателя Шукшина. С интересом встречены фрагменты сценария о Степане Разине, под которым стоит знакомая нам фамилия...

Не могу не высказать своего восхищения по поводу одного из эпизодов сценария. Всем нам памятна строчка из песни о Степане Разине: «Мощным взмахом поднимает он красавицу-княжну...» Казалось бы, так и должен был написать Шукшин. Но не подарком матери-Волге становится персиянка, а ненужной, вызывающей никчемные распри, мешающей атаману вещью. Не бросает Стенька княжну, а буквально смахивает ее в воду. И ужас охватывает читателя от этой сцены. Нетрудно представить, как будет поставлен и сыгран этот эпизод, тем более, что главную роль в своем фильме Шукшин собирается сыграть сам!

В общем, как справедливо пошутила «Литературная газета»:

Он, бесспорно,
себя прославит,
если в сторону не свернет.
Что напишет, то и поставит,
что посеет — то и пожнет.

Как не порадоваться за такой большой разносторонний талант нашего земляка, как не пожелать ему новых успехов в поразительно многогранном творчестве!..

Многие поэты, писатели, живописцы, актеры мечтают настолько сжиться с Алтаем, чтобы заговорить на его языке, стать здесь своим. Не у всех это выходит. А вот у Шукшина вышло. Он подлинный художник нашей земли, нашего народа. Он — гордость Алтая.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.aiu.ru

Г. БРЕЙГИН

ЗЕМНОЕ ТЯГОТЕНИЕ

ОЧЕРК

Памятник этот поставлен в том месте, где проселок, сбежав с холма, становится деревенской улицей. По ней в сорок первом мужчины уходили на войну, по ней возвращались в Новообинку и у родных крылечек отряхивали с солдатских сапог дорожную пыль Европы.

Прямая и суровая поднимается на пригорке каменная стела. Чуть поодаль — строгая плоскость стены. В твердь бетона навечно врезаны чугунные плиты и на них — имена. Памятник этот — тем, кто не вернулся.

Федорищеву Евгению Федоровичу,
Федорищеву Якову Федоровичу,
Федорищеву Петру Федоровичу,
Федорищеву Степану Федоровичу.

Трем братьям Переверзевым — Ивану, Василию и Михаилу. И еще многим и многим...

Триста шестьдесят девять имен. Триста шестьдесят девять солдатских жизней унесла война из Новообинки, села в глубине России, за четыре тысячи верст от фронта.

В день пятидесятилетия нашей революции у только что открытого памятника собралось все село. Потом сюда станут приходить и в праздники, и в обычные дни, повинуясь светлой и пронзительной боли сердца. Будет здесь святое место — такими словами сказал о нем председатель колхоза Евгений Клименко.

Это сказано было утром, когда председатель повел меня по селу на предмет общего знакомства. Который уж день шли затяжные дожди, на полях перестаивал и без того небогатый хлеб, и председатель был подавлен, хмурился, поглядывая на низкое, сочащееся сыростью небо. А эти слова про святое место произнес твердо и строго, с ноткой торжественности, которая по началу вызвала смутное чувство неловкости от того, что высокие слова прозвучали не привычно, не с трибу-

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

ны, а один на один, на размокшей дороге, под дождем. И еще потому, что сказаны были человеком, чьей фамилии нет среди коренных новообинских. Человеком пришлым и ни с одним из этих, перечисленных поименно, не состоящим ни в свойстве, ни в родстве.

Родом Клименко из благодатных южных краев, где и земля тепла и щедра не в пример здешней, и люди помягче. Там отец его в тридцатые годы строил колхозы, мечтал увидеть детей счастливыми продолжателями добытой в тяжких трудах жизни. Повзрослевший сын уехал на Алтай.

Агроном, потом управляющий совхозным отделением, секретарь райкома комсомола — это из его послужного списка. Ехать в Новообинку, в слабый колхоз никто Евгения не понуждал ни строгим протоколом, ни категорическим припечатыванием начальственной ладони. В этом деле он сам себе был советчиком и судьей.

Новообинские мужики за нового председателя проголосовали дружно. Готовность эта шла не столько от особого к нему доверия, сколько от безразличия: живи, мол, чужой человек, коль пришла охота. Не ты первый, не ты последний. Стоял тогда на дворе март шестьдесят четвертого года...

Сейчас молодой зоотехник Иван Николенко — его Клименко недавно сосватал в колхоз селекционером, — отвечая на мой вопрос о председателе, определяет его словом «душевный».

Это может означать «добрый», может означать «мягкий». Евгений и в самом деле добрый, в самом деле мягкий. И еще скромный. Выстаивает вместе со всеми очередь в колхозной столовой. Занимает с семьей половину небольшого двухквартирного домика. Вечером по случаю гостя побежал за бутылкой вина и вернулся минут через сорок с виноватой улыбкой: «Не достал... Все закрыто». Поминаю я все это не к тому, чтобы умилиться, а просто отмечаю факт: вот такой он, председатель.

Внешние проявления клименковской сущности настолько бросаются в глаза, что человек, мало с ним знакомый, легко может поддаться обманчивой легкости оценки. Председатель видом юн, голосом тих. Приказания у него звучат, как просьбы. Новообинцы вспоминают, что это его свойство поначалу даже в некотором роде ошарашивало. Ворвется, бывало, в кабинет раскаленный докрасна парень и прямо с порога — в крик. Шумит, а сам косит глазом на председателя: стучи, мол, на меня кулаком, пугай разными словами. Я тогда на тебя заимею обиду и легче будет свое требовать. А председатель кулаком не стучит, насчет разных слов тоже воздерживается. Выслушает молча и тихим голосом скажет свое решение. И так всегда поворачивается дело, что шуметь больше не о чем.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Может быть, Клименко хитрит, приноравливается? Может, у него просто тактика такая? Да, в какой-то мере это похоже на тактику. Евгений отлично понимает, что окриком сейчас ничего не добьешься и что металлическим голосом пристало говорить только репродуктору на столбе. Это похоже и на рационализм, но опять-таки лишь похоже. Суть же в том, что Клименко вовсе не нужно приспосабливаться к времени, приноравливаться к нему. То, что, со стороны глядя, можно принять за тактику, есть для Евгения само собой разумеющееся, его сущность, свойственное ему отношение к людям, к делу.

Страничка из блокнота

Первая председательская затея — колхозный кирпичный завод. Ежегодно в селе перестраивается до двух десятков домов. Выстроена колхозная столовая, обеспечиваются жильем специалисты. На очереди водопровод. Артезианские скважины, которые будут его питать, уже пробурены.

В книжном шкафу председателя — стопка архитектурных проспектов: надо закладывать школу-десятилетку.

Нынешней осенью «Родину» подключили к государственной электролинии.

За три года колхоз истратил на строительство 400 тысяч рублей.

Иван Николенко, поминая душевность председателя, вовсе не имел в виду его обходительность. Мало ли на свете милых и обходительных чинуш!.. Не об одних только движениях души говорил Иван, а о вещах вполне земных: и о водопроводе, и о столовой, о том, что колхоз сразу дал ему, Ивану Николенко, квартиру, где он уже сыграл свадьбу. И о том, как председатель привез из Барнаула молодого скульптора Прокопия Щетинина, чтобы память о погибших заговорила с живыми языком красоты...

Уже несколько лет прошло с того дня, как двадцатисемилетний секретарь райкома стал председателем колхоза. Трудных и сложных лет. Степень этой сложности станет понятной, когда мы уясним, какие силы сошлись тогда в колхозе «Родина».

Если применить к новообинским колхозникам забытое сейчас деление на бедняков, середняков и зажиточных, то их нужно будет отнести к последней категории. Даже по сибирской мерке, которую ни в какие времена нельзя было сравнить, скажем, с рязанской или влади-

Электронная библиотека АлтГУ, elibrary.asu.ru

мирской, новообинцы живут сейчас лучше, чем любой зажиточный единоличник первых лет коллективизации. В каждом дворе, за редким исключением, корова с телкой, пяток овец, кабанчик, птица водоплавающая и сухопутная. В огородах с избытком картошка и разный овощ. Над любой крышей — антенна радиоприемника, горницы уставлены современной мебелью. Привези в село сотню мотоциклов — раскупят в один день.

Вот эти видимые невооруженным глазом приметы материального благосостояния как-то не вяжутся с недавним прошлым колхоза: многолетней худой славой, бывшим пустым трудоднем и тощей до последнего времени колхозной кассой.

Любопытный разговор насчет этого несоответствия состоялся у нас с бригадиром первой бригады Иваном Максимовичем Глотовым.

— Народ у нас приспособленный, — рассуждал Иван Максимович. — Соберет, к примеру, хозяин с личного огорода центнеров семнадцать луку — и на базар. Деньга, да не малая! Что ему после этого в колхозе? Не работник, а видимость. Конечно, судить — отчего да почему — можно по-разному, но фактически так у нас было.

Из всего, что получил Клименко в наследство, самым тяжелым была не запущенная земля, не расстроенное хозяйство, а вот это самое, глубоко засевшее в деревенских умах убеждение, что ежели не заколотишь деньгу на стороне, то больше ей взяться неоткуда.

Ломать это убеждение поначалу можно было одним единственным способом: перешибать луковый рубль колхозным, поднимать хозяйство.

Тихий и мягкий председатель в деле оказался твердым и решительным. К земле подступил с азартом мастера, которому видно, что и как надо делать. С разных постов убрал пьяниц. Ох уж эти пьяницы! С каким смаком, как борзо описываются порой баталии с ними... Прочитаешь, и может показаться, что все зло в чьем-то малиновом носе. Да не так-то оно все просто...

Прошло лето и подоспела первая для нового председателя уборка. Тут и случилось происшествие, которое вошло в историю Новообинки под названием «хлебного бунта».

До Клименко в колхозе из года в год велось так: чуть только свезут на бригадные тока хлеб первых намолотов, сейчас вся работа в поле становится. Заглушив комбайны, съезжаются на ток механизаторы, дружно очищают зерно до самых высоких кондиций и принимаются делить на трудодни. Поделят, развезут по дворам, потом только идут работать дальше, на колхоз. На эту дележку уходил целый день в самую горячую пору, когда еще хлеб на корню, когда за каждым бугром подстерегают дожди.

Клименко предложил такую практику поломать. Правление согласи-

Электронная библиотека АКУНБ elib.atuh.ru

лось и постановило: весь хлеб свозить на центральный склад, выдавать на трудодни, как полагается, когда в поле не останется ни колоса.

Хлеба поспевали дружно, дело шло к урожаю. Ну где ж ты, удача? Подсоби разок... Пускай потом будут и суховеи, и дожди некстати, а сейчас председателю нужно просто везение: первая жатва!

И вдруг утром докладывают: «Третья бригада работу бросила. Зерно не везут, требуют дележки».

Евгений помчался в бригаду. На току полно людей. Сидят, курят, глядят угрюмо. Клименко к ним дипломатично: «Как дела, хорош ли намолот?»

Ломая председательскую дипломатию, голоса:

— Не мудри, председатель!

— Дай хлеб на трудодни. За полдня поле не перестоит!

Сколько ни убеждал, стоят на своем: «Покуда хлеб не получим, не станем работать». Клименко понял: не верят. Не понимают. Не хотят понимать... И ведь не лодыри собрались тут, не запечные дармоеды, а пахари, знающие цену работе. В чем же разошелся с ними он, председатель?

Быть может, уступить, и ничего страшного не произойдет? Потерянный день, поднатужась, наверстают... Но где-то на самом краю сознания тревожно стучала мысль о том, что отступление обернется необратимым отчуждением. Новообинка оставит ему заботы о машинах да семенах, а к большому не подпустит.

Евгений повернулся, пошел к машине. Идет, а спине холодно. Уже с подножки, следя, чтобы не дрогнул голос, бросил:

— Через два часа не повезете зерно на склад — можете расходиться по домам. Людей пришлю из второй бригады. Все!

Первые машины с зерном пошли через час...

Обстановка диктовала Клименко жесткость. Он и поступил жестко. Если бы не переломил сразу, ломал бы дальше. Как и обещал, снял бы бунтарей с работы, хотя, чтобы заменить их, понадобились бы фантастические усилия. Но иначе нельзя было. И не ради одной дисциплины, не ради престижа правления. Ему хотелось, чтобы люди научились видеть дальше сиюминутной выгоды и поняли: это **наша** земля, **наш** хлеб, **наш** колхоз.

Вспоминается нечаянно услышанный в одной деревне разговор: Несколько домашней квалификации каменщиков под присмотром колхозного головы клали стену коровника. Подошел мужичок, глянул вдоль кладки и председателю: «Упадет ведь стена». Тот повел бровями: «Иди-иди, не твоя забота!». В Новообинке такой разговор нынче невозможен. И не только потому, что Клименко не из тех председателей, что любят «поставить на место».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Страничка из блокнота

В «Родине» четыре совета специалистов: экономический, агрономический, зоотехнический и совет по механизации. Два десятка людей. Задача: вырабатывать предметные и мотивированные рекомендации по главным отраслям колхозной экономики. Это, без преувеличения, мозговой центр артели.

Еще более ценное — советы бригад. Своеобразные микропарламенты в основных производственных звеньях. Совет по отношению к бригаде играет ту же роль, что правление по отношению к колхозу.

Советы в колхозе — штука не новая, и не Клименко их открыл. Просто, делая на них ставку, Евгений твердо знал, для чего они нужны Новообинке.

Поначалу человек идет работать, чтобы получить плату за свой труд. Он заинтересован, чтобы артельное хозяйство велось прибыльно — тогда он больше получит. Но ведь те же семнадцать центнеров лука тоже дают деньги...

В принципе, атрибуты современного достатка — приемники, стиральные машины и тому подобное — новообинец мог бы иметь и на луковые доходы. Но можно точно сказать, чего никогда не могла бы сделать Новообинка на луковый рубль: школу бы не построила, кирпичный завод не пустила, электричеством и водопроводом не обзавелась, не поставила бы на машинный двор десятки тракторов и комбайнов. Но не это главное. Социализм все-таки нечто большее, чем всеобщая сытость и довольство. Высокий уровень жизни — лишь средство, необходимое условие для того, чтобы, освободив человека от непрестанной погони за куском хлеба, поднять его до уровня социально активной личности.

Размышляя над этим, Клименко убеждался, что луковичный рубль, кроме всего прочего, отучал людей от жизни сообща, от доброжелательности и требовательности друг к другу. Хорошим заработком нетрудно восстановить добросовестное отношение к своим обязанностям по принципу «как потопаешь, так и полопаешь». Но для качественного сдвига в сознании этого мало. Советы бригад и есть та форма участия в общественной жизни, которая убыстряет процесс формирования социально активной личности.

Кстати, Иван Максимович говорил о луковых доходах как о деле прошлом. Конечно, и сейчас колхозники продают излишки продуктов,

Электронная библиотека АКУНБ elib.amlib.ru

но этот приработок есть только приработок и не более. Означает ли это лишь тот факт, что колхозный рубль перетянул?

В поисках ответа натолкнулся я на один случай, связанный с чрезвычайным заседанием совета первой бригады. Работала там на ферме доярка. Хоть была она уже немолодая и опытная, вышло так, что совет постановил из доярок перевести ее в разнорабочие. Сурово обошлись с ней по той причине, что кроме дойки она никаких обязанностей за собой не числила. На ферме, к примеру, санитарный день: моют, белят. А она уходит домой. «Кто этот санитарный день придумал, говорит, — тот пускай и гнется». Поскольку «придумал» совет, то совет и отставил ее от фермы как необщественного человека.

Заметьте, провинность ее не принесла никому из членов бригады личного материального ущерба. Доярку наказали потому, что не могли простить ей равнодушия к делу, которое воспринималось как личное.

А у доярки голова шла кругом. Добро бы правление сняло ее с работы или председатель. Тогда можно было жаловаться выше, говорить, что начальство обошлось с ней круто. А теперь на кого пожалуешься? На совет? Так в нем все свои... Иван Алексеевич Безбородов — двадцать лет в трактористах, на деревне с ним любой здоровается первым. Тюсова Мария — рабочая. Если посчитать, сколько она за свою жизнь работы переделала...

Вгорячах, когда еще жгла обида, все же кинулась было она к прокурору: пускай закон заступится. Да так и оставила это дело.

Диапазон действия у бригадных советов самый широкий. От чисто производственных вопросов до примирения повздоривших соседей, что, между прочим, в деревне считается делом не последним и не каждому доверяется.

В смысле сугубо практическом советы намного облегчили управление громоздким колхозным хозяйством. Взять хотя бы того же Ивана Максимовича Глотова. На территории его первой бригады прежде было три колхоза, а в них — три председателя с правлениями, три агронома, соответственное количество учетчиков и других управленцев. Теперь он, бригадир, за всех один. Вертись хоть с утра до ночи, толку от этого верчения не будет. Люди-то разные: одному только скажешь — и достаточно, другого три раза на дню проверить надо, а от третьего вся нервная система идет вразнос. Это у бригадира. У председателя — того хуже. Если Иван Максимович хозяйствует за три колхоза, то Клименко — за все восемь; столько жило их когда-то в Новообинке.

Советы бригад приняли на свои плечи все повседневные заботы артели. Расстановка людей по работам, поощрения и наказания, забота о нравственном здоровье односельчан — ни один вопрос не реша-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.amlib.ru

ется в бригаде без участия совета. Любое его решение правление колхоза утверждает без обсуждения, придает ему силу закона.

Освободив главных специалистов от текучки, советы позволили «мозговому центру» вплотную заниматься хозяйственной стратегией колхоза. Но даже не в этом главное. Задача советов — социальная. Советы помогают колхозникам понять, что они не просто рабочие руки, не поденщики за сходную плату, а хозяева.

Не так давно один товарищ — не то чтобы очень руководящий, но в этом роде — жаловался мне, что ему трудно стало работать, как он выразился, «с нынешним народом». «Демократия!» — говорил он, упирая на «а», отчего слово звучало ругательно. — На всякое распоряжение подавай ему резон». Слушая Клименко, я про себя улыбнулся совпадению. «Нынешнее время, — сказал Евгений, — требует доказательных решений». Почти те же слова, только смысл совсем другой.

Евгения не стесняет, а радует, как доброе знамение времени, необыкновенно выросшее в сегодняшних людях чувство гражданственности.

Практически любой председатель подбирает правление по себе. Иной смотрит, чтобы люди были покладистыми и не чинились ходить под рукой. Правление, в голове которого стоит Клименко, — это совет единомышленников. У них нет расхождений в целях и средствах. В практических вопросах сшибка мнений—дело обычное. Недаром слово «убеждать» я слышал в Новообинке от самых разных людей.

«Время требует доказательных решений». Убеди пятерых в своей правоте — получишь только пять единомышленников. Сделай науку убеждать флагом — в единомышленниках будет весь колхоз, ближе станут дальние перспективы.

Страничка из блокнота

У Евгения Клименко две мечты. Первая — специализированные севообороты. Вторая — механизированные отряды, которые производили бы в пределах севооборота весь комплекс полевых работ. Именно здесь видятся председателю самые главные связи системы «человек, коллектив, земля».

В соседнем с Новообинкой Усть-Пристанском районе многие хозяйства пробуют безнарядно-звеньевую систему организации и оплаты труда. Ищут, думают, примеряют ее к алтайским условиям. Клименко самый горячий союзник усть-пристанцев, но с мехотрядами не спешит: надо сперва привести в порядок землю, не раз и не два перекро-

Электронная библиотека АКУНБ elib.altstu.ru

енную ножницами модных на час теорий. Нужно время, чтобы ни одно поле не осталось вне севооборота. Тогда за механизированным отрядом можно будет закрепить всю ротацию землепользования; передать в одни руки весь комплекс культур — от пшеницы до многолетних трав.

Для Новообинки это вопрос не только технологический. Клименко снова и снова возвращался к ленинской мысли о необходимости «строить новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы привлечения людей к труду».

Человеку крайне важно ощущать свое личное трудовое авторство. Закрепляя поле за производственным коллективом, будь то звено или отряд (дело не в названии), поставив оплату труда в зависимость от конечных результатов трудовой деятельности, мы создаем земледельцу реальную возможность хозяйствовать на земле, даем полную свободу для творчества.

Мне приходилось встречаться с ребятами из мехотрядов, когда они только начинались на казахстанской целине. То были первые шаги. Одолевали сомнения и неясности, но даже тогда одно было бесспорным: этот новый вид производственного объединения людей знаменовал собой и новый вид развития коллективизма, проникнут был истинно артельным духом.

Для Новообинки это пока еще завтрашний день. Колхоз готовится к нему без поспешности, тщательно соразмеряя силы.

...Каждая земля когда-нибудь открывается заново. Даже знакомая, распаханная и исхоженная, что начинается прямо за порогом. Еще вчера ты был на ней гостем, но вот что-то повернулось в тебе, что-то отворилось, и ты чувствуешь, как неодолимо овладела тобой сила ее тяготения. Не та, что заставляет падать подброшенный кверху камень, — другая. С ней ты уже не гость, и тебе дано понять, что значит эта земля для тех, кому она — родина. Для живых и для недоживших...

Любой путник первый взгляд на Новообинку бросает сверху, с гребня холма. Открываются его взгляду нескупо нарезанные квадраты огородов, яркая рыжина железных крыш, раздолье обской поймы.

Сойдя с холма, путник ступит на небольшой бетонный мосток с новыми перилами цвета кумача. Предок этого моста был деревянным. Поставили его в двадцатые годы новообинские мужики, только что побившие Колчака, и в праздничном настрое выкрасили красным — под революцию. С той поры прозвали мост Крашеным. Клуба тогда еще не было и в помине, и по вечерам молодежь собиралась на Крашеном мосту — по сердечным делам и просто так, попеть под гармошку.

Наступал час, откладывалась в сторону гармонь, и тогда в молодой круг вступало само Время. Новое стучалось в деревню, и надо бы-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ло по-хозяйски примериться к нему. Из этого круга вышли организаторы первой в тех краях коммуны. Бунтари и романтики, они назвали ее «Красные орлы». Орлы — потому, что им не терпелось взлететь над старой, лоскутной жизнью. Красные — это был цвет времени.

Для многих Крашеный мост был порогом, за которым начиналась судьба. И видится мне особый, высокий смысл в том, что именно в пятидесятый год Советской власти правление колхоза «Родина» по предложению Евгения Клименко решило восстановить Крашеный мост в том виде, в каком запомнился он первым коммунарам. Тут предстает перед нами не просто некий символ. В нехитром на первый взгляд акте овеществилось свойство человеческой памяти: в звездные часы истории перебрасывать мост из Сегодня во Вчера, чтобы видней стало пройденное.

Петропавловский район

Электронная библиотека АКУНБ akunb.ru

А. Н. КОГАН,
библиограф

„ПИСАТЕЛИ АЛТАЯ“

Трудно переоценить значение подготовленного краевой библиотекой и изданного Алтайским книжным издательством биобиблиографического справочника «Писатели Алтая»[1]. Справочник этот — первая крупная библиографическая работа на материале современной литературной жизни нашего края. В нем систематизированы сведения о творческой деятельности, главным образом, писателей, ныне живущих и работающих на Алтае.

Литературную жизнь Алтая до Октября и в 20—30-е годы бегло освещает вступительная статья М. Юдалевича «Я люблю Алтай...»

Во второй части справочника представлены в переводах на русский язык писатели Горного Алтая.

Каждому писателю отводится раздел, материал внутри которого расположен следующим образом: краткая биографическая справка с портретом писателя, отдельные издания, произведения, печатавшиеся в периодических изданиях и сборниках, критические работы о творчестве писателя в целом, а затем об отдельных книгах в порядке алфавита их названий.

Перечень отдельных изданий, а также публикаций в сборниках и периодических изданиях дается в последовательности выхода их в свет, вплоть до сентября 1966 года. В тех случаях, когда публикаций много и в них трудно ориентироваться, материал предварительно группируется по жанрам.

Помимо сведений о художественных произведениях, в справочнике даны также описания принадлежащих перу писателей работ очеркового и научного характера.

---

[1] «Писатели Алтая». Биобиблиографический справочник. Сост. М. Г. Вохрышева и Л. С. Панкратова. Барнаул, Алт. кн. изд., 1967.

Электронный архив библиотеки АКУНБ, elib.altlib.ru

Ко всем произведениям, за исключением стихов, даны аннотации. Просматривая их, мы узнаем, как разнообразна и значительна тематика произведний писателей Алтая. Историческое прошлое нашего края, борьба за становление Советской власти на Алтае, создание первых коммун, социалистические преобразования в Горном Алтае, дружба алтайского и русского народов, освоение целины, жизнь современной алтайской деревни, ее дела и люди, рост городов, создание новых промышленных предприятий, культурная жизнь края — вот далеко не полный перечень тем произведений и очерков, которые свидетельствуют о тесной связи писателей с жизнью края. Очень подробно аннотированы в справочнике произведения Н. Дворцова, Л. Квина, М. Юдалевича и ряда других писателей.

Отбор материала о творчестве алтайских писателей отличается продуманностью и тщательностью. В отборе критического материала составители достигли почти максимальной полноты, что повышает ценность данного пособия, особенно для таких групп читателей, как преподаватели и ученые-исследователи.

Составители справочника «Писатели Алтая» проделали серьезную, трудоемкую работу, и им, несомненно, удалось в значительной степени удовлетворить интерес широкого круга читателей к творчеству писателей-земляков. Об этом говорит также и большой спрос на справочник в книжных магазинах.

Рецензируемая книга составлена тщательно, добросовестно, библиографически грамотно, дает полные сведения о многих современных писателях Алтая. Но, на наш взгляд, она все-таки не лишена некоторых недостатков.

Прежде всего — неопределенность типа этого пособия. Составители так определяют его читательское назначение: «Предназначен справочник широкому кругу читателей: лекторам и пропагандистам, библиотечным и клубным работникам, студентам, преподавателям, ученым-исследователям и всем тем, кто интересуется алтайской литературой». Подобное объединение столь различных по подготовке, культурному уровню, потребностям и интересам групп читателей в качестве потребителей пособия нарушает один из основных принципов библиографии — дифференцированное обслуживание читателей.

Четкое определение читательского назначения пособия тесно связано с другим сложнейшим вопросом библиографической практики — вопросом об отборе имен писателей, включаемых в библиографический справочник. Сужение круга имен писателей, включенных в рецензируемый справочник, теми, «которые жили и работали на Алтае в послевоенное время», на наш взгляд, неправомерно. Богатая, интересная литература края представляется в пособии значительно обеднённой. Так, вряд ли можно считать оправданным отсутствие в справочнике имен таких писателей, дореволюционных и советских, как Вячеслав Шишков, Анна Караваева, Иван Кущевский, Глеб Пушкарев, Иван Тачалов, Илья Мухачев, Афанасий Коптелов, Елизар Мальцев, Сергей Залыгин, Савва Кожевников, который не упоминается даже во вступительной статье.

В этом, далеко не полном, списке перечислены имена тех авторов, произведе-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ния которых имеются в фондах большинства массовых библиотек. Насколько выиграл бы справочник, будь они включены в его состав!

Очень жаль, что в справочнике не нашлось места и такому своеобразному алтайскому писателю, как Петр Бородкин, который в своих произведениях на историческую тему, соблюдая почти документальную точность, добивается художественного показа событий давно минувших дней.

Существенной частью справочника являются биографические справки. Зачастую это единственный источник, из которого можно почерпнуть сведения о жизни и деятельности писателя. Однако однообразие языка и стиля, чрезмерная краткость и сухость некоторых биографических справок, опубликованных в справочнике «Писатели Алтая», не может не вызвать справедливых нареканий.

Все наши критические замечания ни в коей мере не умаляют значения той работы, которую проделали составители пособия «Писатели Алтая». Краеведы, библиотекари, преподаватели и все те, кто любит алтайскую литературу, несомненно, по достоинству оценят труд коллектива библиографов краевой библиотеки.

Сейчас справочно-библиографический отдел подготовил новый библиографический указатель «Литература об Алтайском крае», который отразит путь свершений и побед, пройденный краем за 50 героических лет, покажет вклад трудящихся Алтая в общее дело коммунистического строительства в нашей стране.

В указателе собран богатый материал, освещающий различные стороны жизни Алтая за 50 лет: партийное строительство, промышленность, сельское хозяйство, культуру, науку, искусство.

Указатель «Литература об Алтайском крае» включен в тематический план краевого издательства на 1968 год. Мы, библиотекари, надеемся, что и этот указатель будет выпущен Алтайским краевым издательством в привлекательном внешнем оформлении.

Электронная библиотека АКУНБ alib.ru

И. КАЗАНЦЕВ

ИМЯ ЕЕ НЕ ЗАБЫТО

В литературе и журналистике живут многие герои Великой Отечественной войны, совершившие подвиги во имя свободы, независимости и счастья Родины. Но их еще больше в памяти народной, в памяти тех, для кого они были родными, любимыми, друзьями, в памяти тех, кто с ними шел рядом по тяжелым военным дорогам и кто сейчас продолжает дело павших воинов.

Найти погибших героев, рассказать о них подрастающему поколению — высокая, благородная задача. Именно она вдохновила журналиста М. Длуговского на создание небольшой документальной повести «Дорога в бессмертие»[1], эпиграфом для которой взяты слова Юлиуса Фучика: «Не было безымянных героев, были люди, у каждого — имя, свой облик, свои чаяния и надежды; пусть же павшие в бою будут близки вам, как друзья, как родные, как вы сами».

Кто же она, Валя Максимова, о которой рассказывает М. Длуговской, чем дорога нам? Почему ее именем назван проспект в городе Бийске? Почему имя этой девушки носит школа в селе Енисейске, а в Бийском краеведческом музее оборудован стенд, посвященный ее жизни?

На все эти вопросы автор отвечает: Валя Максимова — наша землячка, храбрая, мужественная, до конца преданная своей Родине девушка, которая с честью выполняла боевые задания в тылу врага в годы войны.

В ее жизни, кажется, все было обыкновенным. Родилась близ города Бийска, в селе Ненинка. Накануне войны переехала в село Енисейское, где окончила среднюю школу. Затем переселилась в город Бийск и после краткосрочных курсов счетных работников устроилась на работу помощником бухгалтера пункта «Заготзерно».

Но это только на первый взгляд кажется обычным. На самом деле в детстве и юности Валя Максимова столкнулась с тяжелыми испытаниями. У нее умерли родители, на фронте погиб брат, у которого осталось трое детей, лишившихся также и матери. Большие материальные заботы легли на плечи Вали и ее старшей сестры.

Но перед трудностями Валя не отступала. В борьбе с ними закалялась ее воля. Она хорошо училась, в школе была комсомольским вожаком, активно занималась в школьном стрелковом кружке. А когда для Родины настал грозный час и в боях

[1] М. Длуговской. Дорога в бессмертие. Барнаул, Алт. кн. изд., 1967.

Электронная библиотека АКУНБ, elibaltlib.ru

с фашистами пал брат-воин, Валя попросилась на фронт, чтобы отомстить за брата, вместо него бить коварного и вероломного врага.

И все, чем была богата душа юной комсомолки, все воплотилось в дела и подвиги, которые она, будучи радисткой, совершала вместе со своими друзьями в партизанском отряде «Журналист» на Украине и в Молдавии, временно оккупированных врагом.

Любовь к Родине, к своему народу, готовность пожертвовать собой ради победы над захватчиками, презрение к смерти, благородство верной дружбы — все это особенно ярко проявилось в последнем бою, когда около семидесяти партизан отряда отражали атаки более пятисот фашистских солдат. Окруженные партизаны стойко сражались с врагами. Но силы были неравны. В критическую минуту командир отряда Жорж Смилевский крикнул Вале Максимовой: «Уходи!.. Немедленно отходи... Бери рацию и отходи... Я прикрою огнем...» Но радистка ответила: «Никуда я не пойду». И она стреляла из автомата по наступавшим гитлеровцам, а когда погиб пулеметчик, заменила его...

И командир отряда Жорж Смилевский, и Валя Максимова, и почти все партизаны пали смертью храбрых, но не отступили. Это была победа могучего духа советских людей, грудью отстаивавших правое дело.

Автор повести собрал много материалов о жизни и борьбе Вали Максимовой, умело и экономно использовал их в своем произведении. Правда, иногда эта экономность оборачивается сухостью изложения, некоторой скупостью по отношению к фактам, датам, деталям биографии. Например, из повести неизвестно, когда Валя родилась, когда окончила школу и поступила на работу, к какой награде была представлена...

Все же главная цель М. Длуговским достигнута. Благодаря его поискам, его труду имя алтайской комсомолки Вали Максимовой стало широко известным молодым строителям коммунизма.

Электронная библиотека АКУНБ elib.altlib.ru

Из прошлого

О. С. ТАЛЬСКАЯ

ДЕКАБРИСТ СЕМЕНОВ В АЛТАЙСКОЙ ССЫЛКЕ

До последнего времени принято было считать, что Алтай, как территория, принадлежавшая царской фамилии, не был местом каторги и ссылки. Однако изученные автором этих строк документальные материалы дают право утверждать, что и Алтай был местом политической ссылки. В частности, сюда было сослано восемь декабристов.

Алтайский горный округ представлял огромную территорию, включавшую в свой состав нынешние Алтайский край, Кемеровскую область, часть Новосибирской и Томской областей, юго-западную часть Красноярского края и значительную часть Восточно-Казахстанской области Казахской ССР. Местом ссылки декабристов в Алтайском округе было три населенных пункта: Бийск, Бухтарминская крепость и Усть-Каменогорск. Здесь с 1826 по 1845 гг. жили декабристы Н. Цебриков, П. Иевлев, М. Муравьев-Апостол, А. Фок, С. Семенов и члены общества «Военных друзей» братья Ф. и К. Ордынские, Я. Высоцкий.

Исключительно интересной фигурой среди декабристов является Степан Михайлович Семенов.

Степан Михайлович Семенов, декабрист-разночинец, один из самых образованных людей тогдашней России, магистр этико-политических наук Московского университета, относился к старшему поколению декабристов. Он родился в 1789 году. В 1814 году закончил университет, а через два года стал его преподавателем. Лекции молодого ученого были насыщены свободолюбивыми идеями убежденного материалиста и сторонника конституционного правления. Будучи прекрасным оратором, С. М. Семенов ловко направлял ход публичных диспутов в университете к вопросам о вреде самовластья и пользе республиканского строя. За свободолюбивые высказывания Семенов поплатился: в 1819 году он вынужден был уйти из университета. В дальнейшем Семенов служил в канцелярии департамента просвещения и духовных дел, а в 1825 году переведен был в гражданскую канцелярию Московского генерал-губернатора.

Мировоззрение Семенова не могло не привести его в ряды передовых людей того времени — с 1819 года он член «Союза Благоденствия» и даже секретарь его Коренной Думы. «Он стремился к исполнению одной задушевной мысли — учредить каким бы то ни было путем, мирным или кровавым, представительское правление и у нас в России, — писал его университетский товарищ Д. Н. Свербеев, — сошелся со всеми тогдашними заговорщиками против самодержавия»[1].

[1] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1, Госполитиздат, 1951, стр. 657.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

После роспуска «Союза Благоденствия» С. М. Семенов вошел в Северное общество декабристов. Но вскоре по делам службы ему пришлось уехать на три года, и он временно прервал свою революционную деятельность. Вернулся он в Москву в 1825 году и стал одним из руководителей Московской управы Северного общества.

Находясь в Москве, Семенов, естественно, в восстании на Сенатской площади в Петербурге не участвовал. Однако он был в курсе дел о ходе подготовки его. Об этом свидетельствует письмо к Семенову И. И. Пущина от 12 декабря 1825 года: «Когда вы получите сие письмо, все будет решено. Мы всякий день вместе у Трубецкого и много работаем. Нас здесь 60 человек. Мы уверены в 1000 солдатах... Случай удобен, ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов».[1]

В связи с поражением восстания декабристов С. М. Семенов был арестован в начале января 1826 года и заключен в Петропавловскую крепость. За упорное отрицание своей вины он на значительное время был закован в ручные кандалы. И все же Семенов не дал материала Следственной комиссии для привлечения его к суду. Тот же Свербеев объясняет это следующим образом: «Его ответы были до того преисполнены осторожной, хитрой и при всем том строго-честной и юридической мудрости, что как ни хотели предать его суду вместе с прочими, исполнить этого не могли». Наказали Семенова в административном порядке. В «Списке лицам, прикосновенным к делу о злоумышленных обществах, кои понесли исправительное наказание» под № 24 сказано: «Титулярного советника Семенова, продержав еще 4 месяца в крепости, отправить в Сибирь на службу, но без повышения чина».[2]

19 ноября 1826 года С. М. Семенов прибыл в Омск. Сначала его назначили в штат канцелярии Омского областного управления, затем в феврале 1827 года перевели в Усть-Каменогорск окружным судьей. Но этому назначению воспротивился генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич, считавший, что «государственный преступник» не может занимать такую должность. И Семенова в апреле того же года назначили столоначальником в Усть-Каменогорское окружное управление. Но на этом месте он оставался недолго. Начальник Омской области Сент-Лоран считал необходимым использовать знания и опыт Семенова в центре и при первой возможности (в июне 1827 г.) снова вызвал его в Омск. Однако в результате доносов в Петербург, авторы которых опасались «вредного влияния Семенова на расположение умов здесь»[3], начальник главного штаба Дибич потребовал от Сент-Лорана, чтобы Семенов немедленно отправлен был обратно в Усть-Каменогорск.[4]

Получив от Дибича «строжайший выговор», Сент-Лоран вынужден был оправдаться за самовольный перевод Семенова в Омск. В своем рапорте Сент-Лоран объясняет, что согласно полученного генерал-губернатором отношения от управляющего Министерства внутренних дел № 1357 от 19 июля 1826 года Семенов прислан в Омскую область на службу лишь без повышения чина и что в этом документе не сказано, где именно Семенов должен служить. Поэтому, зная «об отличных способностях к гражданской службе, равномерно убеждаясь крайним недостатком чиновников», Сент-Лоран счел возможным перевести Семенова в Омск, чтобы, использовав его способности, «иметь также под своим присмотром».[5]

6 февраля 1828 года Семенов снова прибыл в Усть-Каменогорск. В формулярном списке Семенова указывается, что с этого числа он «обращен вторично к прежней

---

[1] И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма. Госполитиздат, 1956 г., стр. 96—97.

[2] Центральный Государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 36, оп. 5/848, д. 26, л. 21.

[3] ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, д. 494, л. 14 об.

[4] Там же, л. 15 об.

[5] Там же, л. 16.

Электронная библиотека АКУНБ elib.altlib.ru

должности столоначальника Усть-Каменогорского окружного управления» и «уволен от сей должности 8 марта 1830 года»[1]. Казалось бы, по официальным документам внешне все обстояло благополучно. Однако именно этот период был наиболее тяжелым для ссыльного декабриста. В архиве III отделения хранится любопытная выписка из письма тверского учителя Василия Михайловича Семенова своему брату— декабристу в Усть-Каменогорск. Письмо датировано 4 марта 1829 года и является ответом на письмо Степана Михайловича от 27 декабря 1828 года, доставленное в Тверь 28 февраля 1829 года. Небольшая выписка, которую жандармы сочли нужным оставить в своем делопроизводстве, проливает свет на то тяжелое положение, в котором находился декабрист в этот период. «Поверить трудно, — писал В. М. Семенов, — вот что случилось в просвещенном нашем 19 веке, такого не было и в самые отдаленные времена невежества и варварства. После тех должностей, которые занимал ты 10 лет с честью в виду правительства, ты сделан писцом и без жалованья (**разрядка наша. О. Т.**), всю жизнь свою посвятив благу других»[2]. Из дальнейшего текста письма выясняется, что декабрист в материальном отношении доведен до последней крайности. Чтобы не умереть с голоду, он продает свои последние вещи, вошел в неоплатные долги и «сим только ничтожным средством поддерживает плачевное бытие свое». Вместе с письмом В. М. Семенов послал брату 100 рублей ассигнациями и обещал через некоторое время выслать еще несколько рублей. С большим трудом оторвал тверской учитель из своего скудного бюджета эту сумму: на его небольшое учительское жалованье живут две дочери и престарелая мать.

Однако и эта маленькая помощь продолжалась недолго: Василий Михайлович умер от холеры. Без средств к существованию остались мать декабриста и две племянницы. И Семенов, который никогда ничего для себя не просил у начальства, вынужден обратиться к своему бывшему начальнику князю Голицыну с просьбой «возвратить его в Москву», так как взять к себе семью брата из-за сурового для матери климата он не может, а помочь материально из своего нынешнего 25-рублевого жалованья тоже не в состоянии.[3]

В просьбе, конечно, было отказано. До сведения царя письмо Семенова даже не довели. Кроме резолюции с отказом, на письме имеется еще приписка шефа жандармов Бенкендорфа: «Об нем просить нельзя, он и так слишком мало наказан»[4].

Однако царю все же пришлось услышать о Семенове. Связано это было с путешествием по Сибири немецкого ученого Александра Гумбольдта. Когда Гумбольдт приехал в Омскую область, сопровождать почетного гостя через Усть-Каменогорскую и Бухтарминскую крепости до китайской границы управляющий Усть-Каменогорским округом майор Барташевич поручил Семенову, как самому образованному человеку. Гумбольдт, который был в восторге от своего гида, при встрече с царем сказал ему об этом. Николай I, узнав, что речь идет о декабристе Семенове, немедленно распорядился наказать и Семенова, и тех, кто «позволил Семенову отлучиться из назначенного для его жительства места».[5] Барташевич был арестован, а Семенова приказано было использовать в должности не выше канцелярского служителя в отдаленном месте без права выезда. Пока выбиралось «отдаленное место», Семенова перевели из окружного управления писарем к коменданту Усть-Каменогорской крепости де Лианкуру.

---

[1] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 109, оп. 5, д. 61, ч. 176, л. 63.
[2] Там же л. 26.
[3] Там же, л. 34, об. 35, 35 об.
[4] Там же, л. 36.
[5] Там же, л. 30.

Электронный архив АКУ им. Ерзакова

Об обстановке, в которой жил и работал в этот свой последний период в Усть-Каменогорске декабрист, можно судить по этой характеристике, которую дал его начальнику де Лианкуру проезжавший через Усть-Каменогорск в 1829 году декабрист М. И. Муравьев-Апостол.

Де Лианкур был эмигрантом, бежавшим в Россию из революционной Франции. На русской службе он командовал полком, но когда началась война России с Наполеоном, де Лианкур отказался в ней участвовать, и его в виде «наказания» отправили комендантом Усть-Каменогорской крепости, где он дослужился до генерал-майора. За десятки лет жизни в России он так и не научился русскому языку. По-русски он знал очень мало и не придерживался никаких правил грамматики. Жену свою он называл «Матрон Иванов», а чиновников встречал словами: «Рюмку водки и пошел вон». Дочерей своих он совсем не учил грамоте, так как считал, что выйти замуж за сибиряков, которых он всех без исключения называл дураками, можно и неграмотными.[1] Анекдоты о его самодурстве, произволе и странностях были широко известны в Сибири. И у такого вот «деятеля» работал писарем один из образованнейших людей России!

8 марта 1830 года Семенов в сопровождении полицейского чина выехал из Усть-Каменогорска в Тобольск, где получил назначение канцелярского служителя Туринского окружного суда. Остались позади самые тяжелые для него годы. Непрерывные понижения в должности, тяжелое материальное положение, неустроенность, моральная неудовлетворенность, невозможность приложить свои богатейшие знания, полицейский надзор — все это было уделом Семенова в Усть-Каменогорске.

Дальнейшая судьба С. М. Семенова сложилась следующим образом.

8 лет прожил Семенов в Туринске, затем его вновь перевели в Омск, из Омска — в Тобольск. В Омске и Тобольске Семенов занимал уже ответственные должности. Этот период его службы хорошо характеризуют несколько слов из письма И. И. Пущина, который встретился в 1839 году с Семеновым в Омске по пути с каторги на поселение в тот же Туринск: «В Омске дружеское свидание со Степаном Михайловичем. После ужасной бесконечной разлуки не было конца разговорам, — он теперь занимает хорошее место, но трудно ему, бедному, бороться со злом, которого на земле очень, очень много».

Западно-Сибирское начальство высоко ценило знания и способности Семенова и старалось использовать его с наибольшей пользой. Переводя его в более высокие должности, генерал-губернатор Горчаков неизменно аттестовал его поведение «безукоризненным».

Однако в политической лойяльности декабриста начальство весьма и весьма сомневалось. В одной из характеристик Семенову, относящихся к последним годам его жизни, генерал-губернатор осторожно писал: «Поведения Семенов безукоризненного, но что касается до образа мыслей его, то по совести, не давая присяги, с достоверностью могу засвидетельствовать, что он доселе в обнаружении идей, противных нашим законам, явно не изобличался.[2]

Семенов, живя в Омске и особенно в Тобольске, поддерживал тесную связь со многими декабристами, помогал материально неимущим товарищам. «Надо удивляться Степану Михайловичу, — писал И. И. Пущин в указанной уже книге, — он при одном жалованье находит возможность быть полезным другим».

Умер С. М. Семенов в Тобольске в 1852 году на руках своих товарищей-декабристов. Память о нем, как о замечательном человек, независимом и честном, непреклонном перед несправедливостью, осталась не только у его товарищей, но и всех, кто знал его в Сибири.

---

[1] М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Издательство «Былое». Петроград, 1922, стр. 73.

[2] ЦГАОР, ф. 109, оп. 5, д. 61, ч. 176, л. 72.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

А. БЕСФАМИЛОВ

Жертва кредита

(ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ)

— Смотри, завтра верни, — предупредил Клещеев, одолжив пятерку.

— Как штык! — заверил Стрекопытов.

Штык подвел: свободных денег не оказалось. «В получку отдам», — решил Стрекопытов.

В получку подоспела очередь на стиральную машину. С долгом пришлось повременить до аванса.

— Ну, как с пятеркой? — хмурился Клещеев.

— Завтра, клянусь честью! — уверял Стрекопытов.

Как на зло, деньги всегда требовались самому. То магнитофон, то холодильник... Встречая заимодавца, Стрекопытов краснел и извинялся. А потом стал прятаться в подворотни. «Прицепился как... — раздраженно думал он. — Будто не может обойтись без этой пятерки!»

— Долго, с-скотина, тянуть будешь? — продолжал наседать Клещеев.

— Завтра, ей-богу, завтра! — чуть не плача, твердил Стрекопытов.

Однажды Клещеев поймал должника за шиво-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

рот и потряс на глазах у соседей. Стрекопытова взорвало.

— Еще чего не хватало! — возмутился он.

Эти слова привели Клещеева в бешенство. Не помня себя, он развернулся и добавил то, чего, по его мнению, не хватало...

Дворовая общественность живо реагировала на происходящее.

— Отдаст, — говорили одни.

— Ни в жисть! — уверяли другие.

Наиболее любопытные даже ходили справляться к самому Стрекопытову...

Получить долг стало для Клещеева вопросом самолюбия. Часами торчал он в подъезде, караулил должника. И небезрезультатно.

— Смотри, повадился, мелочник несчастный! — негодовал Стрекопытов, ощупывая на бегу шею.— Как будто у меня пятерки на земле валяются!

— Как об стенку горох! — жаловался Клещеев соседям.

— Да плюньте вы! — убеждали те.

— Пробовал, не действует!.. Ничего не действует!

Клещеев ошибался: действовало. Выходя из дома, Стрекопытов затравленно озирался и вздрагивал. В каждом встречном виделся заимодавец. Ночами ему чудился стук в дверь и зловещий голос: «Стрекопытов дома? Вызовите на минутку...». «Интересно, стыдить будет, или сразу бить начнет?»— холодея думал он.

Дальше так жить было невмоготу. Однажды, встретив Клещеева, Стрекопытов до того обезумел, что сунул руку в карман, намереваясь вернуть пятерку. И только страшным усилием воли сдержался. Шатаясь, добрался домой и в изнеможении рухнул на диван.

— Воды... — прохрипел он, теряя сознание.

— Теперь сдастся! — в один голос решили соседи.

Они не ошиблись. Ночью Стрекопытов упаковал вещи и переехал в другой город.

Электронная библиотека АКУНБ elib.altlib.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Пантюхов. КРАСНАЯ ЛИНИЯ. *Из книги жизни.* 3
Николай Черкасов. *Стихи* 8
Александр Баздырев. КОРНЯМИ КВЕРХУ. *Рассказ* . . 8
Виктор Слепенчук. ИЗ ВЕСЕННЕЙ ТЕТРАДИ. *Стихи* . 10
Евгений Осокин. ЖЕЛТЫЙ КАМЕНЬ. По мотивам алтайского предания. 10

ЛЮДИ НАШИХ ДНЕЙ

В. Явинский. ПИСАТЕЛЬ, АКТЕР, РЕЖИССЕР . . . 107
Г. Брейгин. ЗЕМНОЕ ТЯГОТЕНИЕ. *Очерк* 115

ЧИТАТЕЛИ, ПИСАТЕЛИ, КНИГИ

А. Н. Коган, библиограф. «ПИСАТЕЛИ АЛТАЯ» . . . 12
И. Казанцев. ИМЯ ЕЕ НЕ ЗАБЫТО. 128

ИЗ ПРОШЛОГО

О. С. Тальская. ДЕКАБРИСТ СЕМЕНОВ В АЛТАЙСКОЙ ССЫЛКЕ 1

С УЛЫБКОЙ

А. Бесфамилов. ЖЕРТВА КРЕДИТА. *Юмористический рассказ.*

Художественный редактор **В. Еврасов**
Технический редактор **М. Сафонова**
Корректор **С. Карпова**

Сдано в набор 12. I. 1968 г. Подписано к печати 9. II. 1968 г. Формат 70×84/16. Бумага тип. № 3. Усл. п. л. 9,265. Уч.-изд. л. 8,91 (2 вкл.). Тираж 5000 экз. АГ 01593.

Алтайское книжное издательство—Барнаул, Ленина, 76. Заказ № 105. Типография № 1 Управления по печати. Барнаул, Л. Толстого, 29.
Цена 40 коп.

Электронная библиотека АКИПР elibalt.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru